

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2009

ISSN 0131-2812

Интервью С.В. Лаврова журналу
«Проблемы Дальнего Востока»

●
РФ — КНР: по пути
добрососедства и сотрудничества

●
Китай на марше: достижения
и перспективы

●
60 лет КНР. Круглый стол в ЦДВ

●
Российское Китаеведение
глазами китайского ученого

2-49P3.

獻給中華人民共和國成立六十周年
獻給俄中建交六十周年

“Поздравляем с 60-й годовщиной образо-
вания Кита ^{“ Народной Республики”} “Позд-
раваем: 2009 ²⁰⁰⁹⁻⁰³ ссий-

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2009

Сентябрь - Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

От главного редактора.....	3
С. Тихвинский. Как это было. Из воспоминаний о провозглашении КНР 1 октября 1949 г.....	4

РФ — КНР: 60 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова журналу “Проблемы Дальнего Востока”.....	8
А. Бородавкин. Россия и Китай: по пути добрососедства и сотрудничества.....	12
С. Разов. Шестьдесят лет российско-китайских отношений: некоторые уроки.....	20

К 60-Й ГОДОВЩИНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

М. Титаренко. Китай на марше: о достижениях и перспективах развития страны в XXI веке.....	27
Н. Мамаева. Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-политических преобразований. КПК и КПСС — некоторые направления сравнительного анализа.....	39
В. Трифонов. Внешняя политика КНР (1949—2009 гг.).....	57
А. Верченко. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949—1960 гг.).....	71

© Российская академия наук, 2009 г.

© Редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” (составитель), 2009 г.

А. С. ЯКЗ

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

60 лет Китайской Народной Республике: итоги и перспективы.....80

ОБЩЕСТВО

Е. Баженова. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ.....121

ИСТОРИЯ

В. Усов. Изучение истории КНР в России за последние десять лет (1999—2009 гг.).....130

Чэнь Чжихуа. Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978—2008 гг.).....141

КУЛЬТУРА

Мао Цзэдун. “Зимние облака”: избранные стихи (перевод с китайского и предисловие А. Панцова).....153

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Г. Куликова. Во имя добрососедства, дружбы и сотрудничества.....165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Алексанян, С. Горбунова. 300 лет российского китаеведения глазами китайского ученого.....176

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Якову Михайловичу Бергеру — 80 лет.....185

Юбилей Зои Андреевны Муромцевой.....188

Contents.....190

Summary.....191

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

От главного редактора

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию пятый номер журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2009 г. является специальным выпуском. Он посвящен двум важным историческим датам — 60-летию Китайской Народной Республики, провозглашенной 1 октября 1949 г., и 60-летию установления дипломатических отношений между только что созданной КНР и Советским Союзом, правопреемницей которого с конца 1991 г. стала Российская Федерация.

Выход на международную арену нового Китая, вскоре официально вступившего с СССР в союзнические отношения, явился одним из главных факторов, обусловивших формирование биполярного мира, просуществовавшего почти полвека. А в настоящее время именно динамичное повышение удельного веса Китая в мировой экономике и умножение его ролевых функций в мировой политике становятся катализаторами вызревания полицентричной геополитической структуры мира.

В материалах специального номера журнала предпринята попытка показать российской общественности основные достижения, особенности и проблемы развития Китайской Народной Республики за шесть десятилетий в таких сферах, как внутриполитический курс и внешняя политика страны, экономическое строительство и реализация социальных программ.

Вполне естественно, что особое внимание в специальном выпуске уделено двусторонним отношениям. Важные эпизоды их истории освещены в статье о работе советских специалистов в КНР. Значение, современные особенности и перспективы дальнейшего углубления отношений стратегического партнерства между РФ и КНР показаны в материалах, представленных руководящими сотрудниками Министерства иностранных дел России.

Статьи об изучении российскими и китайскими учеными истории страны-соседа свидетельствуют о глубоком взаимном интересе китайцев и россиян друг к другу, который, надо полагать, сохранится и впредь. Залог тому — географическая близость и переплетение исторических судеб двух стран, их взаимная заинтересованность в углублении международно-политического, экономического и гуманитарного взаимодействия.

От имени редколлегии и редакции выражаю глубокую признательность всем авторам, предоставившим свои статьи и материалы для публикации в специальном выпуске журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Владимир Портяков

Как это было. Из воспоминаний о провозглашении КНР 1 октября 1949 г.

© 2009

С. Тихвинский

21 сентября в Бэйпине в присутствии 662 представителей — от КПК, всех демократических партий и групп страны, профсоюзов и других массовых общественных организаций, НОАК, беспартийных общественных деятелей, зарубежных китайцев — открылась первая сессия Народной политической консультативной конференции, взявшей на себя роль Учредительного собрания. 30 сентября на сессии НПКК были приняты Общая программа НПКК, Закон об организации Центрального народного правительства, Декларация об образовании Китайской Народной Республики, утверждены государственный флаг, герб и государственный гимн КНР. Сессия постановила вернуть Пекину его историческое название Бэйцзин (Северная столица — Пекин) и сделать его столицей КНР.

В ясное, солнечное утро 1 октября 1949 г., за несколько часов до начала исторической торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики, в город поездом из Северо-Восточного Китая прибыла делегация советской общественности во главе с известными писателями и общественными деятелями А.А. Фадеевым и К.М. Симоновым. Сотрудники генерального консульства, приехавшие на вокзал для их встречи, были немало удивлены, когда за несколько минут до подхода поезда на пустынном перроне появилась группа военных, которые бережно вели, поддерживая с двух сторон, бледного, с закрытыми глазами Чжоу Эньлая. Подойдя к нам, его помощник тихим голосом попросил не будить Чжоу Эньлая и пояснил, что тот четверо суток не смыкал глаз, так как руководил работой учредительной сессии Народной политической консультативной конференции.

Как только поезд стал приближаться к перрону, помощник разбудил Чжоу Эньлая. Очнувшись, тот с виноватым видом, но очень приветливо поздоровался с нами и потом горячо приветствовал членов советской делегации от имени Китайского государства, проявив трогательную заботу о заболевшем в дороге Фадееве. Спустя считанные часы, как всегда бодрый и подтянутый, Чжоу Эньлай вместе с другими руководителями избранного накануне Центрального народного правительства стоял на правительственной трибуне на площади Тяньаньмэнь.

Тихвинский Сергей Леонидович, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, главный научный сотрудник ИДВ РАН, Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы.

К полудню огромную площадь перед бывшим императорским дворцом Гу-гуном заполнили жители города — рабочие и служащие, студенты и преподаватели, крестьяне пригородов. В ожидании начала праздничной церемонии все они оживленно переговаривались, тут же самодеятельные артисты исполняли танцы “ян-гэ” под гулкие звуки барабана. Царило неподдельное веселье, развевались красные флаги, играла музыка, четкими квадратами были построены подразделения НОАК, войска столичного гарнизона. Взоры всех устремлялись на главные ворота дворца — там на надвратной галерее, украшенной большими круглыми красными фонарями, собрались члены вновь избранного Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. Внизу у ворот, на возведенных по этому случаю деревянных трибунах, находились делегаты НПКК, руководящий состав КПК и демократических партий, представители общественных организаций, участники проходившей в то время в городе международной профсоюзной конференции, зарубежные гости.

Ровно в 15 часов генеральный секретарь Центрального народного правительства КНР, ветеран коммунистического движения Линь Боцуй объявил о начале торжественной церемонии. По команде председателя Центрального народного правительства Мао Цзэдун на высоком флагштоке в центре площади медленно поднялся красный стяг с пятью звездами — государственный флаг КНР (четыре звезды, расположенных полукругом вокруг большой звезды, символизовавшей КПК, олицетворяли рабочий класс, крестьянство, мелкую буржуазию и национальную буржуазию). Под звуки “Марша добровольцев”, ставшего гимном КНР, прогремели 28 залпов артиллерийского салюта, символизировавших 28 лет борьбы Коммунистической партии Китая за победу. По окончании гимна и салюта Мао Цзэдун зачитал текст Декларации Центрального народного правительства об образовании Центрального народного правительства КНР, принятой накануне на заключительном заседании НПКК.

После того, как Мао Цзэдун огласил текст Декларации, начался военный парад, его принимал главнокомандующий НОАК, прославленный полководец Чжу Дэ, а командовал парадом генерал Не Жунчжэнь — командующий военным округом Северного Китая.

Непрерывным потоком на протяжении трех часов с востока на запад мимо центральных трибун и собравшихся на противоположной стороне площади жителей города двигались колонны моряков, пехотинцев, моторизованных частей, артиллерии, кавалерии. Внушительно выглядела трофейная американская военная техника, захваченная в боях с гоминьдановской армией. В небе промчались самолеты молодых военно-воздушных сил республики. Отлично прошедший военный парад наглядно продемонстрировал боевую мощь и выучку НОАК. Когда стало смеркаться, на площадь вступили колонны демонстрантов, в небо взмыли ракеты праздничного фейерверка.

Ко мне подошел Хань Суй, помощник только что назначенного премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлая, и передал его просьбу не уезжать из генерального консульства на правительственный прием до тех пор, пока мне не доставят срочное письмо. И действительно, едва я вернулся с площади Тяньаньмэнь, в генеральное консульство прибыл Хань Суй и вручил мне официальное письмо. Вот содержание полученного мной письма:

*Генеральному консулу Советского Союза в Пекине
Господину Тихвинскому.*

Настоящим извещаю Вас о том, что сегодня Председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдун опубликовал декларацию.

При настоящем письме я направляю Вам эту декларацию и надеюсь, что Вы перешлете ее правительству Вашей уважаемой страны.

Я полагаю, что установление нормальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными государствами мира является необходимым.

*Министр иностранных дел
Центрального народного правительства
Китайской Народной Республики
Чжоу Эньлай
1 октября 1949 года, Пекин*

Переведя с китайского на русский текст письма Чжоу Эньлая и срочно по-слав телеграфом в Москву, я с женой поехал на правительственный прием в гостиницу "Пекин", а на площади до глубокой ночи продолжалось гулянье.

Рано утром следующего дня московское радио оповестило весь мир о признании Советским Союзом Народной Республики в Китае. В телеграмме Чжоу Эньлаю от 2 октября 1949 г. по поручению правительства СССР первый зам. министра иностранных дел А.А. Громыко уведомлял:

"Правительство Союза Советских Социалистических Республик настоящим подтверждает получение Декларации Центрального народного правительства Китая от 1 октября с.г. с предложением об установлении дипломатических отношений между Народной Республикой Китая и Советским Союзом.

Рассмотрев предложение Центрального народного правительства Китая, Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное народное правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение — установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Китая и обменяться послами".

Вскоре из Москвы сообщили, что меня назначили временным поверенным в делах СССР в КНР. В этом качестве я присутствовал 5 октября на состоявшейся в дворцовом зале Хуайжэньтан (там, где в конце сентября проходила НПКК) учредительной конференции новой массовой организации — Общества китайско-советской дружбы, первым председателем которого был избран секретарь ЦК КПК Лю Шаоци, а его заместителями — Сун Цинлин, У Юйчжан, Шэнь Цзюньжу, Ли Цишэнь, Го Можо, Чжан Лань и Хуан Яньпэй. В состав Центрального правления ОКСД вошло 199 человек. В принятом уставе говорилось, что основная цель Общества — развитие, укрепление дружественных взаимоотношений Китая и СССР, содействие укреплению связей и сотрудничества между Китаем и СССР в области культуры, науки, экономики и в других областях, усиление единства между Китаем и СССР в общей борьбе за прочный мир во всем мире.

Вскоре я получил указание из Москвы запросить агреман на советского посла в Пекине Н.В. Рощина...

Когда Н.В. Роцин прибыл в Пекин, Чжоу Эньлай лично встретил его на вокзале, что не предусматривалось протоколом. Посол Советского Союза был первым дипломатом, аккредитованным в столице новой республики... Через несколько дней состоялась церемония вручения верительной грамоты. Вот как это происходило.

Роцин в сопровождении старших сотрудников посольства, одетых по такому случаю в парадную, черную с золотым шитьем дипломатическую форму, при кортиках, орденах и медалях, прибыл в Малый зал дворца Хуайжэньтан на территории Чжуннаньхая. Все советские дипломаты выстроились в ряд в ожидании появления председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна, который вскоре вошел в зал вместе с Чжоу Эньлаем, генеральным секретарем правительства Линь Боцюем и членом Центрального народного правительства Не Жунчжэнем.

Выступив на несколько шагов вперед, посол Н.В. Роцин зачитал текст верительной грамоты (перевод которой я тут же повторил по-китайски) и сказал краткое приветственное слово в адрес китайского руководства.

Мао Цзэдун в ответ зачитал краткое заявление, в котором приветствовал установление Советским Союзом — первым из иностранных государств признавшим Китайскую Народную Республику — дипломатических отношений с КНР и заверил посла в том, что со стороны правительства КНР будет оказано полное содействие в выполнении им своих функций.

Печатается с разрешения автора по тексту: С.Л. Тихвинский. Провозглашение Китайской Народной Республики. В кн.: С.Л. Тихвинский. Избранные произведения в пяти книгах. Книга пятая. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006. С. 233-237.

РФ—КНР: 60 лет дипломатических отношений

Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова журналу "Проблемы Дальнего Востока"

В связи с 60-й годовщиной образования Китайской Народной Республики и 60-летием установления дипломатических отношений между СССР (правопреемницей которого с 1991 г. стала Российская Федерация) и КНР министр иностранных дел РФ С.В. Лавров любезно согласился ответить на вопросы журнала "Проблемы Дальнего Востока".

1. Вопрос: Как вы оцениваете роль и место Китайской Народной Республики в современной глобальной системе международных отношений?

Ответ: Китай — это, без сомнения, один из ключевых элементов формирующейся на наших глазах полицентричной международной системы. За последние тридцать лет в Китайской Народной Республике произошли грандиозные перемены во всех сферах жизни, существенно укрепился ее экономический и военный потенциал, повысился ее вес в международных делах. По такому показателю, как ВВП, КНР занимает сейчас третье место в мире, входит в число лидеров по объему внешней торговли. Другими словами, Китай превратился в мощную мировую державу. В Пекине ставят задачу к середине XXI века завершить модернизацию страны и выйти по показателю ВВП на душу населения на уровень среднеразвитых государств.

Китай поддерживает интенсивные, разветвленные отношения с США, Евросоюзом, активно включен в процессы экономической интеграции в Азии. При этом важно, что курс, осуществляемый КНР в международных делах, характеризуется взвешенными, последовательными подходами к ключевым вопросам, включая укрепление основ многополярности при формировании нового миропорядка, необходимость опоры на международное право и центральную роль ООН. Китай, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участником саммитов "двадцатки" и "пятерки" партнеров по диалогу "Группы восьми", действует консолидации коллективных действий международного сообщества при решении таких глобальных проблем, как укрепление международной безопасности, борьба с терроризмом и транснациональной преступностью, преодоление последствий финансово-экономического кризиса, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, преодоление бедности.

КНР активно участвует в международных усилиях по обеспечению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, урегулированию существующих там конфликтов, в том числе — ситуации на Корейском полуострове, в Афганистане, вокруг иранской ядерной программы.

2. Вопрос: Каково значение российско-китайского взаимодействия в двустороннем и многостороннем форматах (ШОС, БРИК, Россия—Индия—Китай) в деле

укрепления многополярной архитектуры и демократизации международных отношений, преодоления кризисных явлений в мировой экономике?

Ответ: Отношения стратегического партнерства, установившиеся между Россией и Китаем, являются важным фактором укрепления стабильности и безопасности в Евразии и в мире в целом. Созвучие позиций наших стран по большинству международных вопросов позволяет нам осуществлять эффективную координацию действий. Это касается в том числе путей преодоления глобального финансово-экономического кризиса и реформирования мировой финансовой архитектуры.

Поддерживается интенсивный политический диалог, в том числе на высшем и высоком уровнях. Одним из первых зарубежных визитов после вступления в должность Президента Д.А. Медведева стал его визит в КНР (май 2008 г.). С того времени проведено семь двусторонних встреч глав государств. 16—18 июня состоялся государственный визит китайского лидера в Россию, а накануне в Екатеринбурге Д.А. Медведев с Ху Цзиньтао вместе участвовали в работе саммитов ШОС и БРИК. До конца 2009 г. пройдет еще несколько встреч высших руководителей России и Китая в рамках многосторонних международных форумов. В октябре Китай посетит Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин.

В последние годы российско-китайское стратегическое партнерство вышло на качественно новый уровень взаимной поддержки по наиболее чувствительным вопросам, касающимся национальной безопасности двух стран.

Взаимодействие России и Китая в различных многосторонних форматах способствует развитию сетевой дипломатии как ключевого метода ведения дел и решения международных проблем в полицентричном мире. Партнерство наших стран в Шанхайской организации сотрудничества составляет основу этой Организации, позволяет всем ее членам эффективно сотрудничать, последовательно продвигаться вперед в решении стоящих перед ней задач. Деятельность ШОС оказывает благотворное влияние на обстановку в Центральной Азии и прилегающих к ней районах.

Взаимодействие в рамках РИК и БРИК — важный вклад в укрепление, если можно так сказать, “многополярного” уровня мировой политики. Прошедший в Екатеринбурге первый полномасштабный саммит БРИК подтвердил растущее осознание общности интересов России, Китая, Индии и Бразилии как центров экономического развития и политического влияния. На саммите было подтверждено совпадение подходов к ключевым вопросам международной жизни, в том числе к задачам формирования более справедливого и демократического миропорядка.

3. Вопрос: Как вы оцениваете современное состояние и перспективы эволюции треугольника Китай—США—Россия, включая оценку концепции “совместного американо-китайского управления миром”?

Ответ: В последние месяцы из уст американских политологов действительно звучат рассуждения на тему о перспективах формирования между Китаем и США так называемой “большой двойки”. Хотя в Пекине, как известно, относятся к подобным идеям весьма сдержанно, де-факто эта конфигурация в определенном смысле уже формируется: КНР и США в силу имеющейся между ними высокой экономической взаимозависимости, интереса к одним и тем же международным проблемам существенно расширили, особенно в последние годы, сферы диалога и взаимодействия.

Но имеет право на жизнь и другая перспективная идея — “тройки” (Россия, КНР, США). Она, кстати, уже прорабатывается на академическом уровне, где к ней также проявлен немалый интерес. В таком формате имеется в виду способствовать сопряжению подходов трех стран к обеспечению международной и региональной безопасности, к дальнейшему развитию между ними разностороннего сотрудничества.

Другое дело, что ни та, ни другая конфигурация не должна предполагать альянса против кого бы то ни было, распределения “под себя” сфер влияния в

мире. Время “биполярных директорий”, как и других схем раздела мира между великими державами, безвозвратно ушло в прошлое. Сейчас речь может идти только о коллективном решении глобальных и региональных проблем.

Если для этого что и требуется, то именно коллективное лидерство — оно должно быть по-настоящему представительным в географическом отношении и учитывать культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Любые же эксклюзивные форматы, как доказывает сама жизнь, уже не в состоянии решать сегодняшние задачи.

4. Вопрос: Как Вы оцениваете современное состояние, потенциал и перспективы гуманитарного и торгово-экономического сотрудничества двух стран, взаимодействия России и Китая в обеспечении поступательного развития российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая?

Ответ: До общего уровня российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия в политической сфере мы стремимся подтягивать и такую важную его составляющую, как гуманитарное сотрудничество. Сделано на этом направлении немало. Большую роль в этих процессах играет деятельность созданной в рамках механизма регулярных встреч глав правительств двух стран Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству.

Успешно развиваются, в частности, обмены в области образования. В России в настоящее время обучается около 20 тыс. китайских студентов. При этом свыше 500 молодых людей из Китая ежегодно принимаются в российские вузы за счет федерального бюджета для изучения русского языка, подготовки по специальностям экономического, технического и медицинского профилей. Общее количество российских студентов, приезжающих в Китай постигать науку по государственной линии или на платной основе, также растет из года в год и сейчас составляет около пяти тысяч человек.

По мере углубления российско-китайских торгово-экономических связей, дальнейшего увеличения числа масштабных двусторонних проектов растет спрос в Китае на квалифицированных специалистов-русистов. В настоящее время русский язык в Китае изучают около 40 тыс. студентов и более 80 тыс. школьников. По имеющимся данным, около 60 тыс. граждан в северо-восточных провинциях КНР в разной степени владеют русским языком. И это — довольно значительный прогресс в сравнении с не столь уж отдаленным прошлым.

Россия и Китай — страны с богатейшими культурными традициями. Культурная составляющая была яркой и запоминающейся в тех мероприятиях, которые с большим успехом прошли в 2006—2007 гг. в рамках Годов России в Китае и Китая в России. После проведения Фестиваля российской культуры в августе 2008 г. в рамках общей программы Олимпийских игр в Пекине настала наша очередь принять китайские художественные коллективы для проведения Фестиваля китайской культуры, приуроченного к 60-летию установления дипломатических отношений между нашими странами. А в 2010 г. вновь предстоит масштабный “десант” российских мастеров культуры и искусства в Китай — на этот раз для участия в культурных мероприятиях в ходе ЭКСПО—2010 в Шанхае.

Особые надежды в плане расширения социальной основы двусторонних партнерских отношений, в первую очередь в молодежной среде, мы возлагаем на проведение Года русского языка в Китае в 2009 г. и Года китайского языка в России в 2010 г. По аналогии с успешно проведенными ранее национальными Годами эти мероприятия призваны стать яркими, надолго запоминающимися событиями, которые, как мы надеемся, продвинут вперед не только сотрудничество в сфере образования, но и весь комплекс гуманитарных связей.

Исключительно важное место в комплексе взаимоотношений, формирующих основу стратегического партнерства между Россией и КНР, занимает двустороннее торгово-экономическое сотрудничество. За предыдущие годы оно существенно продвинулось вперед. В 2008 г. был вновь обновлен рекорд объема двусторонней торговли — более 55 млрд долл. При этом по итогам года Китай занял 3-е место среди внешнеторговых партнеров России, Россия во внешней торговле КНР находилась на 8-м месте.

Не может, однако, не вызывать беспокойства тот факт, что, начиная с конца 2008 г., впервые за последние годы стало наблюдаться сокращение объемов российско-китайского товарооборота. Главные причины этого связаны, конечно, с негативным воздействием глобального финансово-экономического кризиса. Но нельзя не видеть и других объективных обстоятельств — исторически сложившихся и до сих пор, несмотря на все наши усилия, сохраняющихся “узких мест” в двусторонней торговле, которые препятствуют большей интеграции российской и китайской экономик.

Важно, однако, что и в этих условиях мы продолжаем добиваться новых результатов в нашем сотрудничестве. Большой прорыв произошел в двустороннем взаимодействии в топливно-энергетическом комплексе — в апреле подписано межправсоглашение о сотрудничестве в нефтяной сфере, аналогичная работа ведется по газовой проблематике, поставкам в КНР российского угля, электроэнергии. Согласован План инвестиционного сотрудничества. В июне, в дни государственного визита Ху Цзиньтао в Россию, проведен 5-й Российско-Китайский деловой форум.

Фундаментальной целью внешней политики Российской Федерации является создание благоприятных внешних условий для внутреннего развития. Приграничное сотрудничество с Китаем может и должно служить важным дополнительным внешним ресурсом в усилиях по социально-экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока, предпринимаемых федеральными органами исполнительной власти и администрациями соответствующих субъектов Российской Федерации.

Нас радует, что постоянно расширяется география связей, которая теперь не замыкается только на пограничных регионах, а охватывает практически всю территорию двух стран. Подписано более ста соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня, более 70 субъектов Российской Федерации имеют прямые связи с китайскими провинциями и регионами. Развитию приграничного и межрегионального сотрудничества способствует проведение таких крупных мероприятий, как Харбинская торгово-экономическая ярмарка (провинция Хэйлунцзян), Торгово-инвестиционная ярмарка стран Северо-Восточной Азии (г. Чанчунь, провинция Цзилинь), наш Байкальский экономический форум.

Наибольшая доля внешнеторгового оборота приграничных субъектов Федерации приходится сейчас на КНР. На приграничных территориях наших стран будут осуществляться крупнейшие перспективные проекты двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества. В качестве примера можно привести начавшееся строительство нефтепровода Сковородино—Дацин.

Китайские партнеры позитивно отреагировали на нашу инициативу о координации стратегий регионального развития, выдвинутую на встрече глав государств России и Китая в 2007 году. Сейчас мы совместно работаем над подготовкой Программы сотрудничества регионов Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Это — большая и сложная работа, которая требует всестороннего учета и детальной проработки предложений, высказанных обеими сторонами. Однако в конечном итоге эти усилия способны дать немалую отдачу для ускорения экономического развития соседних территорий двух стран.

Россия и Китай: по пути добрососедства и сотрудничества

© 2009

А. Бородавкин

В нынешнем году Россия и Китай отмечают 60-ю годовщину установления дипломатических отношений.

На следующий день после образования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики Советский Союз первым принял решение установить дипотношения с молодой республикой, положив начало международному признанию нового Китая. 2 октября 1949 г. стало считаться днем установления официальных дипломатических отношений между двумя государствами. Эти две даты неразрывно связаны между собой, поскольку знаменуют исторические вехи, оказавшие значительное влияние не только на судьбы двух наших народов, но и на облик всего современного мира.

Российско-китайские отношения, зародившиеся в начале XVII в., прошли долгий путь становления и развития. Но мы можем с полной уверенностью говорить, что именно благодаря сформировавшимся в середине XX в. тесным дружественным отношениям два великих народа получили возможность совместными усилиями противостоять агрессии, развернуть масштабное социальное и экономическое строительство.

Широкому сотрудничеству между двумя странами дал старт подписанный 14 февраля 1950 г. в Москве советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. В последующее десятилетие двустороннее взаимодействие было оформлено целым рядом важных соглашений, в том числе о содействии в строительстве и реконструкции в КНР 156 крупных промышленных предприятий, о передаче КНР советской доли в совместных акционерных обществах, о выводе советских войск из Порт-Артура и передаче Китаю всей инфраструктуры и вооружения этой базы, об обучении китайских граждан в советских вузах, о помощи Китаю в развитии исследований по ядерной физике и использовании атомной энергии для нужд народного хозяйства, в развитии ряда важнейших отраслей промышленности, в геологических работах, о культурном сотрудничестве и других. Советский Союз также оказал КНР неоценимую помощь в создании вооруженных сил.

12 октября 1954 г. был подписан новый знаковый документ — Совместная декларация. В ней стороны заявили о готовности консультироваться для согласования действий по обеспечению своей безопасности, по поддержанию мира на Дальнем Востоке и во всем мире. В документе подчеркивалось, что СССР и КНР будут строить отношения с другими странами на основе принципов мирного сосу-

ществования, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды. В 1950-е гг. наши страны оказывали помощь Корейской Народной Демократической Республике в отражении агрессии, содействовали национально-освободительной борьбе колониальных народов, активно участвовали во многих совместных акциях социалистических стран. С самого начала Советский Союз последовательно поддерживал КНР в тайваньском вопросе и отстаивал ее право быть представленной в Организации Объединенных Наций.

Широкомасштабная помощь, оказанная Советским Союзом Китаю в 50-е годы, состояла не только в поставке оборудования для восстанавливаемых и строившихся предприятий, тысячи высококвалифицированных специалистов из нашей страны работали на стройках народного Китая. Обучение в Советском Союзе китайских студентов, аспирантов и стажеров, научно-техническое сотрудничество, в том числе в форме совместных исследований и передачи научной и проектной документации, позволило Китаю в короткие сроки создать собственную промышленную и научно-техническую базу.

И для нашей страны союз с КНР был важен, так как означал приобретение сильного политического партнера. Кроме того, в экономическом плане Китай уже тогда представлял собой емкий и перспективный рынок для советских товаров. В свою очередь, наша страна нуждалась в сельскохозяйственной продукции и некоторых других товарах из Китая.

В СССР с удовлетворением следили за успехами народнохозяйственного и социального строительства в Китае, в нашей стране рос интерес к его истории и культуре. Развернувшееся в тот период широкое гуманитарное сотрудничество, активное взаимодействие по линии обществ дружбы способствовали тому, что народы двух стран лучше узнавали друг друга, на деле укрепляя добрососедские отношения.

К сожалению, следующее десятилетие стало драматическим отрезком в истории двусторонних отношений. Резко обострились проявившиеся еще в 1950-е гг. различия в подходах руководства двух государств к основным вопросам внутренней и международной политики. С 1960 г. полемические баталии между двумя коммунистическими партиями переросли в пограничные конфликты. Консультации между правительственными делегациями СССР и КНР по уточнению советско-китайской государственной границы, проведенные в 1964 г., не привели к положительным результатам, а с ноября того же года практически прекратились все контакты между руководителями двух стран. Иными словами, неурегулированность пограничной проблемы, обострение политической и идеологической полемики между КПСС и КПК привели к вооруженным столкновениям на границе, ставшим критической точкой советско-китайских отношений.

Эскалацию напряженности на советско-китайской границе остановила встреча Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина и Премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту, состоявшаяся 11 сентября 1969 г. Вскоре после этого благодаря взаимным усилиям удалось запустить механизм пограничных переговоров 1969—1978 гг.

Общий урок, который пришлось усвоить обеим сторонам из сложных взаимоотношений этого периода, заключался в том, что идеологическая и военная конфронтация нанесла огромный урон каждой из них. Однако народы наших стран и в тех непростых условиях сохранили взаимное уважение и благожела-

тельность, основанные на историческом опыте добрососедства и глубоком осознании контрпродуктивности попыток противостоять друг другу.

Нельзя не отметить важную роль, которую сыграли тогда дипломаты двух наших стран. В самый сложный период они продолжали кропотливо работать над поиском путей разрешения сложной ситуации, стремясь сохранить конструктивный диалог и возможность сотрудничества, решая даже самые острые проблемы только политическими переговорными средствами. Во многом благодаря этому последующее восстановление межгосударственного сотрудничества происходило ускоренными темпами.

Стоит вспомнить, что даже во времена столь серьезного охлаждения двусторонних отношений Советский Союз оказал КНР решающую поддержку в получении статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН.

С 1979 г. Китай встал на путь экономических реформ и открытости внешнему миру. Этот поворот не замедлил сказаться на отношениях между нашими странами. С 1982 г. заработал механизм политических консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел. С 1983 г. началось динамичное расширение культурных, спортивных, студенческих обменов. В октябре того же года в Китай впервые после 18-летнего перерыва совершила поездку представительная группа руководителей и активистов Общества советско-китайской дружбы во главе с его председателем, академиком С.Л. Тихвинским. В декабре 1984 г. Китай посетил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И.В. Архипов. Это был первый официальный визит на столь высоком уровне после периода длительных “заморожек” в отношениях между двумя странами. В сентябре 1984 г. и 1985 г. в Нью-Йорке во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН состоялись встречи между министрами иностранных дел СССР и КНР, ставшие затем регулярными.

С 1985 г. на путь политических и экономических реформ встал Советский Союз. Одним из их главных направлений явилось расширение международных связей. Официальный визит Председателя Верховного Совета СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Китай в мае 1989 г. ознаменовал полную нормализацию советско-китайских межгосударственных отношений. Нынешний 2009 г. можно считать юбилейным также и в связи с 20-летием этого важного события.

Принципы нормализации отношений, зафиксированные тогда в Совместном коммюнике, свидетельствовали, что СССР и КНР не намерены возвращаться к стратегическому союзу 1950-х гг., но и не допустят впредь возникновения между ними конфронтации, подобной той, которая возникла в 1960—1970-е гг. Фундаментом новых отношений стали общепризнанные международные нормы. Стороны выразили твердое намерение “развивать взаимоотношения на основе универсальных принципов международного общения”: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Важным моментом явилось и то, что переговоры по пограничному урегулированию, начатые еще в 1964 г., принесли первые результаты, и 16 мая 1991 г. было подписано Соглашение о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части.

Активизация двусторонних торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных связей потребовала возобновления работы генеральных консульств России в Шанхае и Шэньяне и Китая в Санкт-Петербурге и Хабаровске.

После распада СССР Правительство КНР 24 декабря 1991 г. признало Российскую Федерацию в качестве правопреемницы международных прав и обязательств бывшего Советского Союза, и с этого момента начался новый период развития отношений между нашими странами.

На состоявшейся в январе 1992 г. в Нью-Йорке в ходе заседания Совета Безопасности ООН встрече Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и Премьера Госсовета КНР Ли Пэна было подтверждено стремление сторон развивать дружественные, добрососедские отношения на основе принципов мирного сосуществования.

В результате усилий и проявленной с обеих сторон политической воли в 1990-е гг. России и Китаю удалось выйти на оптимальную модель двусторонних отношений, в основе которой лежит взаимное уважение и учет интересов друг друга, а сознательный отказ от построения союзнических отношений в военной сфере сочетается с самой тесной внешнеполитической координацией усилий по отстаиванию общих интересов.

Взятый Россией и Китаем курс привел к формированию разветвленных механизмов двустороннего сотрудничества. Активно готовились и заключались межгосударственные и межправительственные договоры и соглашения в различных сферах. Регулярно проводились встречи и переговоры на высшем и высоком уровнях, были налажены систематические консультации по линии министерств иностранных дел, рабочие контакты между министерствами обороны.

Огромную роль в 1990-е гг. сыграли личные контакты лидеров России и Китая. Высшие руководители двух стран встречались на регулярной основе, обсуждали по "горячей линии" злободневные проблемы, обменивались посланиями. Сложившиеся между ними дружественные и доверительные отношения задавали тон общей атмосфере межгосударственного и межправительственного взаимодействия, стимулировали более активное выстраивание партнерских связей и контактов. Этот процесс вскоре нашел свое отражение в ряде важнейших двусторонних документов.

25 апреля 1996 года в Пекине Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэмином была подписана Совместная декларация, провозгласившая установление между нашими странами равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Прямым результатом выхода отношений на этот уровень явилось создание в 1997 г. во многом уникального комплекса взаимодействия в практических областях. Была достигнута договоренность о создании механизма регулярных (ежегодных) встреч глав правительств России и Китая. В целях обеспечения его работы была образована Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств, которую возглавили вице-премьеры, а также целый ряд отраслевых подкомиссий, сфера деятельности которых стала охватывать широкий спектр направлений сотрудничества. В 2000 г. была также создана Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта (в 2007 г. переименована в Российско-Китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству). Возглавляют подкомиссии, как правило, руководители соответствующих министерств и ведомств, что обеспечивает высокий уровень их взаимодействия. С 2008 г. запущен российско-китайский энергодиалог на уровне заместителей глав правительств.

К настоящему времени в рамках механизма регулярных встреч премьеров работает 18 подкомиссий и 35 рабочих групп. Таким образом, в процесс российско-китайского взаимодействия напрямую включены исполнительные органы власти двух стран.

Достигнутый к началу нынешнего столетия высокий уровень российско-китайских отношений позволил оформить их важнейшим документом — Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанным 16 июля 2001 г. в Москве Президентом Российской Федерации и Председателем КНР.

Документ, который является основополагающим для российско-китайских отношений, охватывает все основные сферы и направления двустороннего сотрудничества. Договор заключен на 20 лет с возможностью автоматического продления на следующие пятилетние периоды.

В соответствии с Договором стороны обязались на долгосрочной основе развивать отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с нормами международного права, не применять в своих взаимоотношениях силу или угрозу силой, уважать выбор пути развития друг друга, поддерживать друг друга в вопросах защиты государственного единства и территориальной целостности.

В Договоре подчеркивается, что Россия и Китай будут развивать доверие в военной области, способствовать укреплению безопасности друг друга, упрочению региональной и международной стабильности. В случае возникновения угрозы миру или угрозы агрессии Москва и Пекин незамедлительно вступают в контакт и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы. При этом стороны договорились не участвовать в союзах и блоках, не предпринимать действий, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности друг друга. Договор также предусматривает совместные усилия сторон по поддержанию глобального стратегического баланса и координацию действий на международной арене в предотвращении и урегулировании конфликтов.

Согласно этому документу, Россия и Китай развивают взаимовыгодное сотрудничество в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной и других областях, стимулируют приграничное и межрегиональное сотрудничество, содействуют культурным обменам между собой. Они активно взаимодействуют в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, организованной преступностью, наркобизнесом и нелегальной миграцией. Отдельно выделена также важность развития контактов между органами законодательной, исполнительной и судебной властей двух государств.

Принципиально важно при этом, что Договор (и это в нем отмечено особо) не направлен против третьих стран. Иными словами, всему миру еще раз давался четкий сигнал — во внешнеполитическом сотрудничестве России и Китая нет подтекста с приставкой “анти”. Это касается и нашего взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества, диалога в форматах Россия—Китай—Индия (РИК) и Россия—Китай—Индия—Бразилия (БРИК).

Договор не стал достоянием архивов, он работает. Его осуществление строится в соответствии с утверждаемыми главами государств четырехлетними Планами действий. Первый такой План был рассчитан на 2005—2008 гг. Сейчас реализуется План действий на 2009—2012 гг.

Принципиально важным моментом было то, что в статье 6 Договора зафиксировано отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий. Это положение стало отражением общего подхода сторон: граница протяженностью 4300 с

лишним километров должна не разъединять, а сближать народы наших стран, стать гарантией мирного будущего наших государств.

Включение в Договор этой статьи дало мощный импульс пограничным переговорам между двумя странами. В 2005 г. вступило в силу Дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Окончательная точка в пограничном вопросе была поставлена в 2008 г. В ходе визита в КНР Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова 21—22 июля 2008 г. главы внешнеполитических ведомств двух стран подписали Дополнительный протокол — описание линии российско-китайской государственной границы на ее Восточной части между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики. Министры подтвердили, что полное и окончательное урегулирование в сфере пограничного размежевания между двумя соседними государствами будет содействовать дальнейшему развитию российско-китайских отношений, благоприятно скажется на сотрудничестве и дружественных контактах приграничных регионов двух государств. Стороны констатировали, что вступление в силу подписанных документов означает создание всех условий по превращению общей границы в полосу стабильности и спокойствия, открытости и дружбы, развития и процветания. Таким образом, между нашими странами не осталось политических проблем, способных вызвать осложнения в двусторонних связях.

Важнейшей составляющей российско-китайских отношений являются торгово-экономические связи, которые не прерывались даже в наиболее сложные периоды истории. Экономики наших стран располагают огромным потенциалом развития торгового и инвестиционного сотрудничества. Объем взаимной торговли в 2008 г. превысил 56 млрд долл. США.

Стороны активно работают над совершенствованием структуры двусторонней торговли. Прежде всего, это касается механизма взаиморасчетов, а также необходимости повышения доли машинно-технической и высокотехнологичной продукции в российском экспорте. А за этим стоит задача тесного взаимодействия крупных производственных структур, научных организаций, финансовых институтов. Пока, к сожалению, незначительны объемы взаимных инвестиций, далеко не полностью реализованы имеющиеся возможности научного сотрудничества. Над этим еще предстоит интенсивно поработать.

Что касается крупных совместных проектов, особенно в энергетической сфере, то здесь сотрудничество разворачивается весьма активно. Совсем недавно, например, были подписаны двусторонние соглашения о строительстве ветки трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан в направлении Китая, о поставках в КНР сырой нефти на долгосрочной основе и предоставлении Пекином России крупного кредита на эти цели. При осуществлении энергетических проектов с Китаем Россия исходит из долгосрочной стратегии социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока.

Перед двумя странами открыты широкие перспективы сотрудничества в сфере авиационной, освоения космического пространства, нанотехнологий, деревообработки, транспорта, связи и многих других.

Заметным фактором активизации двусторонних связей является расширение межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации и китайских провинций. В настоящее время совместно разрабатывается Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Забайкалья Российской Федерации и провинциями Северо-Востока Китайской Народной Республики.

Реализация этого документа принесет немалую отдачу для ускорения экономического развития соседних обширных территорий двух наших стран.

В последние годы активно развиваются российско-китайские межпарламентские связи. Между руководителями парламентов сложилась хорошая практика регулярных контактов, созданы межпарламентские комиссии по сотрудничеству между Советом Федерации и Государственной Думой Федерального Собрания и Всекитайским собранием народных представителей. Состояние межпарламентских связей характеризуется высокой интенсивностью не только на уровне руководства парламентов, но и по линии профильных комитетов, депутатских групп и партийных фракций.

С каждым годом расширяется взаимодействие наших стран на мировой арене, усиливается координация действий в решении актуальных международных и региональных проблем. В последние годы российско-китайское стратегическое партнерство в международных делах вышло на качественно новый, беспрецедентно высокий уровень взаимной поддержки по затрагивающим интересы безопасности наших стран вопросам. Оно является важным фактором укрепления безопасности и стабильности в Евразии, одной из несущих конструкций современной архитектуры безопасности и стабильности в мире.

Подходы России и КНР к принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам совпадают либо близки. Этот принципиальный момент зафиксирован в ряде совместных политических документов. Так, в июле 2005 г. главами двух государств подписана Совместная декларация о международном порядке в XXI веке, отражающая совпадение подходов двух стран к ключевым проблемам современного мироустройства, приверженность формированию справедливого и рационального миропорядка, основанного на главенстве международного права, многополярности, суверенном равенстве и взаимном уважении. В мае 2008 г. по итогам государственного визита Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в КНР между двумя странами была подписана Совместная декларация по основным международным вопросам, подтвердившая широкое созвучие подходов двух стран к внешнеполитической проблематике.

В центре совместных усилий России и Китая на международной арене — задачи укрепления центральной роли ООН в мировых делах, демократизации международных отношений, защиты принципа верховенства международного права, реформы мировой финансово-экономической системы, поддержания стратегической стабильности, противодействия международному терроризму и наркопреступности, предотвращения распространения оружия массового уничтожения, других угроз глобальной безопасности.

Россия и КНР сообща способствуют укреплению мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российско-китайское партнерство играет важную роль в поиске разрешения ядерной проблемы Корейского полуострова, ситуации вокруг ядерной программы Ирана, в вопросах урегулирования в Афганистане, Ираке и в других “горячих точках”.

Во многом благодаря активной линии России и Китая укрепляется политический и практический потенциал Шанхайской организации сотрудничества, которая превращается в системообразующий фактор обеспечения мира и безопасности в Азии.

Наши страны активно взаимодействуют в рамках “тройки” РИК и “четверки” БРИК. Эти форматы, доказавшие свою востребованность, позволяют эффективно координировать подходы стран-участниц к ключевым вопросам меж-

дународной жизни, включая задачу формирования более справедливого и демократического миропорядка.

Что касается развития всего комплекса двусторонних отношений, необходимо также отметить большое значение деятельности Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, созданного в 1997 г. по инициативе руководителей наших стран. По своему статусу он является общественной организацией, которая пользуется активной поддержкой глав государств и правительств России и Китая. С российской стороны в состав Комитета входят видные деятели культуры и науки, образования, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, ряд руководителей регионов России, крупные предприниматели.

Комитет является действенным механизмом неправительственных обменов, эффективной площадкой для обсуждения наиболее актуальных проблем наших отношений, проводит важную работу по организации дружественного сотрудничества между регионами, гуманитарных и научных обменов, контактов по линии женских, молодежных организаций. Во многом благодаря его усилиям реализуется ряд перспективных инициатив в гуманитарной и культурной сферах.

Значительную роль в развитии двусторонних гуманитарных обменов играет Общество российско-китайской дружбы. С китайской стороны в этом сотрудничестве участвуют такие авторитетные организации, как Китайское народное общество дружбы с народами зарубежных стран (КНОДЗ) и входящие в него Общество китайско-российской дружбы, Общество русистов, Ассоциация выпускников советских вузов.

Сотрудничество в гуманитарной области является одним из наиболее заметных широкой общественности направлений двусторонних отношений. После успешного проведения в 2006 и 2007 гг. двух национальных Годов, еще более сблизивших народы наших стран, мы совместно осуществляем новый масштабный проект в сфере гуманитарного сотрудничества — Год русского языка в Китае в 2009 г. и Год китайского языка в России в 2010 г.

Созданная Россией и Китаем модель отношений добрососедства и сотрудничества, стратегического взаимодействия и партнерства вовсе не означает, что между нашими странами не возникают некоторые расхождения по тем или иным конкретным проблемам. Но это — не проявление каких-либо глубинных противоречий в интересах сторон, а рабочие вопросы, естественно появляющиеся в ходе динамично развивающегося двустороннего сотрудничества. У нас есть благоприятная общественно-политическая атмосфера и все необходимые организационные инструменты, которые позволяют разрешать проблемы в духе конструктивного партнерства и к взаимной выгоде двух стран.

Шесть десятилетий, прошедших после образования КНР и установления дипломатических отношений между нашими странами, принесли в мировую политику кардинальные изменения. За эти годы произошли огромные перемены как в России, так и в Китае. Но две соседние великие державы сумели найти и закрепить, а теперь продолжают постоянно совершенствовать алгоритм дружбы, партнерства и тесного разностороннего сотрудничества. Российско-китайские отношения находятся на самом высоком уровне за всю их историю, внося неоценимый вклад в развитие народно-хозяйственных комплексов двух стран, повышение благосостояния наших народов, обеспечение безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире.

Шестьдесят лет российско-китайских отношений: некоторые уроки

© 2009

С. Разов

Россия и Китай отмечают 60-ю годовщину установления дипломатических отношений, которые прошли за эти десятилетия извилистый путь: от союзничества, основанного на идеологической идентичности и блоковой солидарности, затем — враждебности и даже балансирования на грани военных действий, до стратегического партнерства и взаимодействия в рамках отношений нового типа.

Нынешние отношения — лучшие за всю их историю — базируются на общих интересах, взаимном учете озабоченностей, поддержке друг друга по принципиальным вопросам, не предусматривают создание военно-политического союза, не направлены против третьих стран, представляя собой, как показывает практика, устойчивую жизненную конструкцию. Ее формирование имело определенную этапность. В 1992 г. стороны подтвердили необходимость рассматривать друг друга как дружественные страны. В 1994 г. было решено установить отношения конструктивного партнерства, в 1996 г. — равноправные доверительные отношения партнерства, направленные на стратегическое взаимодействие в XXI в. В 2001 г. был подписан базовый политический Договор "О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве", зафиксировавший установление отношений стратегического партнерства и взаимодействия.

Такой характер отношений двух крупнейших соседних держав, кажущийся сегодня естественным и даже обыденным, — весомое и заметное в мировой политике явление, предмет внимания и анализа многих авторитетных исследований. Хотел бы высказать на этот счет некоторые собственные оценки и суждения с акцентом на шестидесятилетний опыт и уроки наших отношений с КНР.

1. Деидеологизация межгосударственных отношений. Один из таких очевидных уроков состоит в том, что в 60—70-е (в меньшей степени в 80-е) гг. XX столетия обе стороны были слишком увлечены отстаиванием своих идеологических принципов и взглядов на общественное устройство, причем расхождения по этим вопросам прямо проецировались на сферу межгосударственных отношений. Весь комплекс этих отношений, межчеловеческих контактов зачастую был, по существу, производным, а то и просто заложником той или иной трактовки марксизма-ленинизма, принципов строительства социализма и других идеологем, которые в тот период исторического развития двух стран имели самодовлеющее значение.

Еще в конце 1980-х гг. до распада Советского Союза стороны пришли к пониманию, что подлинная нормализация отношений возможна только при условии их деидеологизации, когда вопросы идеологии, а в более широком плане, проблематика внутреннего развития каждого из партнеров выносятся за рамки актуальной повестки дня межгосударственных связей. Эта очевидная и даже банальная сегодня истина на том этапе потребовала политической воли, отказа от многих устоявшихся представлений и стереотипов.

Такой подход, разумеется, не означает, что у каждой из сторон не может быть собственной точки зрения на то, что и как происходит и делается в соседней стране, на те или иные аспекты общественного устройства, социально-экономических преобразований, обеспечения прав и свобод граждан и т.д. Однако у сторон есть подтвержденное временем и опытом взаимопонимание, что народ и представляющее его государственное руководство лучше, чем кто бы то ни было другой, знают проблемы своей страны, могут определить оптимальные пути их решения, что политико-идеологическая картина мира многообразна, и чьи бы то ни было претензии на мессианство, менторство, навязывание тех или иных цивилизационных моделей не имеют оснований.

Попутно замечу, что широко распространенное представление (в духе Р. Киплинга: Запад — есть Запад, Восток — есть Восток, и вместе они не сойдутся никогда) о противоположности нынешних моделей общественного устройства и направлений развития современных России и Китая представляется мне далеко не бесспорным. При всей специфике исторического, социокультурного и в целом цивилизационного развития, Россия и Китай как страны многонациональные, с преобладающей общинной психологией, развивающие социально-ориентированную рыночную экономику, ставящие задачу создания правового государства, имеют немало общего, созвучного в подходах к решению конкретных задач развития. В любом случае, закрепленная в партийно-государственных документах КНР концепция “строительства социализма с китайской спецификой” имеет мало общего с прежними ортодоксальными трактовками научного социализма эпохи “классиков” (классовая борьба и диктатура пролетариата), а нынешний ориентир общественного развития Китая — строительство гармоничного общества, мирное возвышение и т.д. вполне укладывается в рамки понятной и нам идеологии здравого смысла (впрочем, это темы для отдельных исследований, выходящих за рамки данной статьи).

Деидеологизация межгосударственных отношений позволила перейти от осуществления в отношении друг друга идеологизированной политики, неизбежно зависящей от господствующих идей, теорий и концепций, к гораздо более рациональной и эффективной политике интересов.

2. Взаимный учет и, по возможности, сопряжение этих интересов — следующий важный урок 60 лет развития российско-китайских отношений.

Отстаивание национально-государственных интересов каждой страны — первейшая задача ее внешней политики. Сопоставление и непредвзятый анализ коренных интересов России и Китая на этапе нормализации отношений выявили, что задачи Китая по реализации концепции “четырёх модернизаций” и задачи новой демократической России, ориентирующейся на строительство правового демократического государства с развитой экономикой, во многом созвучны, а по некоторым ключевым аспектам и направлениям — совпадают. Главные из них — мир и развитие: развитие экономики и

общества в интересах человека и создание для этого благоприятных мирных условий, исключающих навязывание извне чужой воли.

По мере утверждения в России и Китае именно такого понимания и на фоне динамичных изменений международной обстановки становилась все более очевидной и практически осуществимой возможность адекватного учета жизненных интересов партнера, их сопряжения, а затем и взаимной поддержки и помощи в отстаивании партнером его ключевых национально-государственных интересов. Россия, например, последовательно поддерживает Китай по таким связанным с его суверенитетом и территориальной целостностью вопросам, как Тайвань, Тибет, Синьцзян. Мы проводили высоко оцененную в Китае работу против политизации под разными предлогами пекинской Олимпиады 2008 г. Китайская сторона, в свою очередь, неизменно поддерживает Россию в вопросах борьбы с терроризмом и сепаратизмом на Северном Кавказе. В принимаемых в последнее время совместных политических документах высокого уровня зафиксирована общность позиций России и Китая относительно расширения НАТО на Восток, создания глобальной системы противоракетной обороны, по ряду других актуальных глобальных и региональных проблем. Одним из результатов сопряжения интересов России и Китая стало создание и постоянное укрепление Шанхайской организации сотрудничества.

Разумеется, и различия в интересах имеют место. Они связаны как с естественно объективными обстоятельствами (например, Россия — один из крупнейших в мире производителей энергоресурсов, а Китай — их потребитель), так и исторически сложившимся характером отношений с отдельными странами или группами стран, региональными приоритетами и т.д. Это так же очевидно, как и то, что российско-китайские отношения не являются беспроблемными (таких, на мой взгляд, в природе не существует вовсе), тем более, что речь идет о двух крупнейших государствах, имеющих общую границу протяженностью 4300 км, вдоль которой люди каждодневно вступают в соприкосновение и взаимодействие и через которую ежегодно перемещаются миллионы граждан обеих стран. Стратегически, на мой взгляд, это надо воспринимать спокойно как нормальное явление, тактически — своевременно принимать с обеих сторон активные целенаправленные меры для поиска взаимоприемлемых решений, не допуская разрастания этих проблем до уровня и масштаба, которые могли бы поставить под вопрос, а тем более угрожать главным стратегическим направлениям взаимодействия и сотрудничества. Главное состоит не в отсутствии неизбежно появляющихся проблем, а в том, что в двусторонних отношениях сложился сейчас исключительно благоприятный климат партнерства и сотрудничества, который позволяет подходить к их решению в духе товарищества, стремясь не только отстоять свою позицию, но и понять мотивацию партнера.

Наглядным примером конструктивности такого подхода явилось успешное решение вопроса о прохождении линии российско-китайской государственной границы. Несмотря на историческую сложность и отягощенность проблемы, неоднозначность и крайнюю чувствительность ее восприятия общественным мнением обоих государств, сторонам удалось продемонстрировать подлинную государственную мудрость и дальновидность, преодолеть узкоэгоистичные взгляды и прийти к взаимоприемлемому компромиссу, историческое значение которого, я уверен, еще оценят потомки.

После фиксации в договорных документах положения об отсутствии у сторон каких-либо территориальных претензий друг к другу, а также заверше-

ния демаркации границы на всем ее протяжении, включая успешно найденный компромисс по островам у Хабаровска, на повестке дня двусторонних отношений не осталось равных по масштабу и болезненности вопросов.

3. Еще один урок, который Россия и Китай извлекли из прошлого опыта отношений — отказ от взаимного сдерживания.

Вспомним, какую высокую цену оба государства заплатили за такое сдерживание, какими колоссальными внутри- и внешнеполитическими издержками обернулась эта политика.

С конца 1960-х и по конец 1970-х гг. Китай в целях подготовки к возможной войне с СССР ежегодно направлял на военные нужды более половины государственного бюджета. Многие промышленные предприятия были целенаправленно перебазированы из приграничной зоны во внутренние районы страны, что нанесло экономике серьезный ущерб. В свою очередь, СССР, по некоторым оценкам, затратил 200 млрд руб. на строительство вдоль границы с Китаем военных объектов и сооружений. В то время как другие страны выходили на путь ускоренного развития, Китай и СССР изнуряли и обескровливали себя военным противостоянием. Разумеется, такая политика мотивировалась временем и обстоятельствами, исходила из тогдашнего понимания задач защиты национальной безопасности. Стороны давно осознали ущербность этой политики, пойдя сначала на разрядку военной напряженности в районе совместной границы, затем на ликвидацию крупных контингентов вооруженных сил в сопредельных районах, а в последние годы — проведение весьма масштабных и успешных совместных учений вооруженных сил России и Китая, направленных на отработку действий по борьбе с терроризмом, обеспечению регионального мира и безопасности.

Надо сказать, идеи сдерживания динамично растущего Китая, противодействия так называемой “китайской угрозе” достаточно распространены и сейчас, особенно на Западе. Высказываются они периодически и в некоторых российских средствах массовой информации. Действительно ли на Дальнем Востоке существует угроза нашим государственным интересам? Да, если под угрозой понимать, к сожалению, растущую разность экономических потенциалов Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России. Такое прогрессирующее отставание этого обширного региона России от сопредельных государств (это касается не только Китая), разумеется, связано с определенными рисками, вызовами и, в известном смысле, угрозами. Нет, если под “китайской угрозой” понимать сознательную, целенаправленную политику, выражающуюся в таких действиях, которые позволяют себе в отношении России некоторые другие государства — официальное объявление своими принадлежащих нам территорий, приближение к нашим границам инфраструктуры военно-политических блоков, насаждение и поддержка недружественных России режимов по периметру наших границ и т.д. Эксплуатация тезиса об “угрозе” со стороны одного из, объективно говоря, немногих стратегических партнеров России — результат либо добросовестного заблуждения от незнания истинного положения дел, либо сознательного и, не исключено, небескорыстного натягивания “пенки на кисель”.

Что касается защиты интересов национальной безопасности, то это, разумеется, первейшая задача государственного руководства России, которая, на мой взгляд, успешно решается прежде всего политическими методами. Еще раз упомяну в этом контексте урегулирование вопроса о линии прохождения государственной границы, подписание базового политического до-

говора 2001 г., в котором зафиксированы многие важные с точки зрения обеспечения наших интересов положения.

Остановлюсь еще на одном аспекте этой темы. Россия и Китай заинтересованы в успешном и устойчивом развитии друг друга. История Китая и наших двусторонних отношений за последние 60 лет свидетельствует, что экономические спазмы, социальные катаклизмы в Китае (“большой скачок”, “культурная революция”) чреваты и внешними конфронтационными проявлениями. Если кого-то это может не особенно волновать в силу, например, географической удаленности, или даже радовать (ослабление стратегического соперника), то Россия как соседняя страна, имеющая совместную протяженную границу, неизбежно ощущает это на себе в полной мере. И, наоборот, — мирное возвышение Китая, устойчивый прогресс страны, которая с симпатией относится к России, с которой у нас существуют отношения стратегического партнерства, внешняя политика которой ориентирована на усиление в мире компонента гармонии, превращение Китая в “мировую фабрику”, продукцией которой пользуются в том числе и российские потребители — все это, безусловно, в наших долгосрочных интересах.

Аналогичными соображениями, как следует из неоднократных заявлений представителей КНР, руководствуются и в Пекине. Если на этапе соперничества и вражды утрата Советским Союзом позиций и даже его распад (хотя это менее очевидно) могли рассматриваться как ослабление стратегического соперника, то на нынешнем этапе партнерства укрепление российской государственности, устойчивое социально-экономическое развитие нашей страны, повышение ее веса в мировых делах — это важный дополнительный резерв в коллективных усилиях по отстаиванию мира и международной безопасности, емкий рынок сбыта китайской продукции и гарантированного получения необходимых для развития экономики КНР товаров.

4. Опыт наших отношений с Китаем за последние десятилетия свидетельствует о принципиальной важности углубления взаимного доверия между странами на всех уровнях — государственного руководства, корпоративного и экспертного сообществ, широкой общественности. Углубление взаимного доверия — всегда процесс, причем результат в каждый отдельный момент “замерить” довольно сложно. Тем не менее, в выстраивании практической политики важно понимать степень надежности партнера, чтобы не просчитывать вероятность лукавства, расхождения слов и дел с его стороны, а сосредоточиться на конструктивных аспектах сотрудничества и взаимодействия.

Незаменимую роль в этом плане играет весьма разветвленный и структурированный механизм российско-китайского межгосударственного диалога, который сложился в последние годы. Это регулярные встречи на уровне глав государств и правительств, каждая из которых, как показывает практика, существенно продвигает наши отношения, способствует решению ключевых проблем сотрудничества. Это и регулярные контакты заместителей глав правительств по проблемам торгово-экономического, гуманитарного, энергетического, финансового и т.п. сотрудничества. Это и почти два десятка подкомиссий, рабочих групп и других постоянно действующих структур на уровне отраслевых министров или их заместителей. Активно сотрудничают законодательные органы, политические партии, общественные организации. Такого разветвленного механизма взаимодействия у России нет ни с одной другой страной (в сравнение может идти, пожалуй, лишь российско-германское сотрудничество). В рамках этих сложившихся и успешно действующих механизмов стороны имеют возможность подробно ин-

формировать друг друга о предпринимаемых действиях, намерениях и их мотивации, снимать озабоченности партнеров, решать конкретные вопросы.

Углубление взаимного доверия важно и с той точки зрения, что в отдельные периоды недавней истории тот или иной темп сближения Китая или нашей страны с ключевыми третьими странами нередко порождал мотивированные, а иногда надуманные опасения, заставляя принимать дополнительные меры и усилия, чтобы в видоизменяющихся геополитических конфигурациях не оказаться “лишним игроком”, объектом блокирования и манипуляций. В этом контексте важно исходить из самоценности российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия, доверять друг другу в главном и исходить из этого в выстраивании собственной политики.

5. Для углубления взаимного доверия, искоренения все еще бытующего в России и Китае “смазанного”, а иногда и предвзятого представления о стране-партнере и ее народе необходимо всесторонне укреплять социальную базу межгосударственных отношений. Здесь на ум, конечно, приходит, прежде всего, незабываемая атмосфера дружбы между нашими народами, которую удалось создать в 50-х годах прошлого века. До сих пор старшее поколение россиян и китайцев с ностальгией вспоминает пронизанные теплотой взаимоотношения тех лет. Мощный пласт гуманитарных взаимосвязей того периода до сих пор жив и востребован. Задача нынешнего этапа — вывести российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере на качественно более высокий уровень — в целом, успешно выполняется. В 2006—2007 гг. реализован беспрецедентный проект национальных Годов России и Китая, который придал мощный импульс расширению взаимных контактов в культурной, образовательной, спортивной и других областях гуманитарного взаимодействия. В 2009—2010 гг. проводятся Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России, призванные поддержать постоянно растущий взаимный интерес народов наших стран к языку, культуре, истории и традициям соседа. Дружба из поколения в поколение — тезис, зафиксированный в базовых двусторонних документах. Это — квинтэссенция исторического опыта дружественного общения между российским и китайским народами, а с другой стороны, — важная политическая задача, для реализации которой необходимы обоюдные усилия.

6. Опыт наших отношений, особенно последних лет, свидетельствует о том, что, созданный усилиями обеих сторон исключительно благоприятный общеполитический климат пока недостаточно полно и эффективно используется для налаживания практического сотрудничества, особенно в торгово-экономической сфере. На самом деле, сделано и делается здесь немало. В прошлом году товарооборот взаимной торговли вырос до 56,8 млрд долл., и Китай вошел в тройку наших крупнейших торговых партнеров. Подписан “контракт века” (о поставках на долгосрочной основе больших объемов сырой нефти по строящемуся ответвлению нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий океан). Ведутся переговоры относительно масштабных проектов сотрудничества в области газа, угля, электроэнергетики. Однако все это пока существенно уступает уровню и характеру торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Китая с его основными партнерами — США, Евросоюзом, Японией — политические отношения с которыми явно не “дотягивают” до российско-китайских. Это говорит о необходимости постоянного внимания к этим сферам двустороннего сотрудничества, важности получения бизнес-сообществом двух стран ориентирующих в правильном направлении сигналов со стороны правительств и экономических ведомств.

В этом плане стоит отметить ведущуюся сейчас активную разработку конкретных мероприятий по сопряжению планов развития сибирских и дальневосточных регионов России и северо-восточных провинций Китая. Принятие и реализация соответствующей программы сотрудничества означали бы не только взаимное ознакомление с планами социального развития сопредельных территорий партнера, но и появление возможностей рационального соразвития этого огромного по территории и богатого ресурсами региона в интересах народов России и Китая.

7. И последний, пожалуй, главный обобщающий урок, вытекающий из истории двусторонних отношений за последние 60 лет: дружба и сотрудничество полностью соответствуют интересам России и Китая и чаяниям народов, укрепляют социально-экономический и внешнеполитический потенциал России и Китая; недоверие, противоборство и соперничество — ослабляют их. Именно поэтому руководители двух стран провозгласили весьма актуальный лозунг: «Навеки друзья и никогда враги».

Устойчивое развитие и углубление отношений стратегического партнерства и взаимодействия с Китаем — один из немногих действительно крупных успехов внешней политики России постсоветского периода. Эти отношения стали важным компонентом нашей азиатской политики, существенно укрепили потенциал и расширили диапазон наших действий в глобальном измерении. Неизменно высоко оценивается значение партнерства с Россией и в Китае.

Такие разные и непохожие друг на друга крупные государства мира, как Россия и Китай, вопреки распространенным теориям конфликта цивилизаций, дают миру пример (если не образец) мирного, взаимовыгодного, дружественного сотрудничества. Это, безусловно, — наш совместный весомый вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе и во всем мире.

Это достояние надо ценить, бережно к нему относиться, помнить, как нелегко оно досталось современникам; изучая и усваивая опыт и уроки прошлого, продуманно строить будущее российско-китайских отношений.

К 60-й годовщине образования КНР

Китай на марше: о достижениях и перспективах развития страны в XXI веке

© 2009

М. Титаренко

Наблюдаемый в последние годы заметный рост экономической мощи и геополитического влияния Китая справедливо привлекает все более пристальное внимание специалистов и мировой общественности. Глубокие поступательные изменения, которыми вот уже скоро три десятилетия живет великий дальневосточный сосед России, порождают закономерные вопросы о природе и цене его достижений, дальнейших путях развития, перспективах российско-китайских отношений. Ответы на эти вопросы имеют не только познавательное, научное, но и прямое практическое значение для международных интересов России.

Достижения КНР

Без преувеличения можно утверждать, что успехи КНР в различных сферах экономического и социально-культурного развития за последние три десятилетия носят феноменальный характер и стали важнейшим фактором мировой политики и международных отношений. Страна совершила мощный экономический рывок. Ее ВВП с 1978 г. увеличился примерно в 16,5 раза, составив в 2008 г., по данным китайской статистики, более 30 трлн юаней (4,4 трлн долл. США)¹. По этому показателю КНР ныне вышла на третье место в мире, уступая только Японии и США. Среднедушевой ВВП возрос почти в 13 раз — с 260 долл. в 1978 г. до 3315 долл. в 2008 г.

Более чем в 120 раз вырос за годы реформ внешнеторговый оборот КНР — с 20,6 млрд в 1978 г. до 2,56 трлн долл. в 2008 г.², что сохраняет за страной статус третьей торговой державы мира. На протяжении последних лет Китай удерживает мировое первенство по золотовалютным запасам, которые на 1 января 2009 г. составили 2,033 трлн долл., в том числе 1,946 трлн — в валюте. Это более чем вдвое превосходит показатель идущей второй Японии.³

Китай выступает как один из главных факторов стабильности мирового валютно-финансового рынка. Страна закупила американские ценные бумаги на

сумму 1,3 трлн долл., из которых свыше 700 млрд приходится на казначейские облигации, около 500 млрд — на облигации институциональных инвесторов, порядка 100 млрд — на облигации и акции американских компаний.⁴ Перед юанем начинает открываться перспектива превращения в общеазиатскую валюту. Страна превратилась в “магнит притяжения” иностранных инвестиций, которые обеспечивают быстрый рост экономики и внешней торговли. Создание в Китае благоприятного инвестиционного климата обеспечивается прежде всего стабильностью политической обстановки и курсом на государственное регулирование и гарантии, а также различными преференциями по доступу к дешевым ресурсам, гибкой налоговой политикой. К началу 2009 г. было использовано около 1 трлн долл. внешних инвестиций, в том числе 852,6 млрд долл. прямых капиталовложений и 147,2 млрд долл. внешних займов.⁵

По абсолютным показателям производства многих важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции Китай вышел на передовые позиции в мире. Он стал всемирной фабрикой воспроизводства ширпотреба по западным брэндам, мировым сборочным цехом.

Жизненный уровень населения заметно вырос. Конечно, точка начального отсчета была в этой сфере чрезвычайно низка. Тем не менее, в Китае с обоснованной гордостью говорят о том, что огромная еще недавно цифра в 250 млн живущих в полной нищете сократилась почти в восемь раз. По меньшей мере, проблема обеспечения многочисленного населения едой и одеждой (заметим, за счет собственного производства), казавшаяся многим зарубежным экспертам в принципе нерешаемой — вопрос, который уходит в прошлое. Это, если вдуматься — одно из наиболее зримых и впечатляющих китайских достижений. Страна, располагающая всего 7% пашни на планете, дает 20% мирового производства зерновых, лидирует по производству хлопка, шелка-сырца, масличных культур, мяса, молока, яиц. Улучшилось качество жизни и состояние здоровья китайского населения. Китай вошел в группу стран с самыми высокими показателями по ожидаемой продолжительности жизни.

В 2003—2006 гг. среднегодовые темпы роста ВВП КНР составили 10,4%, что на 5,5 процентных пунктов выше среднемирового показателя. В 2007 г. темпы роста достигли 13%. Во многом благодаря этому в условиях разразившегося в 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса страна сумела избежать рецессии, допустив лишь замедление темпов роста ВВП — до 9% по итогам 2008 г. В 2009 г. рост китайской экономики по разным прогнозам составит от 6,5 до 8%, в то время как для мирового ВВП Международный валютный фонд прогнозирует общее снижение.

Успехи страны отразились и на доле Китая в производстве мирового валового продукта, которая возросла с 3,9% в 2003 г. до без малого 7,3% в 2008 г. Все это заметно нивелирует для КНР негативные последствия мирового кризиса и дает уверенность, что прирост ВВП страны в 2009 г. будет составлять не менее 8%. КНР шаг за шагом обретает статус великой не только региональной, но и глобальной экономической державы. В этой связи многие аналитики, в том числе в крупнейших финансово-инвестиционных компаниях мира, предрекают, что дальнейший поступательный рост на протяжении двух-трех последующих десятилетий, пусть даже не такими высокими темпами, способен обеспечить Китаю место первой по абсолютным показателям экономики мира. Опыт, накопленный КНР за 60 лет существования, особенно за последние три десятилетия реформ, ее политика максимальной мобилизации собственных сравнительных преимуществ для реализации национальных целей развития и модернизации приобрели большое международное значение. Они представляют значительный интерес и для России.

Проблемы, или цена успеха

Итак, достижения Китая общепризнаны. Однако наряду с несомненными успехами нельзя не обратить внимания на то, что процесс подъема Китая, позволив решить неотложные проблемы развития экономики и повышения уровня жизни населения, одновременно привел к возникновению ряда новых значимых для страны противоречий, вызовов и трудностей. Прежде всего следует указать на появление серьезных противоречий в социально-политическом, экономическом и цивилизационном развитии. Особую остроту в последние годы приобрели социальные проблемы и так называемые пять разрывов:

- рост безработицы (около 30 млн безработных в городах и 150—200 млн — в деревне);

- дисбаланс в развитии города и деревни;

- существенный разрыв в развитии восточных и западных регионов;

- социальная и имущественная поляризация общества;

- серьезные проблемы в создании общегосударственных систем социального обеспечения, здравоохранения и образования.

Особую остроту эти вопросы приобретают в деревне, где проживает более 700 млн чел.

Все настойчивее дают о себе знать и конкретные экономические проблемы. Действующая экстенсивная, догоняющая модель экономического роста в Китае в последние десятилетия опиралась на два фактора: во-первых, на массовое использование крайне дешевого труда и дешевых или бесплатных естественных ресурсов для максимального наращивания экспорта; во-вторых, на всемерное привлечение иностранного капитала для увеличения производства экспортных товаров, получения доступа к современным технологиям и накопления валютных ресурсов.

Однако активное включение страны в процессы модернизации и глобализации требует использования квалифицированного, а потому недешевого труда. Это предполагает дополнительные немалые вложения в человеческий капитал, что в краткосрочной перспективе может уменьшить конкурентные преимущества Китая. Жесткие пределы продолжению экстенсивного роста экономики ставят и относительная ограниченность природных ресурсов, и резкое ухудшение состояния окружающей среды.

Далеко не всегда оправдываются и расчеты на получение новейших ключевых технологий от иностранных инвесторов. Установившаяся привязанность Китая к западным рынкам технологий, особенно американскому, привела к значительной внешней зависимости. Интеллектуальная собственность иностранных фирм в отраслях китайской экономики, связанных с высокими и новыми технологиями, доминирует абсолютно, составляя 90% и даже более.

Широкий приток в страну иностранного капитала связан с благоприятным инвестиционным климатом, который обеспечивается в Китае прежде всего стабильностью политической обстановки, курсом на государственное регулирование экономики и государственными гарантиями, гибкой налоговой политикой, а также различными преференциями, открывающими доступ к дешевым ресурсам. Однако у этого процесса есть обратная сторона: иностранный капитал прямо или косвенно контролирует свыше 80% китайского экспорта и импорта. Под патронажем более чем 500 крупнейших транснациональных корпораций Китай превратился во всемирную мастерскую по производству не собственных, оригинальных товаров, а по сборке продукции по иностранным образцам.

Платой за экстенсивную модель экономического роста является и катастрофическое разрушение среды обитания населения. Об этом говорят следующие

факты. За последние полвека общая площадь обрабатываемой земли сократилась на 20%. Кроме того, тысячи га пахотных земель идут на застройку и прокладку дорог. В стране, испытывающей дефицит сельхозугодий, ежегодное опустынивание охватывает 3,4 тыс. кв. км. Фактически опустынена 1/5 всей территории страны. Доля пашенных земель с различной степенью деградации достигает 43%, а пастбищ — 90%. Ежегодное сжигание более 2 млрд т сернистых углей обуславливает первенство Китая по объему наиболее вредных выбросов в атмосферу. Бассейны трех рек, где проживает более половины населения страны, практически оказались на грани утраты способности к естественной регенерации.

В силу опережающего роста экспорта растущий дисбаланс присутствует во внешней торговле, профицит которой в 2007 г. превысил 260 млрд долл. А стремительное и подчас чрезмерное возрастание золотовалютных резервов ослабляет эффективность монетарной политики, создает предпосылки для давления на национальную валюту со стороны США. Стремясь уберечь отечественную валютную систему от рисков, связанных с обесценением доллара, Китай диверсифицирует состав своего золотовалютного запаса, увеличивая в нем долю золота и других драгоценных металлов.

Словом, достижения Китая эпохальны и феноменальны, однако цена этих реформ также огромна. Ныне Китай достиг такого уровня и такой динамики развития, что остановить процесс реформирования и модернизации невозможно — он приобрел необратимый характер. Движение вперед по ухабистой дороге прогресса будет продолжаться.

Куда поведет Китай нынешнее поколение китайской элиты, в которой растущее влияние начинают оказывать бывшие воспитанники американских, западноевропейских, японских университетов? Вестернизированная прослойка молодых кадров и менеджеров, новых хозяев жизни уже составляет более 1 млн чел., и она постоянно подпитывается: ежегодно около полумиллиона китайской молодежи обучается и стажировается на Западе. Этим людей в Китае именуют “хайгуи” (“вернувшиеся из-за моря”). Им предоставлены все возможности для роста.

Дать ответ на выдвигаемые жизнью вопросы чрезвычайно важно, чтобы верно и взвешенно оценить как выдающиеся достижения, так и внутренние и внешние последствия китайских реформ. Прежде всего необходимо выявить движущие силы и условия дальнейшего прогресса Китая, включая анализ его благоприятных и неблагоприятных факторов. Словом, по истечении тридцати лет реформ, как не раз подчеркивалось в китайских СМИ, “Китай стоит на новой стартовой позиции в своей истории”.

В 1940—1950-е годы в Китае говорили: “идти по пути русских”, “СССР сегодня — наше завтра”. Ныне китайцы отказались от этих лозунгов, но цель свершения величайшего социально-экономического эксперимента — построения общества всеобщего благоденствия — сохранилась. Теперь Китай идет своим путем, и трудный поиск этого пути он ведет ныне фактически в одиночку. В центре внимания китайских руководителей — проблемы экономической безопасности, диверсификации источников сырья и энергоресурсов, поддержания внутренней социально-политической стабильности. Следует иметь в виду, что ныне КНР ставит перед собой грандиозные социально-экономические, политические и цивилизационные задачи, реализация которых неизбежно будет влиять на ситуацию не только внутри страны, но и во вне, в том числе и на Россию. Понимание этого позволяет определить потенциал сотрудничества и соразвития России и Китая, с одной стороны, и объективно оценить возможные трудности, препятствия и противоречия — с другой.

Куда идет Китай?

Итак, в осуществлении реформ наступил новый этап. Как китайское руководство реагирует на возникающие проблемы и противоречия?

Уже в конце 1990-х гг., когда Цзян Цзэминь завершал свою деятельность в качестве главы государства, упоение успехами сменилось осознанием новых остро актуальных социально-политических проблем. Философия “черной и белой кошек”* уже не устраивала ни левых, ни правых, особенно появившийся мощный слой собственников и менеджеров. Авторитет более чем 70-миллионной Коммунистической партии Китая оказался под угрозой.

В 2000—2001 гг. Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь в своих выступлениях перед партийно-государственными кадрами с особой тревогой говорил об опасном размахе коррупции и угрозе внутренней стабильности страны. Борьба с коррупцией была объявлена одной из главных задач. Политика партии была существенно скорректирована, были предприняты кардинальные меры по расширению социальной базы коммунистической партии и модернизации ее идеологических установок.

Появилась новая трактовка идеологических, организационных и социальных основ КПК в виде “концепции трех представительств”. Согласно этой концепции, КПК представляет развитие передовых производительных сил, передовой культуры и защищает интересы абсолютного большинства народа. Эта новация отодвигала на задний план классовый характер КПК как авангарда рабочего класса. КПК превращается в партию “всего китайского народа и всей китайской нации”. Класс собственников был причислен к строителям социализма с китайской спецификой.

Было заявлено, что впредь в своей деятельности КПК строго придерживается норм Конституции КНР. В то же время в Конституцию были внесены положения о руководящей роли КПК и ее идеологии в китайском обществе, а также существенные дополнения по вопросу о собственности: в правовом смысле общественно-государственная и частная формы собственности были уравнены.

В начале нового века (2002 г.) произошла плавная замена руководителей третьего поколения во главе с Цзян Цзэмином командой, возглавляемой Ху Цзиньтао, которая стала четвертым поколением лидеров КПК и КНР.

За десятилетия реформ китайское общество претерпело резкую социальную стратификацию, появился влиятельный класс собственников, многомиллионная армия менеджеров. Постепенно складывается средний класс. Представители этой новой волны начинают претендовать на активное участие в политическом процессе, представлять свои интересы во власти. Судя по идущей подспудно дискуссии по этому вопросу, концепция “трех представительств” не вполне удовлетворяет новых хозяев жизни. С другой стороны, партийная номенклатура, сторонники идей Мао Цзэдуна и так называемые “новые левые” (неомарксисты) рассматривают вхождение капиталистов и представителей среднего класса в КПК как отступление от социалистического пути, как уступку либерализму.

---

* Имеется в виду известное высказывание Дэн Сяопина: “Не важно, какого цвета кошка, черная или белая — главное, чтобы она ловила мышей. Не важно, социализм или капитализм — главное, чтобы развивались производительные силы страны». В иносказательной форме идеолог прагматизма в политике выразил установку на отказ от идеологизированного подхода к выбору средств для достижения социально-экономических и политических целей (примеч. ред.).

Обращают на себя внимание сложные и весьма противоречивые процессы в духовно-идеологической сфере китайского общества.

По мере продвижения реформ и политики открытости, сближения с Западом и проведения де-факто курса на конвергенцию социальной системы, возникла и стала усиливаться тенденция вестернизации и либерализации всех сфер культуры и общественной жизни. Конфуцианские ценности уважения традиций, почитания родителей, законопослушания и сохранения иерархической системы внутригосударственных, внутрисемейных и межличностных отношений утрачивают свое прежнее значение, замещаются либеральными идеями приоритета прав личности и индивида перед правами общества, коллектива, семьи.

В конце XX — начале XXI вв. сформировалась официальная идеология, выраженная многоступенчатой формулой: “марксизм — идеи Мао Цзэдуна — теория Дэн Сяопина — концепция “трех представительств”. Другими словами, речь идет о концепции “построения гармоничного общества на основе новой теории развития”.

Идеологическая линия нынешнего руководства и проводимая им политика свидетельствуют о том, что нынешние лидеры страны продолжают генеральный курс Дэн Сяопина с поправками, внесенными в него Цзян Цзэмином, а затем Ху Цзиньтао.

Иллюстрацией решимости китайского руководства неуклонно преодолевать возникающие трудности и последовательно продвигаться по пути развития реформ явились итоги прошедшего в октябре 2007 г. XVII съезда КПК.

Партийный съезд: дорогой развития и гармонизации

Съезд дал четкий и недвусмысленный ответ на вопрос, по какому пути идти Китаю — по пути “социализма с китайской спецификой”. Тактическая цель — полное построение среднезажиточного общества к 100-летию КПК, которое, как известно, будет отмечаться в 2021 г.

В преддверии съезда эти узловые вопросы были предметом горячих внутренних дискуссий. Порой они косвенно выплескивались и на страницы печати. Отдельные китайские авторы, прежде всего из числа представителей интеллектуального труда, высказывали различные точки зрения по поводу выбора основополагающего курса. Некоторые, ссылаясь на слова Дэн Сяопина о том, что не надо спешить давать имя Шэ — “социализм” или Цзы — “капитализм” тому обществу, которое Китай построит в ходе длительного процесса решения задач модернизации страны и создания среднезажиточного общества — “сяокан”, настаивали на более развернутом заимствовании западных моделей рыночной экономики и политической системы. Другие, легализуя свои поиски теми же ссылками, доказывали преимущества опыта европейской социал-демократии — Швейцарии, Норвегии, Швеции, Германии и т.п. Третьи — используя практику и успехи азиатских “малых тигров”, особенно Сингапура и Южной Кореи, призывали опираться на конфуцианские ценности и обогащать их современными достижениями передовых стран, строить развитое цивилизованное рыночное общество, оставив в стороне идеалы социализма. Часть ветеранов КПК и НОАК, ряд видных ученых в своих письмах в ЦК КПК, некоторые из которых попали в сянганские газеты, в этой связи выражали свое осуждение вышеназванных воззрений. По их мнению, эти три типа взглядов искажают политику реформ и открытости и противостоят социалистическим целям КПК.

По сути дела, главные озабоченности некоторых ветеранов КПК, партийных активистов и партийных интеллектуалов во многом отражали те реальности,

которые возникли в ходе проведения революционных по своему характеру преобразований, намеченных политикой и стратегией реформ и открытости. Эти проблемы — проблемы роста. Преобразования перевернули жизнь различных слоев почти полутора миллиардного населения, а адаптация к этим изменениям требует от людей немалых усилий и времени.

Привести эти различные взгляды на будущее Китая к единому знаменателю — своего рода сверхзадача, которую, надо признать, в целом и решил XVII съезд КПК. Член Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая на обсуждении материалов съезда в делегации от пров. Сычуань, в этой связи подчеркнул: “Что такое социализм и как строить социализм — это две основные проблемы, по-прежнему стоящие перед КПК в процессе раскрепощения сознания”⁶.

Если судить по опубликованным материалам самого съезда, можно утверждать, что мнения участников внутренних дискуссий были услышаны. Судя по всему, руководители КПК во всех противоположных высказываниях пытались увидеть рациональные зерна, одни из которых были в конечном счете так или иначе учтены, другие — аргументированно отклонены.

Если провести контент-анализ доклада Ху Цзиньтао XVII съезду КПК, то можно увидеть, что ключевые слова этого документа способны составить словарь неологизмов. Не случайно газета “Жэньминь жибао” в помощь партийцам опубликовала разъяснения основных формул и понятий, которые содержатся в документах съезда. Наиболее часто встречаются термины и понятия: “реформа и открытость” и “социализм с китайской спецификой”, “среднезажиточное общество”, “сяокан”, “научная концепция развития”, “индустриализация”, “модернизация”, “коммерциализация”, “маркетизация”, “экологизация”, “урбанизация”, “социализация”, “глобализация”, “гуманизация”, “демократизация”, “мирное развитие”, “независимость и самостоятельность”. Все эти термины в совокупности отражают главные аспекты содержания документов XVII съезда КПК и стратегические цели Китая.

Структурная логика доклада также отдает приоритет рассмотрению внутренних проблем страны и жизни ее народа. Именно поэтому анализ различных сторон внутреннего экономического, политического, социального, культурного, военного развития Китая занял первые девять разделов доклада.

Хотелось бы также указать на некоторые новые проблемы, которые впервые в столь четкой форме поставлены в документах КПК. Это прежде всего **ориентация на смену модели развития, переход от экстенсивной к интенсивной ресурсо- и энергосберегающей модели.** В этой связи упор делается на необходимость развития фундаментальных наук, масштабный подъем культуры широких масс народа, развитие и совершенствование системы образования, на создание общества инновационного типа, т.е. общества экономики знаний. Это исключительно важные новаторские идеи, которые заслуживают того, чтобы к ним внимательно присмотрелись и в России.

Следующая проблема, которая неразрывно связана с высокими темпами развития Китая, является своеобразной платой за это развитие и его побочным продуктом — приобретшее критический характер ухудшение экологической ситуации. В этой связи важное место среди новаций XVII съезда занимает концепция “экологической культуры”, что отражает озабоченность лидеров КПК состоянием дел в этой чрезвычайно важной сфере. Здесь требуется серьезно пересмотреть структуру производств с большими энергозатратами и низкой эффективностью, сильно загрязняющих окружающую среду. Ученые Института Дальнего Востока постоянно обращают самое серьезное внимание как китайской, так и международной научной общественности на важность организации совместного изучения данного вопроса, который касается не только Китая, но уже оказывает не-

гативное влияние и на экологическую ситуацию в сибирских (проблема Иртыша) и дальневосточных районах России и других государствах, граничащих с Китаем.

Наконец в документах съезда отдельное звучание получил вопрос о сочетании современной культуры и лучших достижений китайской традиционной культуры, об изучении подлинных зарубежных культурных ценностей. В этой связи серьезно и глубоко поставлена проблема "китаизации", которая имеет внутреннюю и международную направленность. Вновь выдвинута задача углубления китаизации марксизма, широкой пропаганды и изучения всеми членами КПК "продуктов китаизации". Речь идет не только о концепции "социализма с китайской спецификой" и построения "среднезажиточного общества", но и о новейших идеях — тезисах о "гармоничном обществе инновационного типа", о "научной концепции развития" и "великой инженерии партстроительства" КПК. Данная группа важных теоретических постулатов заслуживает самого пристального отдельного рассмотрения.

Китаизация марксизма. Эту задачу, как известно, выдвинул Мао Цзэдун еще в 1938 г. В докладе "Место КПК в национальной войне" он говорил: "У нашего народа многотысячелетняя история, у него есть свои особенности, он создал множество ценностей. В овладении всем этим мы пока еще являемся не более как учениками начальной школы. Современный Китай есть продукт всего прошлого развития Китая. Мы — сторонники марксистского подхода к истории, мы не можем отмахиваться от нашего исторического прошлого. Мы должны обобщить все наше прошлое — от Конфуция до Сунь Ятсена — и принять это ценное наследие. Это будет большим подспорьем для руководства нынешним великим движением. Коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму"⁷. Китаизация и тогда, и сегодня рассматривается как сочетание всеобщих принципов марксизма-ленинизма с китайской действительностью, овладение богатым национальным наследием и использование его для развития страны и решения новых задач. Не случайно с трибуны съезда Ху Цзиньтао призвал усиленно вооружать всю партию "новейшими достижениями китаизированного марксизма".

Следует заметить, что руководство КПК в течение ряда лет внимательнейшим образом изучало причины и уроки развала СССР и КПСС. Решения последних съездов и пленумов КПК и особенно документы XVII съезда партии наглядно свидетельствуют о том, сколь серьезно подошло руководство Китая к осмыслению драматических уроков развала СССР и КПСС. Прежде всего, это проявилось в том, что китаизация марксизма, учет специфики развития страны, создание концепции "социализма с китайской спецификой" рассматриваются в качестве главного условия укоренения идеологии КПК в обществе и базовой предпосылки обеспечения легитимности руководящей роли самой КПК. Закономерно, что данный подход получил соответствующее отражение в тексте Конституции КНР.

В широком смысле китаизация означает увязывание современной идеологической теории строительства справедливого гуманного общества, называемого по традиции заимствованным из-за рубежа термином "социализм" с национальной традицией. Не случайно поэтому социализм в его начальной стадии отождествляется со "среднезажиточным обществом", называемым самобытным термином — "сяокан".

Идея гармонии — Хэ также сочетается с тезисом Мо Ди "о всеобщей любви и взаимной выгоде", принципом Конфуция о "гармонии многообразного и несходного" (*хэ эр бутун*). Теоретической основой всех этих новаций является традиционная даосская диалектика "раздвоения единого и сочетания двух противоположностей в едином" (*и фэн вэй эр, хэ эр эр и*). Кроме того, преемственность сочетается с инновацией,

учетом реальных особенностей Китая и заимствованных передовых достижений, как общественной мысли из-за рубежа, так и исследований китайских обществоведов.

Китаизация и построение социализма с китайской спецификой увязывается с выполнением трех “великих исторических задач”, а именно: осуществление модернизации, завершение воссоединения Родины и защита мира во всем мире при стимулировании совместного развития. Если во внутреннем плане “китаизация” означает укрепление культурной идентичности, укоренение политики реформ в национальную почву Китая, то с точки зрения ведения внешних дел эта идея сводится к концепции мирного развития Китая, которая в настоящее время дополняется призывом, говоря словами Ху Цзиньтао, к “гармонизации мира и международных отношений”. В увязке с ней выдвигается не менее важная задача — продвижение вовне достижений китайской культуры и поддержание позитивного цивилизованного образа Китая, которая становится частью политики открытости, “мирного” выхода Китая на внешнюю арену, курса на гармонизацию международных отношений и мира в целом. В последние годы китайские руководители стали обращать особое внимание на пропаганду современных достижений китайской культуры и популяризацию китайского языка. Повсюду создаются Институты Конфуция, в том числе более десятка таких институтов организовано при вузах в РФ. Эти Институты становятся центрами изучения китайского языка, пропаганды богатых традиций китайской культуры. Завершившийся недавно Год Китая в России создал в нашей стране ситуацию своеобразного китайского бума, огромного роста интереса среди населения, особенно среди молодежи, ко многим аспектам китайской культуры, к истории Китая, китайскому искусству, медицине, кухне, оздоровительным и боевым искусствам китайского типа. Вкладом в этот процесс, который имеет весьма позитивное значение для укрепления взаимопонимания и дружбы между нашими народами, являются и научные изыскания, труды ученых Института Дальнего Востока и других российских китаеведов. Особое значение в этом плане имеют издание уникальной многотомной энциклопедии “Духовная культура Китая”, выпуск серии переводов классиков китайской философии, регулярного ежегодника “КНР: политика, экономика, культура”, другой специальной литературы.

“Научная концепция развития”. Этот выдвинутый после XVI съезда КПК новейший продукт китаизированного марксизма, автором которого является генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, своим основным идейным постулатом ставит во главу угла “человека как основу основ” и требует всестороннего гармоничного и устойчивого развития. Концепция официально объявлена основой построения в Китае мощного, богатого, гармоничного социалистического общества, “социализма с китайской спецификой”. Вместе с тем, следует заметить, что выдвигание этой новой концепции фактически означает “бархатный” отход и уточнение некоторых идей, ранее выдвигавшихся предшественниками. Прежде всего, “научная концепция развития” и вытекающее из нее указание на всестороннее гармоничное и устойчивое развитие означает преодоление ряда односторонних акцентов в экономической политике. Например, ныне уже не делается упор на рост лишь экономических показателей в ущерб вниманию к социальным проблемам. Вместо подчеркивания тезиса об обогащении отдельных районов и отдельных лиц, акцент делается на полном построении среднезажиточного общества, совместном росте благополучия и преодолении серьезной имущественной дифференциации.

Речь, в частности, также идет о том, что курс на ускоренное развитие специальных экономических зон, приморской части, Шанхая, Шэньчжэня не должен означать недостаточного внимания к развитию внутренних районов страны и игнорирования проблем старой индустриальной базы на Северо-Востоке Китая, невнимания к

нуждам села, одностороннего акцента на индустриализацию за счет деревни, чрезмерного внимания к положению элиты и невнимания к проблемам крестьян и рабочих. Иными словами, “научная концепция развития” ставит задачу преодоления пяти разрывов, образовавшихся как результат стремительного подъема экономики в ходе политики реформ и открытости, направлена на снижение чрезмерной экологической и социальной цены за продолжение этой политики столь быстрыми темпами. Вместе с тем, надо особо подчеркнуть: изменение ряда акцентов в политике отнюдь не означает отхода от общей стратегии реформ и открытости.

Внимание к человеку — это, с одной стороны, своеобразный ответ на возрастание человеческого фактора в экономическом строительстве страны, с другой — ответ на обвинения в нарушении прав человека, раздающиеся извне.

Таким образом, тезис о “научной концепции развития” — это комплексный, системный взгляд на возникшие в процессе проведения политики реформ и открытости проблемы. Это — новый этап китаизации марксизма. Это продуманная реакция ЦК КПК на те острые вопросы, которые являются предметом обсуждения среди китайских интеллектуалов. Здесь проявлен присущий нынешнему поколению китайской элиты прагматизм и одновременно внимание к роли теории.

“Великая партийная инженерия”. Данная новация, ставшая предметом особого внимания XVII съезда КПК, касается, прежде всего, новых подходов к целому ряду организационных, идеологических аспектов партийного строительства, к решению вопросов в области стратегии и тактики партии, к поиску путей укрепления ее легитимности и роли в управлении страной. Это и нашло свое выражение в следующем:

- повышении управленческих способностей партии;
- регулировании действий партии в рамках закона и Конституции;
- акценте на Едином фронте, расширении социальной базы партии при одновременном подчеркивании ее авангардной роли как партии трудящихся и, прежде всего, рабочего класса, партии всего китайского народа, всей китайской нации;
- последовательном проведении принципа самостоятельности и независимости, отказе от вмешательства во внутренние дела других партий, рассмотрении внешних обязательств и внешних факторов деятельности КПК и Китая как необходимых предпосылок создания благоприятных условий для решения внутренних задач строительства страны.

Видимо в связи с вышеизложенным в нынешнем лексиконе китайских коммунистов термины “интернационализм”, “солидарность” заменены терминами “сотрудничество”, “сплочение”.

В ответ на внутренние и внешние вызовы китайское руководство выдвинуло “концепцию китайской демократии применительно к партии”. Она предусматривает постепенное продвижение системы прямых выборов, подотчетность Политбюро и парткомов избравшим их съезду, пленумам и т.д. Концепция прав человека получила развитие в принципе сочетания демократического централизма в партстроительстве и тезиса о **гарантиях прав членов партии**.

В противоположность чрезмерному упору Мао Цзэдуна на классовую борьбу в программной преамбуле Устава подчеркивается: “В силу внутренних факторов и зарубежного влияния классовая борьба будет в определенных рамках еще долго существовать, а при известных условиях, возможно, и обостряться, но она уже перестала быть главным противоречием”.

Нынешние китайские руководители учли опыт собственной страны периода “большого скачка” (1958—1960 гг.) и “культурной революции” (1966—1976 гг.). Устав КПК призывает проявлять бдительность против правого уклона, но акцент делается на том, чтобы “особенно следить за предотвращением левого”.

РФ — КНР: во имя общих интересов

Таким образом, документы партийного съезда дают серьезное представление о целях, направлениях и практических рычагах дальнейшего развития КНР в обозримый период. Руководство страны, не обольщаясь достижениями, отдает себе отчет в существующих трудностях и проблемах, последовательно изыскивает пути их решения.

С точки зрения поставленных выше вопросов о том, какими могут быть внешние факторы влияния, связанные с тем или иным вектором развития КНР, решения партийного форума также позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, представляется, что, по мысли китайской элиты, рост авторитета КНР в мире, укрепление ее международных позиций должны происходить параллельно успехам внутреннего развития Китая. Страна будет способна с помощью “мягкой силы” решить грандиозные задачи: модернизации страны, построения “под знаменем идей социализма с китайской спецификой” полного общества средней зажиточности, мирного объединения Родины и создания гармоничных отношений со всеми странами. При этом особенно важным в этом плане является акцент на то, что “Китай будет стремиться к “совместному развитию” и “совместному процветанию”. Именно эти идеи лежат в основе подходов, отражающих “трехмерное” внешнеполитическое видение китайских аналитиков: круг развитых стран, соседние страны и развивающиеся страны.

Если подойти к рассмотрению вопроса о мирном развитии Китая объективно, без всяких фобий и предвзятостей, с точки зрения интересов России, то станет очевидным, что такое развитие Китая ставит своей главной целью создание благоприятных международных условий и благоприятного добрососедского окружения. Укрепление отношений стратегического партнерства с большинством соседних стран, сотрудничество ради совместного процветания — все это отвечает именно интересам мирного развития не только Китая, но и соседних стран, а также всего мира.

Говоря о российско-китайских отношениях, следует подчеркнуть, что они объективно основываются на факторе географической близости и взаимодополняемости экономик Китая и России, на традициях добрососедства и дружбы между народами. Их скрепляет взаимная заинтересованность в поступательном развитии долговременного и масштабного стратегического партнерства, которое благоприятствует решению каждой из стран своих национальных задач. Для КНР такие задачи — это мирное развитие и выход на передовые рубежи к середине текущего столетия, для РФ — полное восстановление и дальнейшее наращивание социально-экономического потенциала, укрепление на этой основе позиций, достойных ее традиционного международного статуса. Если говорить в частности, то большие возможности сотрудничества содержатся в планах решения задачи подъема российских регионов Сибири и Дальнего Востока, в сопряжении их с решением аналогичных задач развития западных районов Китая и подъема старой индустриальной базы КНР на Северо-Востоке.

В нынешних условиях уже достигнутого высокого уровня двусторонних отношений они не свободны и от ряда проблем, которые требуют кропотливой работы для их устранения. Однако все они не отменяют главного. Имеет место совпадение коренных интересов двух стран. Помимо созвучных задач внутреннего строительства, это общий либо сходный взгляд на проблемы мирового развития и собственного соразвития, на широкий спектр региональных и двусторонних вопросов. Имеющиеся отдельные разногласия не носят антагонистического характера и могут разрешаться в рамках двустороннего доверительного взаимодействия. Примером тому служат усилия, которые прилагаются в последние годы к устра-

нению одного из “узких мест” — повышению относительно низкого уровня товарооборота. Результатом является его рост до 56,8 млрд долл. в 2008 г., что без малого в три раза превосходит показатель 2004 г.

Научный коллектив Института Дальнего Востока, исходя из многоаспектного анализа факторов и тенденций, характеризующих нынешнюю политическую, социально-экономическую, культурно-идеологическую ситуацию в самом Китае, а также в мире и регионе, исследует различные сценарии возможного развития КНР в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В соответствии с таким анализом, опирающимся и на последние идейные и практические тенденции в КНР, можно было бы рассматривать несколько сценариев, в том числе и сценарий резкого возвышения Китая, относительно быстрого его выхода на позиции мировой державы, а также сценарий застоя и дестабилизации и даже распада Китая. Но эти сценарии, по нашему мнению, в ближайшее время маловероятны.

Наиболее вероятным и отвечающим интересам России сценарием является относительно стабильный и динамичный поступательный рост Китая и его экономики при сохранении, в основном, нынешних конвергентных тенденций внутреннего развития страны. Такой сценарий соответствует интересам России.

РФ объективно заинтересована в достаточно динамичном поступательном экономическом развитии Китая и сохранении там социальной стабильности. В случае сохранения в КНР этой тенденции одновременный выход российской экономики на траекторию устойчивого роста 6—7% в год расширяет возможность нашего двустороннего экономического, а отсюда и политического сотрудничества.

Таким образом, параллельный экономический рост Китая и России явился бы оптимальным сценарием с точки зрения российско-китайского сотрудничества и укрепления позиций России в мире.

Реализация такой перспективы требует немалых усилий со стороны как России, так и Китая, благоприятной международной обстановки и мировой экономической конъюнктуры. В Китае говорят: “Перспективы светлые, но путь извилистый. Он подобен маршруту Великой стены, пролегающей по крутым склонам и пустыням”. Но двигаться по этому пути надо, ибо такое движение — в интересах России, в интересах обеих стран.

1. Чжунго тунци чжайяо [Краткая статистика Китая] 2009. Пекин. 2009. С. 19, 23.
2. Там же. С. 171.
3. <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2188rank.html>.
4. Шицзе чжиши [Знания о мире]. Пекин, 2009. № 9. С. 46.
5. Чжунго тунци чжайяо (Краткая статистика Китая) 2009. Пекин. 2009. С. 179.
6. Жэньминь жибао. 2007. 21 окт.
7. Мао Цзэдун. Сборник избранных произведений. Пекин, 1972. С. 183—184.

Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-политических преобразований. КПК и КПСС — некоторые направления сравнительного анализа

© 2009

Н. Мамаева

Статья посвящена изучению партийно-политической составляющей процесса модернизации Китая. Первостепенное внимание обращается на непрерывность политического процесса, на его исторические корни и особенности развития в течение 60 лет существования КНР. Сравнительный анализ деятельности КПК и КПСС по ряду аспектов демонстрирует "упущенные возможности" КПСС, не проявившей стремления к адаптации к новым условиям.

Ключевые слова: политический процесс, роль партии, партия и государство, конфликт интересов, политическое участие, политические реформы

Современникам событий, как правило, трудно оценить смысл и значение того этапа истории, который разворачивается на их глазах. Поэтому, рассматривая политическую сторону процесса модернизации Китая, вступившего в новую фазу с 1949 г., мы обращаем первостепенное внимание на преемственность политического процесса, на его исторические корни и результаты развития в течение 60 лет существования КНР.

Немаловажное влияние на функционирование политической системы и государственной структуры периода реформ и открытости оказали политические традиции этапа партийно-политического строительства 1950—1970-х гг. Длительный революционный опыт КПК (20—40-е годы XX в.) предопределил перенесение в политическую практику Нового Китая военно-революционных методов, применявшихся Компартией Китая в "освобожденных районах" страны в 1930—1940-е гг. Эмоциональный накал, сопровождавший противостояние Компартии и Гоминьдана, сохранялся в политической деятельности Компартии Китая длительное время и после победы революции в 1949 г. Отрицая негативный опыт Гоминьдана в государственном строительстве, Компартия по ряду направлений отказалась и от полезного опыта, накопленного в Китайской Республике, в частности, в области права. Так, был отменен официальный Свод законов Китайской Республики ("Люфа цюаньшу"), в том числе раздел о конституционном, гра-

жданском, гражданско-процессуальном, уголовном, уголовно-процессуальном, административном праве¹. Так или иначе, в “самостоятельное плавание” Компартия вступала, имея богатый опыт партийного строительства революционного периода и весьма недостаточные навыки управления страной. Трудности усугублялись тем обстоятельством, что новое политическое и государственное строительство начиналось на базе находившейся в весьма плачевном состоянии системы управления гоминьдановского Китая.

Преемственность политических институтов старого и нового Китая иллюстрировалась, помимо всего прочего, укоренившимися в политическом сознании авторитарными методами управления страной, включая, например, практику прямого подчинения государственных структур Центральному исполнительному комитету Гоминьдана².

Влияние традиционных институтов, практики КПК в освобожденных районах, как и политико-государственный опыт СССР, наложили сильный отпечаток на партийно-политическое развитие и государственное строительство в КНР.

Вплоть до принятия Конституции в 1954 г. партия в государственном и политическом строительстве опиралась на решения Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Пройдя через ряд реорганизаций, в преддверии победы демократической революции он выступил в роли органа представительной власти, обеспечил правовой характер провозглашения КНР, определил основные контуры властных структур. Принятая 1-й сессией НПКСК (29 сентября 1949 г.) Общая программа НПКСК, выполнявшая вплоть до 1954 г. функции временной Конституции КНР, определяла “систему государственной власти новой демократии” в рамках развития системы советского типа. На эту направленность особое внимание обращал Чжоу Эньлай, возглавлявший работу подготовительного комитета по разработке Общей программы НПКСК³.

Тенденция построения государственного строя по “советскому образцу” сочеталась с политической практикой, характеризовавшейся китайской спецификой. Речь идет, прежде всего, о значимости военного фактора в политической системе страны. На передние рубежи в механизме управления страной в начале 1950-х гг. выдвинулись военно-политические органы, особенно на уровне провинций. Характерной чертой управленческого механизма в “восстановительный период” являлся военный контроль и прямое военное правление в форме военно-административных комитетов, военных представителей в хозяйственных единицах и других учреждениях и т.д. Они функционировали параллельно, либо подменяли местные народные правительства, формировавшиеся на основе принятого сессией ВСНП Закона об организации Центрального народного правительства⁴.

С позиции сегодняшнего дня понятно негативное влияние несовершенства правовой сферы на функционирование политических институтов и государственной структуры КНР. В этой связи подчеркнем значение первой Конституции КНР в деле построения новой государственности. Она получила высокую оценку в современной научной литературе КНР. Особое внимание обращается на помощь в подготовке кадров и влияние юридической науки СССР на формирование отраслей китайского права⁵. Тем не менее, положительный эффект от новой Конституции не получил должного закрепления и развития. И хотя с принятием Основного закона КНР были заложены конституционные основы функционирования государственных органов и общества (утвержденная Конституцией 1954 г. структура государственных органов сохранилась до сих пор. — *Авт.*), однако в целом положение с законностью в стране было крайне неудовлетворительным.

Тому было много причин, связанных, прежде всего, с сохранением в обществе нигилистических тенденций по отношению к праву и законности, уходящих корнями в период Старого Китая. Несмотря на определенные успехи гомиьндановского правительства в области правового строительства, реальные результаты в деле модернизации правовой системы гомиьндановского Китая оказались ограниченными. Общественные отношения в КНР, как и в дореволюционном Китае, по-прежнему в значительной степени регулировались обычным правом и местными обычаями. И хотя Конституция 1954 г. отражала потенциальные возможности развития гражданского права, однако в 1950—1970-е гг. оно так и не сложилось в полноценную правовую отрасль⁶.

Проблема становления законности и правопорядка была поставлена на VIII съезде партии (1956 г.) в Политическом отчете ЦК КПК, с которым от имени ЦК КПК выступил Лю Шаоци⁷. На срочную необходимость принятия сравнительно полных правовых актов, таких как Уголовный и Уголовно-процессуальный, Трудовой кодексы, обращал внимание председатель Верховного народного суда Дун Биу⁸. Он предупреждал о возможных тяжелых последствиях бездействия в этой области, которые, как свидетельствует история, не заставили себя ждать. Именно с отсутствием правового регулирования политической жизни и с несовершенством системы законности связывал позднее Дэн Сяопин начало “культурной революции”⁹, отбросившей Китай на десятилетия назад.

После принятия Конституции военно-административные и военно-контрольные органы власти постепенно сходили с авансены, предоставляя место законным органам власти и управления. Немалая угроза становлению нового государства исходила со стороны “трех зол”: коррупции, расточительства и бюрократизма, представлявших традиционную “ахиллесову пята” политических режимов старого и нового Китая. Политические традиции и ограниченные возможности правящей партии, только что вышедшей из горнила гражданской войны с Гомиьданом, создавали для КПК препятствия в области государственного и политического строительства.

В силу объективных и субъективных причин центр тяжести в борьбе с негативными тенденциями находился в области “политических кампаний”. Это обстоятельство вновь усиливало военно-командный стиль партийно-политического руководства, пришедший из практики в “освобожденных районах” и уже не вполне соответствовавший новым задачам созидания.

Компартия Китая, пережив трудный период революционной борьбы и в целом справившись с задачами социалистической индустриализации, между тем, явно опаздывала с разрешением проблемных вопросов партийного строительства. В 1950-е гг. имели место грубые нарушения норм партийной жизни, не соблюдались многие положения Устава 1945 г. В условиях мирного времени требовалось смягчить военно-командный стиль взаимоотношений в партии, ввести более демократические правила внутривнутрипартийной жизни, вместе с тем, создать правила контроля за деятельностью управленцев и т.д. При этом необходимо было учитывать изменившийся социальный состав КПК, склонность руководителей к “правовому нигилизму”; следовало скорректировать правила приема в КПК, регулировать накал внутривнутрипартийной борьбы. Бурный рост КПК в период между VII и VIII съездами требовал усиления идейно-воспитательной работы¹⁰. Значительно снижал эффективность партийной работы и государственного строительства низкий уровень образованности членов партии. По данным на май 1949 г. 61% членов партии были неграмотными, более 13% малограмотными, около 20%

окончили только низшую ступень начальной школы¹¹. Все эти факты наглядно демонстрируют наличие колоссальных трудностей у КПК 1950-х гг. в осуществлении руководящей функции даже при самом благоприятном стечении обстоятельств.

Отсутствие опыта в области функционирования системы управления, наряду с другими факторами — социально-экономическими трудностями, ростом бюрократизма, правовой незащищенностью — неизбежно проецировались на общее состояние политической системы и уровень государственного строительства.

Формирование государственных органов сопровождалось политикой внедрения коммунистов во все властные структуры. По этому направлению китайское руководство пыталось следовать практике КПСС. Так, уже в ВСНП первого созыва доля членов КПК насчитывала 54,48% от общего состава¹², с годами она неуклонно повышалась и в СНП, и в системе исполнительной власти¹³. Следует признать, что это не всегда было целесообразно в силу ряда обстоятельств, связанных как со спецификой Китая, так и со слабостью партийного строительства. Встраивание Компартии в государственные структуры порою принимало гротескные формы, что в полной мере проявилось в годы “культурной революции”.

С середины 1950-х гг., по мере передачи функций представительной власти от НПКСК к ВСНП постепенно снижалась политическая значимость демократических партий, одновременно возрастала доля членов КПК в государственных органах. Распространялась практика дублирования функций партийных и государственных органов, совмещения партийных и государственных постов, а также должности директора производственной единицы и поста секретаря парткома. Следует отметить, что уровень концентрации партийной и государственной власти на центральном уровне в основных своих чертах можно сравнивать с принципами управления КПСС. Вместе с тем, в СССР на областном уровне и на крупных предприятиях никогда не практиковалось совмещение партийных и государственных постов, а также постов руководителей предприятий и секретарей парткомов¹⁴, что отличало советскую практику от китайской в области управления.

Первые системные попытки становления Компартии как института управления страной и управленческого механизма в целом были предприняты на VIII съезде Компартии Китая (15—27 сентября 1956 г.). Как подчеркивал Дэн Сяопин, “отныне главной задачей будет строительство... В вопросах строительства наша партия в целом может считаться лишь учеником младших классов”¹⁵. Однако, как показала история, в сфере управления партия не смогла сделать решительных прорывов. Последнее обстоятельство стало одной из причин политических зигзагов 1960—1970-х гг. Как позднее анализировал политическую ситуацию Дэн Сяопин, “в партии и в системе управления господствовал “бюрократизм с характерной для него чрезмерной централизацией власти”, а “осуществление единого руководства превратилось — в смешение партийных органов с административными”¹⁶. По сути дела, эта короткая и емкая характеристика вместила основное содержание “перегибов” партийно-политического строительства 1950-х — 1960-х гг.

Уже в те годы было ясно, что опыта и помощи СССР недостаточно для построения системы управления страной, адекватной исторической специфике. Реальные условия требовали специальных подходов и решений в политической сфере.

В создании механизма управления Китаем в 1950-е гг. приобретал первый опыт, который, тем не менее, выявил ряд направлений оптимизации политической системы, востребованных в полной мере лишь в годы “реформ и открытости”. Речь идет о задачах преодоления “нецелесообразного, чрезмерно большого сосредоточения власти в руках Центра”, разделения функций партии и государст-

ва, административных органов и предприятий, развития кадровой политики и создания системы государственных служащих, построения законодательных основ государства и общества¹⁷.

“Культурная революция” (1966—1976 гг.) продемонстрировала сложность перехода от революционного периода к эпохе созидания. Накануне “культурной революции” Китай в целом продолжал испытывать груз бюрократических традиций старого общества. Выдвинутые в преддверии “культурной революции” лозунги “борьбы со злоупотреблениями бюрократии”, сформировавшейся в 1950—1960-е гг. из числа функционеров КПК в значительной степени хаотично и бессистемно, имели реальную почву. На фоне экономических трудностей и “неразберихи” в области управления, особенно на местах, достаточно реалистичными выглядели и опасения части руководства Компартии о возможности реставрации государственного строя гоминьдановского Китая и “буржуазного перерождения” части коммунистов. Подогревались радикальные настроения и растущими идеологическими противоречиями между КПК и КПСС. Одним словом, “культурная революция” была тесно связана с предыдущим состоянием всех сфер партийной, экономической и политической жизни страны, равно как и с национальной психологией поиска оптимальной модели ускоренного развития. “Культурная революция” обозначила, с нашей точки зрения, особую значимость для страны создания системы государственной службы и оптимизации управления в целом, которое и в традиционном обществе являлось проблемной областью, а в гоминьдановском Китае стало “камнем преткновения”.

В условиях неразвитой системы права, на фоне которых разворачивалась “культурная революция”, была разрушена конституционная система государственных органов. На уровне административно-территориальных единиц были сформированы новые органы власти—революционные комитеты (ревкомы), соединяющие военную, партийную и административную власть. Эксперимент прямого слияния властей с опорой на армию сопровождался фактически устранением уставных органов КПК. Прекратили свое существование региональные бюро КПК и провинциальные парткомы, за исключением армейских. В Центре функции Политбюро ЦК КПК и Секретариата выполняла Группа по делам культурной революции, затем — Пролетарский штаб по делам культурной революции. Наблюдалось возрождение военного стиля управления, существовавшего в конце народно-освободительной борьбы, новое возвышение власти Военного совета ЦК КПК. Новая политическая структура, зафиксированная в Конституции 1975 г., характеризовалась активным участием армии в государственном управлении и в политической жизни, “огосударствлением” партии, слиянием партийного и государственного аппарата, введением в государственную систему нового госоргана — “ревкомов”¹⁸. Преобладание военных в парткомах, воссоздаваемых с конца 1960-х гг., и сохранение ими руководящих позиций в “ревкомах” создавало угрозу военизации КПК и роста сепаратизма в стране¹⁹.

“Культурная революция” нарушила необходимый уровень внутрипартийного единства и политической стабильности в стране. Вот почему в политическом сознании китайцев впоследствии категория стабильности обрела значение одного из главных критериев адекватности действующей модели развития, предопределила осторожность китайского руководства в вопросах политических преобразований.

Практика “культурной революции” продемонстрировала неэффективность в политическом и государственном строительстве “политических кампаний”, радикальных экспериментов и в целом политики “забегания вперед”.

Незавершенность политического и государственного строительства в период до “культурной революции” и глубина деформации политической системы в период ее проведения поставили Китай на грань системного кризиса. Его преодоление предполагало осуществление принципиальных преобразований в экономике и политической сфере.

Новый этап партийно-политических преобразований открыли решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), ставшего эпохальным для Китая событием. Характерная для социалистических государств тесная взаимосвязь партийных и политических процессов в Китае 1980-х гг. проявилась особенно сильно. Она предопределила ситуацию, в которой вопросы партийного строительства и партийного стиля по существу являлись вопросами политической реформы. Содержание периода партийно-политических преобразований конца 1970—1980-х гг. определялось не просто восстановлением разрушенных в годы “культурной революции” субъектов политической системы и государственной структуры, но и приданием им нового качества.

Отходя от “слепого копирования чужого опыта и чужих моделей”, Китай осуществлял “перестройку руководящего аппарата и реформу хозяйственной системы”. Новая политика ротации кадров, “коллективности руководства”, осуждения “культы личности”, развития внутри- и внепартийной демократии, усиления законности и правопорядка положила начало оздоровлению партии и всей политической системы. Она воспрепятствовала ее стагнации, как это случилось в СССР. В КНР начала 1980-х гг. проблема “культы личности” и коллективности руководства решалась взаимосвязанно, что обеспечило положительный результат.

Осуждение Дэн Сяопином и КПК на XII съезде партии (1982 г.) “культы личности” сопровождалось мерами по упрочению коллективного характера принятия решений. Так, было принято решение о восстановлении Секретариата ЦК КПК, введении поста генерального секретаря и ликвидации поста председателя КПК и его заместителей. С 1982 г. по 1987 г. Секретариат функционировал как основной партийный орган, осуществлявший постоянное руководство между съездами КПК и пленумами ЦК КПК и использовавший в своей работе принцип “коллективности руководства”. Между тем, в СССР осуждение Н.С. Хрущевым “культы личности” И.В. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. не сопровождалось укреплением принципов коллективности руководства²⁰. В дальнейшем, в 1960—1970-х гг. принципы коллективности руководства в КПСС периодически внедрялись, сложился сложный механизм функционирования власти, который в обычных случаях предполагал тесное взаимодействие многих управленческих институтов — министерств и ведомств, Совмина и его отделов, аппарата ЦК КПСС, Секретариата и Политбюро. Между тем, при принятии решений важного политического значения коллективный принцип нарушался. К примеру, решение о введении советских войск в Афганистан принималось на даче у Брежнева (12 декабря 1979 г.) без согласования и предварительной экспертизы. Это решение принималось на совещании, участниками которого были генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев, председатель КГБ Андропов, министр обороны Устинов, министр иностранных дел Громыко и заведующий общим отделом ЦК Черненко. Принятое решение лишь позже было оформлено как решение Политбюро ЦК КПСС²¹.

Уже в 1980-е гг. в КНР были достигнуты определенные результаты в разделении партийной и государственной власти. Достаточно наглядно эта тенденция представлена в реформировании структуры аппарата ЦК КПК. Принципы организационного строительства ЦК КПК как руководящего центра сложились еще к концу

1950-х гг. и в значительной степени были заимствованы из опыта партийного строительства КПСС. Отделы, комиссии, руководящие группы, кабинеты ЦК КПК, функционировавшие в структуре ЦК КПК до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, охватывали не только общие направления внутривластной и государственной политики, но — параллельно государственным органам — специализировались и на непосредственном управлении конкретными областями: промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, финансами и торговлей, наукой и образованием, оборонной промышленностью, капитальным строительством, культурно-просветительской работой и т. д. Причем по данным направлениям в структуре аппарата ЦК КПК параллельно действовала система политотделов, сформированная в 1960-е гг.

На основе выводов из неудачного эксперимента сращивания партийной, административной и военной власти времен “культурной революции”, в структуре аппарата ЦК КПК в первые же годы политики реформ была упразднена специализация по конкретным направлениям производства, науки и техники, ликвидирована громоздкая система политотделов по отраслям народного хозяйства. Вновь прибегая к сравнению КНР и СССР, отметим, что структура аппарата ЦК КПСС даже в конце 1970-х гг. дублировала органы исполнительной, законодательной и судебной властей. Более того, она в деталях отражала систему союзных министерств и ведомств, управлявших промышленностью, сельским хозяйством, культурой и идеологией²². Новая же структура аппарата ЦК КПК определялась тенденцией к сужению сферы непосредственного партийного руководства отраслями народного хозяйства и к развитию контрольных функций партии над работой государственных органов. Усилия партии концентрировались на стратегических направлениях политики развития. В 1980-е гг. процесс передачи управленческих функций государственным органам развивался достаточно интенсивно.

Учреждение в структуре ЦК КПК в январе 1980 г. Политико-юридической комиссии осуществлялось в соответствии с подходами Дэн Сяопина, придававшего большое значение установлению в стране законности и правопорядка. Развитие законодательного процесса и отраслей права постепенно становилось магистральным направлением адаптации политического строя требованиям времени.

Особое место занимала кадровая политика партии²³. Введение в партийный Устав 1982 г. новой главы о кадровых работниках (гл. VI) выдвигало кадровую проблему на передовые рубежи в реформировании системы управления, сложившейся до 1978 г. Разработка кадровой политики в последующие годы все более связывается с необходимостью создания на ее основе механизма смены властей без внедрения института политического плюрализма и конкурентной борьбы различных партий за властные позиции в государстве.

Одна из инноваций в сфере кадровой политики в 1980-х гг. — это создание Центральной и провинциальных комиссий советников. Комиссии сыграли роль механизма передачи властных полномочий, регулировали сроки пребывания руководителей на своих постах, вбирая в свой состав престарелых руководителей, уже не справлявшихся со своей работой. Напряженная работа комиссий советников и комиссий по проверке дисциплины способствовала восстановлению в 1980-е гг. партийной и государственной вертикали, активизации и укреплению управленческого механизма с использованием принципов коллективного руководства, ротации кадров и т. д. Дэн Сяопин считал создание и функционирование в течение 1982—1992 гг. комиссий советников специфической особенностью политической системы КНР.

Постепенно преодолевался негативный исторический опыт в законодательной сфере. Складывался механизм быстрого реагирования политико-право-

вой области на возникавшие в процессе реформ новые проблемы и явления, требовавшие законодательного оформления. Наиболее наглядно этот процесс представлен в практике периодического внесения поправок в Конституцию 1982 г., в 1989, 1993, 1999, 2004 гг. По мере восстановления государственных институтов расширялась законодательная и иная деятельность ВСНП и СНП различных уровней, Госсовета и народных правительств разных уровней, что готовило почву для дальнейшего расширения и углубления политики реформ.

Энергия развития, исходившая от 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и XII съезда КПК, дала толчок всему процессу экономических и политических преобразований в КНР. Свое логическое оформление в политической сфере она получила на XIII съезде КПК (1987 г.), четко обозначившем место и роль партии как института управления страной, поставившем проблемы взаимодействия внутрипартийного строительства с развитием политического процесса.

XIII съезд КПК сумел выдвинуть в повестку дня принципиально значимые для оптимизации системы управления страной конкретные задачи, которые отразили самые существенные потребности политического режима и не потеряли своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. Отметим некоторые из них:

- совершенствование процедуры разработки и принятия кардинальных решений по важнейшим вопросам партии и государства;
- усиление административного законодательства;
- "нормирование" полномочий партийных комитетов в государственных органах;
- демократизация и оптимизация избирательной системы;
- введение системы общественных консультаций и диалога;
- повышение степени открытости в деятельности руководящих органов;
- развитие кадровой политики и создание системы государственной службы.

Разграничение функций партии и государства, правительства и предприятий предполагалось осуществлять в значительной степени в ходе реформы государственного аппарата, которую Дэн Сяопин включал в общий план политических преобразований.

Значение решений съезда в области политической реформы осознавалось в партийно-политических кругах Китая, как говорится, "чем дальше, тем больше". Даже в начале XXI в. обществоведение и политология КНР в качестве одного из основных критериев оценки тех или иных преобразований в политической сфере называют решения XIII съезда.

Политические процессы, развивавшиеся в течение четверти века в значительной степени под влиянием XIII съезда, продемонстрировали в целом адекватность его подходов потребностям дальнейшего развития. Вместе с тем, оптимизм, заложенный в его решениях, оказался не вполне оправданным. Можно сказать, что программа политических реформ XIII съезда КПК по ряду параметров опередила свое время. По-видимому, было трудно предусмотреть всю глубину и масштаб трудностей на пути партийно-политических преобразований.

Системный подход к реформе политической системы, выдвинутый на съезде, предусматривал долгосрочный характер политических преобразований. На практике разрыв между планами политических преобразований и их реализацией оказался еще глубже. Это обстоятельство можно объяснить многими причинами. Среди них — сложность определения допустимого уровня разделения функций партии и правительства, правительства и предприятий, долгосрочный характер процесса строи-

тельства законодательства, техническая и психологическая неготовность властных структур и населения к исполнению законов и т.д. В области управления производством чиновников в 1980-х гг. оставался нормой поведения. По некоторым оценкам в 1980-е гг. в обществе выполнялось не более 1/5 принятых законов²⁴.

Если абстрагироваться от западных стереотипов и учитывать в первую очередь китайскую специфику, то можно утверждать, что такие тенденции, как размежевание партийных и государственных функций в области управления страной, усиление коллективности руководства, новая контрольная и кадровая политика, разрушившие закостенелую систему "пожизненного" занятия руководящих постов, формирование системы государственной службы, развитие внутри- и внепартийной демократии, усиление законности, носили характер качественных перемен, обеспечивших возможность дальнейшего развития.

Партийно-политический процесс 1980-х гг. проложил русло эволюционных изменений в политической сфере. Он обеспечил возможность перехода Китая с начала 1990-х гг. к периоду создания основ социалистической рыночной экономики (XIV съезд КПК (1992 г.) и 3-й пленум 14 го созыва (1993 г.)). В этой связи подчеркнем важность и необходимость партийно-политических преобразований 1980-х гг. в общем процессе модернизации страны, роль и место которых в политике развития Китая современной политологией часто недооценивается.

Параллельно с начавшимися в 1980-х гг. преобразованиями наблюдался рост негативных тенденций как в экономике, так и в работе государственных органов, особенно на местах. Начиная с 1984 г. наблюдались явления "перегрева экономики", диспропорций в развитии народного хозяйства, повышения цен²⁵. На 1987—1989 гг. приходится второй "коррупционный пик" в органах власти и управления. Первый имел место в начале реформ — 1978—1982 гг.²⁶ Обострение социальных противоречий приняло форму движения за "буржуазную либерализацию", что отражало, с одной стороны, назревшую в обществе потребность в более решительной либерализации экономического курса, с другой стороны, свидетельствовало о необходимости комплексного подхода к формированию механизма управления. По мнению ряда китайских специалистов, в 1980-е гг. превалировала тенденция к разработке партийно-политических преобразований, отсутствовала необходимая координация с изысканиями в экономической сфере, что стало одной из причин массовых протестов.

Трагические события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, поставили Китай на грань утраты стабильности в обществе. В результате партия частично сворачивает курс политических преобразований, но не прерывает всего процесса реформ. Он концентрируется в сферах экономики, кадровой политики, деятельности государственных органов. Развивается тенденция к управлению страной на легитимной основе, вносятся поправки в Конституцию (1993 г., 1999 г.), разрабатываются отрасли права. Сформулированное на XV съезде КПК (1997 г.) понимание реформы политической системы как совершенствования деятельности ее субъектов в рамках сформировавшихся контуров политической системы и государственной структуры, представляется логическим следствием предшествовавшего поступательного развития политического процесса.

С начала 1990-х гг. одновременно с увеличением удельного веса идеологической работы в механизме партийного управления вновь обозначились тенденции к более тесному взаимодействию партии с государственными органами. Они проявлялись в различных формах. В частности, уже в 1989 г. были реанимированы упраздненные, согласно рекомендациям XIII съезда, в ряде министерств и ведомств "партийные

группы руководства". Полномочия партийных комиссий по проверке дисциплины, вопреки замыслам XIII съезда, не сузились, но, напротив, распространились на государственный уровень. В целом, провозглашенный XIII съездом системный подход к реформированию управленческого механизма, отодвигался на будущее²⁷.

Важное место в политических преобразованиях 1990-х гг. заняла кадровая политика, прежде всего, построение системы государственной службы. Принятые Госсоветом КНР в 1993 г. Временное положение о государственных служащих, а также ряд нормативных актов министерства кадров КНР 1995—1996 гг., регулирующих деятельность госслужащих, были разработаны на основе сочетания традиционных и новых подходов к кадровой политике. Они были весьма своевременными и необходимыми для строительства рыночной экономики, содержали положения, препятствовавшие коррупции. Законоположения предусматривали переход от всеобщего централизованного распределения кадров, характерного для КНР 1950—1970-х гг., к менее централизованной и более современной системе государственной службы со всеми вытекающими из нее особенностями и внутренними правилами.

Тенденция к управлению страной на основе законности и права постепенно включала и области, ранее не имевшие правовой основы, либо регулировавшиеся "одноразовыми" партийными правилами. Регламентация деятельности партийно-государственной номенклатуры в руководящих структурах разрабатывалась параллельно с формированием системы государственной службы, частично переплетаясь с ней, однако, до сего времени сохраняя свою идентичность. Первым важным актом подобного рода стал документ "Временное положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов" 1995 г. Его установления распространяли на партийно-государственных чиновников большинство статей "Временного положения о государственных служащих" 1993 г. Это был шаг вперед. Между тем к середине 1990-х гг. правовая основа в области кадровой политики, особенно, в сфере ротации, была подведена лишь для местных властных структур — уездов и ниже. В целом к концу 1990-х гг. сложилась достаточно эффективная кадровая система, что отмечается и западной политологией. Как считают известные немецкие политологи С. Хайльман и С. Кирхбергер, отрегулированная кадровая система (имеется в виду и партийный, и государственный уровни) способствовала преодолению кризисных явлений в экономике, возникших в КНР в период финансового кризиса в Азии²⁸.

Важным этапом включения кадровой политики Компартии Китая в нормативное русло стало принятие и введение в действие в июле 2002 г. нового партийного акта — "Положения о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов"²⁹. Действие этого документа, как и предшествующего, распространяется на руководство рабочих органов или внутренних структур ЦК КПК, ПК ВСНП, Госсовета, ВК НПКСК, ЦКПД, ВНС, ВНП, ПК СНП, правительств, комитетов НПКСК, КПД, народных судов, народных прокуратур и других органов уездного уровня и выше.

Документ демонстрирует более высокую степень открытости партийной политики в одном из важнейших ее направлений. Новая кадровая политика, воплотившаяся в данном партийном документе, в значительной степени способствовала плавному и упорядоченному переходу власти от третьего поколения руководителей КНР к четвертому. Задача создания корпуса управленцев-профессионалов, обладающих политической сознательностью и высокими нравственными качествами, решается путем усиления открытости, постепенного внедрения и расширения демократической процедуры голосования и создания механизма контроля над системой выдвиже-

ния и назначения руководящих кадров³⁰. Новая кадровая политика включала также положения по формированию системы “политического участия” во власти демократических партий и беспартийных, которая продолжает усиливать свою правовую базу в XXI в. Документ встраивал в кадровую политику идеи коллективности руководства и контроля над процессом избрания и назначения руководящих кадров.

Вместе с тем, можно констатировать недостаточность правовой базы “смены созывов” (хуаньцзе), которую в значительной степени “заменяет” устоявшаяся практика договоренностей и “одноразовых” партийных правил, разрабатываемых в ходе процесса подготовки партийных съездов.

Общий фон 1990-х гг. определялся интенсивным законотворческим процессом. С конца 70-х гг. и вплоть до начала 90-х гг. основные усилия в законодательной сфере были сосредоточены на создании крупных пакетов законодательства, таких, как Конституция и ее редакции, Уголовный кодекс (1979 г.), Гражданский процессуальный кодекс (1991 г.), Закон о выборах в ВСНП и местные СНП (1979, 1982, 1986, 1995), Закон о местных СНП и местных народных правительствах (1979, 1982, 1986, 1995 гг.). Законодательные инициативы направлялись, главным образом, на реанимацию и частичную модернизацию государственной структуры, прежде всего ВСНП и СНП, т.е. на самые необходимые для функционирования политического режима области. С начала 1990-х гг. приоритеты в законотворческой сфере претерпели изменения в соответствии с новым курсом правящей партии на развитие социалистической рыночной экономики.

В целом, с 1979 по 2000 гг. ВСНП и ПК ВСНП приняли более 350 законов и постановлений по финансово-экономическим вопросам, собрания народных представителей провинциального уровня и их ПК одобрили 7000 законодательных актов местного значения, различные ведомства Госсовета и исполнительная власть на местах разработали свыше 20 тыс. нормативных актов³¹.

В области развития политических институтов и функционирования государственных органов постепенно уходила в прошлое мелочная опека, смещались акценты в способах управления. Нормально развивающиеся политические институты и регулярные процедуры практически стали определять широкий спектр вопросов текущего процесса управления страной. Правящая партия, формулируя основные направления политической реформы, в частности, направляя и активизируя законотворческий процесс, неизбежно становилась его объектом, ее функции регулировались, а сфера прямого управления государством сужалась.

Продолжались поиски в области соотношения функций партии и государства, включая вопросы совмещения постов. С 1992 г. в опытным порядке вновь вернулись к практике совмещения постов первого секретаря и председателя Постоянного комитета СНП на провинциальном уровне, к практике, которая направлялась к усилению партийного влияния на деятельность СНП в области контроля над исполнительной властью. Эта политика достигла в начале нового века почти 100-процентной реализации. Одновременно была ликвидирована практика совмещения постов первого секретаря парткома и председателя народного правительства. Таким образом, на провинциальном уровне в форме совмещения постов (но не подмены функций. — Авт.) имеет место новое сближение партийной и представительной власти при одновременном относительном отделении партийной власти от исполнительной.

Претерпел изменение и общий подход к проблеме размежевания партийной и государственной власти. С середины 1990-х гг. партийный центр не акцентирует проблему разграничения функций партии и правительства, как это имело место, по сути, в течение 1980-х — первой половины 1990-х гг. Центр тяжести в

области размежевания компетенции перемещается в область разделения функций администрации и предприятий. На повестку дня выдвигаются также задачи нормирования функций партийных комитетов, государственных структур, демократических партий, неправительственных и общественных организаций, их взаимосвязей и взаимовлияний, направлений размежевания. Ставится задача урегулирования и создания законодательной основы деятельности субъектов политической системы и государственной структуры. В партийных кругах и в современной политологии КНР изменения в постановке проблемы обозначаются как переход от политики “разделения функций партии и правительства” к политике “упорядочения отношений партии и правительства”³².

Политическое строительство этапа партийно-политических преобразований с XVI съезда партии (2002 г.) до наших дней означает, на наш взгляд, новый этап процесса модернизации, суть которого четвертое поколение руководителей КНР выразило формулой перехода от “экономической модернизации” к стратегии построения гармоничного общества на основе научной концепции развития. Теперь поставлена задача сбалансированного осуществления реформ партии, правительства, ВСНП, судебно-прокурорских органов, совершенствования кадровой политики и “юридизации” общества. Осуществляющиеся в XXI в. мероприятия по данным направлениям обнаружили значительные потенции существующей политической системы, вскрыли новые возможности оптимизации деятельности партии, государственных органов, кадровой политики, законодательной деятельности. В области партийной реформы обратим внимание на развитие внутрипартийной демократии, усиление воспитательных и контрольных функций партии, ее усилий в формировании системы контроля над госслужащими, в организации привлечения науки к вопросам управления и к формированию новой системы принятия важных решений с участием демократических партий и беспартийных, так называемой системы “политического участия”. Большинство этих направлений отражено в поправках к уставу КПК на XVI и XVII (2007 г.) съездах партии, в поправках к Конституции 1999 г и 2004 г., в Положениях ЦК КПК о контроле, о дисциплине и других нормативных документах.

Одно из главных направлений работы КПК последнего десятилетия — организация и руководство антикоррупционной борьбой. Эффективность деятельности в этом направлении Центральной партийной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) и ее отделений на местах заслуживает высокой оценки и получила признание не только в партийной среде, но и у населения страны. Создание в 2007 г. при Госсовете КНР Ассоциации по борьбе с коррупцией как партийно-правительственного органа является важным этапом на этом трудном пути.

Что касается главного органа государственной власти — ВСНП и СНП различных уровней, принимаются нормативные акты и законы, повышающие роль депутатов СНП, расширяющие сферу деятельности ПК ВСНП в направлении организации общественных слушаний, развития консультационной формы работы, обязывающие комитеты ПК ВСНП более активно участвовать в законодательной работе, которая в основном до сих пор инициировалась Госсоветом. Активизируется работа ПК ВСНП с петициями от населения в адрес государственных органов. Стоит выделить Закон КНР об осуществлении контроля постоянными комитетами собраний народных представителей всех уровней, принятый 27 августа 2006 г.³³ Он ввел в нормативные рамки и усилил существующую практику контроля постоянно действующих органов представительных учреждений в отношении административных органов, судов и прокуратур. Установлениями Закона разрабатывает-

ся система компетенции ВСНП на предмет проверки соответствия Конституции законодательных актов, принимаемых центральным и местными правительствами, предусмотрена открытая публикация всей деятельности СНП в сфере контроля и т.д. Сделав во второй половине 1990-х гг. ряд шагов по созданию системы контроля над бюджетом и финансами³⁴, с принятием данного Положения ВСНП и ПК ВСНП получили нормативную базу для осуществления контроля над исполнительной властью.

Развитие отдельных направлений в деятельности ВСНП иллюстрирует наличие немалых потенциальных возможностей китайского парламента. Вместе с тем, остаются проблемы “старения” депутатского корпуса ВСНП и СНП, особенно их постоянных комитетов, а также непропорционального представительства в этом органе различных социальных слоев, прежде всего, городских и сельских жителей³⁵.

Реформирование работы госорганов осуществляется комплексно. Вместе с тем, центр тяжести в современных условиях переместился на правительственно-административную реформу как наиболее “слабое место” в системе управления. Работа ведется с опорой на соответствующие исследования, изучающие не только особенности китайских реалий в этой области, но и опыт других государств. Неразбериха в административной сфере имеет свои исторические корни и в значительной степени связана с неразвитостью административного законодательства. В 2008 г. началась 6-я по счету административная реформа за период 1978—2009 гг. Ее задача — качественное изменение деятельности правительства в направлении усиления его макроэкономических функций и доведение его функций до “правительства обслуживающего типа”. Идеи построения “правительства обслуживающего типа” и создания “больших министерств” близки к современным западным теориям в области реформирования систем управления³⁶. Особое место среди новых документов принадлежит Закону КНР об административных разрешениях, вступившему в силу с 1 июля 2004 г.³⁷ Закон предписывал значительное сокращение обязанностей административных органов за счет их объединения и передачи ряда полномочий на места и в другие ведомства, а также их сокращение на пути перераспределения функций органов Госсовета. В результате обозначились признаки оптимизации в работе правительства, сократились возможности злоупотреблений в работе чиновников. Проблема реформы правительства является долгосрочной. Современное развитие административных реформ закладывает необходимую основу для запланированного принятия к 2020 г. Административного кодекса разработка которого осуществляется длительное время³⁸. Его принятие, по сути, завершит трудоемкую работу по формированию целостного комплекса отраслей права.

Возможность совершенствования деятельности Госсовета наглядно демонстрирует следующий факт: ранее соответствующие ведомства и учреждения Госсовета имели список из 3605 административных процедур проверок и утверждений. В результате последних четырех реформ (1993, 1998, 2003, 2008) было ликвидировано либо подвергнуто изменениям 1994 пункта из этого списка, что в общей сложности составляет 55, 3% от общего количества.

По мнению ряда китайских экспертов, главной задачей текущего периода является новое распределение и регулирование функций внутри правительства. Оно представляется следующим образом: функция принятия решений, функция исполнения решений, функция контроля над исполнением решений. Реформы в КНР на настоящий момент не предусматривают политического строительства на основе разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, хотя западные системы тщательно изучаются. В комплексе законодательных инициатив изучаются и частично осуществляются меры по “открытию” информации о

деятельности правительства, внедряются разработки перевода работы правительства в электронный формат.

Тесно связана с административными реформами модернизация кадровой системы. Вплоть до недавнего времени формирование нормативной базы государственной службы основывалось на актах временного характера. Построение обновленной системы управления страной, в которой институт государственной службы играет если не ключевую, то достаточно важную роль, ознаменовалось не рядовым событием в развитии кадровой политики — принятием ПК ВСНП 27 апреля 2005 г. Закона о государственных служащих³⁹. Четко прописывается правовая ответственность госслужащих, нарушения в работе строго регламентируются. Закон вносит положения, имеющие значение для профилактики и пресечения явлений коррупции и злоупотреблений. Важное внимание уделено борьбе со злоупотреблениями в области кадровой политики, особенно при зачислении на службу, проведении экзаменов, в осуществлении ротации или перевода, прописывается ответственность за нарушения процедур при проведении экзаменов на замещение должностей (ст. 101). Закон продемонстрировал адекватную требованиям времени тенденцию открытости в механизме государственной службы.

Вместе с тем, он не затронул ряда принципиальных моментов. К примеру, “конкурентные выборы”, как и прежде, не распространяются на высокие руководящие посты, их крайняя граница обозначена должностью начальника департамента, управления и ниже (ст. 45).

После XVII съезда КПК наблюдается активизация преобразований в кадровой политике. В качестве большого успеха следует отметить сложившуюся к настоящему времени практику государственного контроля над доходами чиновников сверху донизу. Очевидно, что это направление может стать важным фактором в долгосрочной борьбе с коррупцией.

Принципиально новым явлением в процессе замещения высоких руководящих постов стал первый открытый набор на главные руководящие посты государственных предприятий централизованного управления. Был дан старт внедрению нового процесса — “открытого найма персонала на высокие руководящие посты государственных предприятий” на конкурсной основе. На 16 “особо важных” постов руководителей центральных предприятий претендовали 2745 человек, среди кандидатов 88 человек имели иностранное гражданство или работали за границей. Трудно переоценить значение этого события как “исторического прорыва” в сложившейся кадровой системе⁴⁰, переживавшей с начала века положительное развитие по ряду направлений: ротации, омоложения, демократизации при избрании и назначении кандидатур, совершенствования системы экзаменов, нормировании процессов и т.д.

Проводя аналогии с кадровой политикой КПСС и СССР, обратим внимание на шансы, которые не были использованы партийной и советской властью для оздоровления политического режима. На рубеже 1970—1980-х гг. высшая партийно-политическая элита СССР приобрела замкнутый и корпоративный характер, постепенно трансформировалась в своеобразную касту. Такими же чертами обладала и система подготовки партийных, профсоюзных, комсомольских кадров, дипломатических работников, имел место процесс “самовоспроизводства” номенклатуры⁴¹. Не наблюдалось решения проблемы ротации кадров на основе “омоложения”, политики открытости и внедрения демократических процедур при замещении руководящих должностей, что в настоящее время осуществляется в КНР. Сложность решения кадровых проблем в комплексе — нелегкая

задача и для современного Китая. Вместе с тем, совершенно очевидно, что партийно-политическая элита КНР ощущает дыхание времени и готова к переменам.

Один из результатов комплексного анализа политической составляющей процесса модернизации в Китае состоит в признании наличия специфической ситуации в системе управления. Мы ее характеризуем как сочетание усиления руководящей роли правящей партии с процессом активизации политического и государственного строительства, осуществляющимся вполне “автономно”, и чем дальше, тем больше, — на законодательной основе. При этом, важно подчеркнуть, что партия сама выступает инициатором усиления законодательного процесса и построения легитимной основы системы управления. Сама жизнь определяет области, где активное участие партии вполне целесообразно. Речь идет о сосредоточении усилий партии в области контроля над чиновниками, который в большей степени, чем прежде, охватывает государственную сферу. В опытном порядке, через совмещение должностей партийного секретаря и председателя постоянного комитета СНП провинциального уровня, доля партийного контроля распространяется над исполнительной властью. Таким образом, “слабые места” регулируются и по партийной, и по государственной линиям.

Весьма востребовано партийное влияние в воспитательной сфере. В этой связи вспоминаются слова Дэн Сяопина о том, что не столько важны политическая система и государственный строй, сколько нравственные качества людей, занимающих руководящие позиции. Новое поколение руководителей КНР во главе с Председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао особое значение придает проблемам нравственного характера.

На высшем уровне последовательность принятия решений государственного значения в принципе не меняется: от съезда партии — к сессии ВСНП, реализующей через систему государственных органов партийный курс в практику. Существенным признаком механизма принятия важных решений становится возросшая роль в этом процессе института многопартийного сотрудничества и политических консультаций (перед каждой сессией решения обсуждаются с представителями НПКСК). К этому процессу привлекаются также деятели науки, представители общественности.

Говоря о перспективах, можно обозначить развитие тенденции к созданию нормативной базы процесса “смены созывов” и усилению “коллективности руководства” как своего рода “замены” демократических процедур “воспроизводства власти” в многопартийных государствах.

Руководящие позиции Компартии Китая как института управления эволюционируют одновременно с активизацией государственного строительства. Многое решается по ходу практики, поэтому трудно делать подробные прогнозы. Очевидно одно — новое развитие получают контрольные и воспитательные функции правящей партии и осуществляется размежевание с административными и хозяйствующими субъектами, что, по-видимому, востребовано обществом. На повестке дня партийной реформы остается задача выведения партии и различных форм ее влияния на государство в правовое поле, что непосредственно связывается с проблемой “наведения порядка” в сфере управления. Практика свидетельствует о долгосрочной перспективе подобного развития партийного строительства. “Юридизация” управленческой функции партии рассматривается в русле текущего этапа развития правового строительства, направленного на совершенствование системы СНП, развитие демократической формы “политического участия” демократических партий и беспартийных в управлении страной, правовое обеспечение

административной реформы, реорганизацию судебной системы, до сих пор формально и неформально тесно связанной с традиционными институтами.

Если отслеживать партийно-политические события в их историческом 60-летнем развитии извне, с позиции стороннего наблюдателя, то следует отметить поступательное развитие в политической сфере. Оно фиксируется многочисленными показателями, тесно связано с прогрессом в экономической, культурной и социальной областях, переплетается с началом формирования в КНР гражданского общества. Главный и конечный показатель политической составляющей процесса модернизации на сегодняшний день — усиление государственной мощи и рост материального благосостояния населения.

Говоря о перспективах политического развития, главное, что хотелось бы подчеркнуть, это действительное наличие в рамках существующей политической системы потенциальных возможностей дальнейшего развития ее субъектов и совершенствования политических процессов. Политическая система, как бы ее ни характеризовали (либеральной экономики и “мягкого авторитаризма”, “советательного правления”, партийной диктатуры и т.д.) за 60 лет показала свою гибкость и возможность к совершенствованию.

Взгляд изнутри, что вполне естественно, больше фиксирует недостатки, чем достоинства, поскольку сконцентрирован не на сравнении исторических и политических реалий прошлого и настоящего, но на ситуации сегодняшнего дня. Человек, как правило, не обладает историческим сознанием и склонен думать о сегодняшнем дне. В этой связи нельзя закрывать глаза на реально существующие проблемы, усугубившиеся в период мирового кризиса. Достаточно сказать о явлениях коррупции, имущественной поляризации общества, проблемах занятости, стагнации доходов сельских жителей, проблемах мигрантов, неравномерности развития города и деревни, восточных и западных регионов, несовершенстве судебно-прокурорской системы, в деятельности которой до сих пор активное участие принимает партийный орган — Политико-юридическая комиссия ЦК КПК, и т.д.

Достаточно остро стоит проблема разделения властей — на государственных предприятиях и особенно в деревне. Размежевание компетенций партии и руководства производственных предприятий, партийного секретаря в деревне и деревенского старосты составляют очаги “конфликта интересов”. Как следует из современных публикаций китайских экспертов, вопросы находятся в процессе решения и согласования. Согласно постановлению ЦК КПК от 2006 г., сделан решительный шаг в регулировании функций партии на государственных предприятиях. Было запрещено совмещение постов партийного секретаря и директора завода.

Эффективное решение назревших проблем получает новые шансы в изменившихся условиях усиления открытости и расширения “свободы” информации, а также использования новых информационных технологий. Примером открытого обсуждения в китайском Интернете может служить документ группы интеллектуалов под названием “Хартия 08” от 10 декабря 2008 г., который содержит предложения по реформе политической системы⁴². Как бы ни оценивать его содержание (это может быть отдельной темой. — *Авт.*), является фактом возможность практически открытых дискуссий, активно влияющих на формирование нового менталитета в обществе.

Предпринятое нами фрагментарное сравнение политики КПК и КПСС в партийно-политической сфере, на наш взгляд, свидетельствует о многовариантности развития политических процессов в рамках основных контуров монопартийного государства с авторитарной формой правления.

В Китае овладение гуманитарными и демократическими ценностями идет по другому пути, нежели на Западе. На первом месте стоит борьба с бедностью, стабильность и гармония, нравственно-этические ценности, связанные с конфуцианством. На политическом уровне это выражается в отрицании конкурентной борьбы между партиями как главного показателя демократии. Напротив — изучаются возможности развития так называемой “совещательной демократии”⁴³, вкпе с некоторыми элементами либеральной демократии и республиканизма, прежде всего такими, как правление на основе конституции и закона.

1. *Гудошников Л.М., Емельянова Т.М., Степанова Г.А.* Эволюция политической системы // КНР 55 лет: Политика, экономика, культура. М., 2004. С. 83.
2. *Муравьев П.Е.* Государственное устройство Китая // Китай. История, экономика, культура: Героическая борьба за национальную независимость. М.: Л., 1940. С. 239—247.
3. *Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы.* М., 1950. С. 34—35, 60.
4. Там же. С. 21—23; См. также: *Гудошников Л.М., Емельянова Т.М., Степанова Г.А.* Указ. соч. С. 84—85.
5. *Хан Даюань.* Законодательная реформа в Китае и изменения в Конституции // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года: Материалы российско-китайского симпозиума. М., 2006. С. 22—26. *Ян Фэнчэн.* Эволюция идей КПК: от “законности” к “управлению государством на основе закона” // Там же. С. 50—52.
6. *Гудошников Л.М.* Китай // История государства и права зарубежных стран. Т. 2. Современная эпоха. 3-е изд. М., 2005. С. 748, 751.
7. *Лю Шаоци.* Политический отчет ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду партии, 15 сент. 1956 г. Пекин, 1956. С. 78—79.
8. См.: *Гудошников Л.М.* Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ, 1949—1999. М., 1999. С. 416—417.
9. *Дэн Сяопин.* Перестройка системы руководства партии и государства (18 авг. 1980 г.) // Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2. С. 415—417.
10. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 21, 65.
11. *Федоров И.В., Зубаков В.Г.* Членство в КПК. М., 1980. С. 11.
12. Гоця чжиду цзяньше [Строительство государственной системы]. Пекин, 2003. С. 2—4.
13. *Ху Аньган.* Диэрцы чжуаньсин: цун цзиньцзи цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь [Второй поворот: от экономического строительства в качестве центрального звена до строительства системы в качестве центрального звена] // Гоця чжиду цзяньше [Строительство государственной системы]. Пекин, 2003. С. 2—4. *Holbig H.* Chinas neue Regierung zur Sicherung politischer Legimitaet nach dem X. Nationalen Volkskongress // China aktuell. 2003. N 3. S. 314.
14. См. подробно: *Соколов А.К., Тяжельникова В.С.* Курс советской истории, 1941—1991. М., 1999.
15. *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 1 (1938—1965). Пекин, 1995. С. 328.
16. *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. 21 (1975—1982). Пекин, 1995. С. 183—185.
17. Там же. С. 291—292, 301—302, 317; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 123.
18. *Гудошников Л.М.* Китай // История государства и права зарубежных стран: Учеб. для вузов. Т. 2. М., 2005. С. 465—466.
19. *Степанова Г.А.* История формирования парткомов провинциального уровня и их роль в политической системе КНР (1966—1977). М., 1980. С. 85.

20. *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России: Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008. С. 27—28.
21. Там же. С. 81.
22. Там же. С. 79.
23. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. С. 50—52.
24. *Делюсин Л.П.* Введение // Реформа политической системы: Реферат. журн. ИНИОН АН СССР. М., 1991. С. 21—22.
25. Краткая история КПК. Пекин, 1992. С. 975—977.
26. *Беляков А.* Борьба с коррупцией в Китае: усилия властей и реальная ситуация // ПБЛ. 2006. N 5. С. 35.
27. Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. С. 72—138.
28. *China aktuell.* 2000. N 5. S. 507.
29. Данчжэн ляндао ганьбу сюаньба жэньюн гунцзо тяоли [Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов]. Пекин, 2002.
30. Жэньминь жибао. 2002. 25, 29 июля; Синьхуа. 2002. 22, 28 июля.
31. “Жэньминь жибао” он-лайн. 15.01.2001.
32. *Чжу Гуанлэй, Чжоу Чжэнчжао.* Данчжэн гуаньси гуйфаньхуа яньцзю [Упорядочение отношений партии и правительства] // Чжэнчжисюэ. 2005, N 2. С. 4—5. *Линь Шанли.* Данчжэн гуаньси цзяньшэздэ чжиду аньпай [Системное решение строительства отношений партии и правительства] // *я Сюси жибао.* 2002. N 5.
33. См.: Закон об осуществлении контроля постоянными комитетами собраний народных представителей всех уровней Китайской Народной Республики // Новое законодательство Китайской Народной Республики. — Экспресс-информация. Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2009. С. 72—83.
34. *Holbig H.* Loyale Ambitionen: Die Jahrestagung des Nationalen Volskongressesd // *China aktuell.* 2001. N 3. S. 284—288; *Чжао Цзяньминь, Чжан Чуньсян.* Отношения ВСНП с партией и правительством и перспективы демократии в континентальном Китае // Чжунго далу яньцзю. 2000. Vol. 43, N 2. С. 1—12. *Ху Аньган.* Диэрцы чжуаньсин: цун цзиньци цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь С. 15—19.
35. *Чжао Цзяньминь, Чжан Чуньсян.* Отношения ВСНП с партией и правительством и перспективы демократии в континентальном Китае // Чжунго далу яньцзю. 2000. Vol. 43, N 2. С. 1—4. *Ху Аньган.* Диэрцы чжуаньсин: цун цзиньци цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь С. 13—17.
36. *Ершов А.В.* Роль административных реформ КНР в контексте политики реформ и открытости // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тез. докл. XVII Межд. науч. конф. “Китай. Китайская цивилизации и мир. История, современность, перспективы” (М., 22—24 окт. 2008 г.). М., 2008. Ч. 2. С. 45—46.
37. Синьхуа. 2004. 29 июля.
38. *Jen-Kai Liu.* Eine neue Runde der Strukturreform des Staatsrats // *China aktuell.* 2008. N 2. S. 151—152..
39. Жэньминь жибао. 2005. 11 марта. Фачжи жибао. 2005. 26, 28 апр.
40. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-02/27/content_201337.htm.
41. *Соколов А.К., Тяжелыникова В.С.* Курс советской истории. 1941—1991. С. 295.
42. <http://news.boxun.com/news/gb/china/2009/01/200901220011.shtml>.
43. См.: *Бергер Я.* Перспективы политической реформы в современном Китае // Отечественные записки. 2008. N 42(3). С. 18.

Внешняя политика КНР (1949—2009 гг.)

© 2009

В. Трифонов

Рассмотрены основные этапы становления внешней политики КНР с момента провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., нынешняя внешнеполитическая доктрина и современные концепции Пекина в области внешней политики, позиция КНР по проблемам обеспечения международной безопасности, внешнеполитические приоритеты Китая и его отношения с ведущими мировыми державами.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, внешнеполитические концепции, обеспечение международной безопасности, внешнеполитические приоритеты Китая, стратегическое партнерство, Россия, США, АТР, ШОС.

Провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики стоит в ряду крупнейших событий XX столетия. Огромная страна с многовековой историей покончила с полукOLONиальным прошлым, годами унижительного вмешательства и агрессии со стороны великих держав, твердо встала на путь независимого и самостоятельного развития, построения мощного современного государства. Победа КПК в гражданской войне в Китае коренным образом изменила соотношение сил двух мировых противоборствующих лагерей, способствовала подъему национально-освободительных движений в колониальных и зависимых странах.

Состоявшаяся в сентябре 1949 г. Первая сессия Народной политической консультативной конференции (НПКК) охарактеризовала Китай как государство "новой демократии", которое "ведет борьбу за независимость, демократию, мир, единство, создание процветающей и сильной страны"¹. Избранное на сессии НПКК Центральное народное правительство КНР во главе с Мао Цзэдуном заявило в Декларации от 1 октября, что оно "желает установить дипломатические отношения с любым иностранным правительством, которое пожелало бы соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета"².

Первым государством, откликнувшимся на обращение правительства нового Китая, стал Советский Союз, оказавший китайскому народу огромную помощь и поддержку в борьбе за независимость. Уже 2 октября 1949 г. МИД СССР выразил согласие установить с КНР официальные дипломатические отношения.

Вслед за СССР о признании КНР заявили другие социалистические государства, такие важные страны Азии, как Бирма, Индия, Пакистан, Афганистан,

Индонезия, ряд европейских государств. В ноте от 6 января 1950 г. де-юре признала КНР и Великобритания, хотя потребовалось еще немало лет, прежде чем между двумя странами были установлены полномасштабные дипломатические отношения и состоялся обмен послами.

Позицию неприятия нового китайского государства заняли Соединенные Штаты, продолжавшие оказывать широкомасштабную помощь гоминьдановскому режиму. Несмотря на то, что и в Вашингтоне, и в Пекине имелись достаточно влиятельные силы, выступавшие за налаживание нормальных отношений между двумя странами (осуществлялись и соответствующие контакты в этом направлении), линия США того времени на "отбрасывание коммунизма" взяла, однако, верх. Вашингтон прибег к сильнейшему давлению на своих союзников, ориентируя их на непризнание КНР, пытался организовать экономический бойкот Китая, оказал ожесточенное противодействие требованию КНР занять свое законное место в Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности ООН.

16 декабря 1949 г., после большой подготовительной работы в Москву прибыла возглавляемая Мао Цзэдуном правительственная делегация КНР. Состоялись переговоры с советским руководством, по итогам которых 14 февраля 1950 г. между СССР и КНР был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи³. Одновременно были подписаны соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, предусматривавшее безвозмездную передачу не позднее конца 1952 г. всех прав советской стороны по совместному управлению КЧЖД и принадлежащего Советскому Союзу имущества, а также соглашение о Порт-Артуре (Люйшунь) и Дальнем (Далянь). Китаю был предоставлен крупный льготный кредит на сумму 300 млн долл. США⁴.

Достигнутые договоренности имели историческое значение, отвечали жизненным интересам обеих сторон, укрепляя их безопасность и обеспечивая взаимную помощь и поддержку в крайне сложной международной обстановке того времени. Были созданы необходимые условия для осуществления мирного строительства в Китае, налаживания и развития отношений КНР со всеми странами.

Ситуацию, однако, коренным образом изменила начавшаяся 25 июня 1950 г. война в Корее, принесящая неисчислимы бедствия корейскому и китайскому народам. Корейская война надолго закрыла путь для развития нормальных американо-китайских отношений, в том числе и по причине предпринятых Соединенными Штатами действий в отношении Тайваня. 27 июня 1950 г. президент США Г. Трумэн заявил, что "оккупация Формозы коммунистическими силами была бы прямой угрозой безопасности в Восточной Азии и силам США, осуществляющим там свои законные и необходимые функции". Корабли 7-го флота США вошли в Тайваньский пролив с тем, чтобы "предотвратить любое нападение на Формозу". США фактически поставили Тайвань под свой контроль, заключив с Тайбэем 2 декабря 1954 г. Договор о взаимной обороне, в соответствии с которым стороны взяли на себя обязательство "противодействовать вооруженному нападению и коммунистической подрывной деятельности, направленным извне против их территориальной целостности и политической стабильности"⁵.

В первой половине 1950-х гг. в условиях проводимой Западом линии на изоляцию Пекина КНР продолжала развивать тесные связи с СССР и другими дружественными ей государствами, в стране развернулось активное социалистическое строительство. При содействии СССР в Китае были созданы целые отрасли тяжелой и оборонной промышленности, обучены тысячи китайских специалистов. В 1954—1956 гг. прекратили свое действие документы, обеспечивавшие ин-

тересы Советского Союза в Маньчжурии и Синьцзяне, все имевшееся там имущество, а также военная база в Порт-Артуре перешли под полный контроль Китая.

Обе страны выступали в тесном взаимодействии и на международной арене, отстаивая общие интересы. Курс на дружбу и сплоченность с СССР был закреплен в принятой в 1954 г. первой Конституции КНР и в решениях VIII съезда КПК (сентябрь 1956 г.). Съезд следующим образом определил основные направления внешней политики КНР: продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую дружбу с великим Советским Союзом и со странами народной демократии; устанавливать и развивать дружественные отношения со странами Азии и Африки, с другими странами, одобряющими пять принципов мирного сосуществования; устанавливать и развивать нормальные дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми государствами, которые желают иметь с КНР подобные отношения; выступать против применения вооруженной силы и политики угрозы вооруженной силой в международных делах, поддерживать движение народов за мир, выступать против колониализма⁶.

КНР приняла активное участие в работе Женевского совещания 1954 г. по мирному урегулированию в Корее и Индокитае, выступила с целым рядом инициатив, направленных на разрядку напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Значительное внимание уделялось развивающимся странам, которые Китай в силу общности судеб рассматривал как своих естественных друзей и партнеров. В июне 1954 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай посетил Индию и Бирму. Были урегулированы спорные вопросы с Индией, связанные с Тибетом. В ходе переговоров Чжоу Эньлай и Неру провозгласили известные пять принципов мирного сосуществования: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

Важной вехой, способствовавшей дальнейшему повышению международного авторитета Китая, стало его участие в Бандунгской конференции стран Азии и Африки в апреле 1955 г. Чжоу Эньлай выступил на конференции с большой речью, подчеркнув миролюбивый характер политики Китая и призвав страны Азии и Африки “взять судьбу в свои руки”, крепить сотрудничество между собой, совместными усилиями отстаивать свои интересы⁷. Бандунгская конференция способствовала дальнейшему оформлению движения неприсоединения, одним из главных принципов которого была политика равноудаленности от двух противоборствующих мировых лагерей.

С конца 50-х гг. XX века в отношениях между Советским Союзом и Китаем стали нарастать серьезные противоречия. В основе этого лежали, главным образом, объективные причины принципиального характера. В то время как советское руководство после XX съезда КПСС и развенчания культа личности Сталина взяло курс на налаживание отношений с США и другими западными странами, на мирное сосуществование и разрядку, на упрочение режима нераспространения ядерного оружия, Китай предпринял попытку добиться резкого ускорения своего экономического развития, не считаясь с реальными возможностями страны, выступил с лозунгами “обострения классовой борьбы”, “неизбежности войны”, “непримиримого противоборства с империализмом”. На второй сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г. был провозглашен курс “трех красных знамен” (новая генеральная линия, большой скачок, создание народных коммун), в концентрированном виде отражавший изменившиеся политические подходы китайского руководства. Произошли опасные кризисы в Тайваньском

проливе, грозившие прямым столкновением между КНР и США, пограничные конфликты Китая с Индией и Вьетнамом.

Все более напряженный характер стали приобретать отношения КНР с Советским Союзом, в чем немалую роль сыграл и субъективный фактор: личная неприязнь между Мао Цзэдуном и Н.С. Хрущевым, соперничество за лидерство в международном коммунистическом движении. Положение усугублялось нарастающими идеологическими разногласиями и полемикой между Москвой и Пекином в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Состоявшиеся в июле-августе 1958 г. и в октябре 1959 г. встречи в Пекине Н.С. Хрущева с руководством КНР не только не сняли, но еще больше усилили напряженность в двусторонних отношениях СССР и КНР. Началось свертывание политических и экономических связей между двумя странами. В июне 1959 г. Советский Союз прекратил действие соглашения с Китаем о сотрудничестве в ядерной области, из КНР были отозваны советские специалисты. С 1960 г. начала обостряться обстановка в районе советско-китайской границы, вплоть до возникновения вооруженных конфликтов. Имевшие место попытки урегулировать разногласия успехом не увенчались, закончились провалом переговоры двух партий в Москве в июле 1963 г.

В середине 1960-х гг. в КНР разразилась так называемая “культурная революция”, которая по оценкам, данным впоследствии самим китайским руководством, явилась “величайшим бедствием” для Китая, на десятилетия задержала развитие страны. В Китае развернулась острая внутривластная борьба, еще более конфликтный характер приняла политика КНР на международной арене.

На специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1974 г. Дэн Сяопином была выдвинута теория “трех миров”, определявшая в течение длительного времени направление внешнеполитического курса Пекина: “сверхдержавы” (США и СССР); западноевропейские страны и Япония (“второй мир”); страны Азии, Африки и Латинской Америки (“третий мир”). Согласно этой теории, страны “третьего мира” должны были, объединившись со “вторым миром”, развернуть борьбу против “гегемонизма сверхдержав”.

Сохранялось острое противостояние между Советским Союзом и Китаем. В марте 1969 г. (о. Даманский) и в августе 1969 г. (Жаланашколь) произошли крупномасштабные вооруженные конфликты в районе советско-китайской границы, повлекшие большие жертвы с обеих сторон. Обстановка несколько разрядилась после 11 сентября 1969 г., когда глава советского правительства А.Н. Косыгин по пути с похорон Хо Ши Мина встретился в пекинском аэропорту с премьером Чжоу Эньлаем. Возобновились пограничные переговоры, в Пекин прибыл советский посол В.С. Толстиков. Тем не менее, отношения двух стран в конце 1970-х — начале 1980-х гг. продолжали оставаться напряженными, китайское руководство призывало к созданию “широкого единого фронта” для “сдерживания советского экспансионизма”. В апреле 1979 г. китайская сторона уведомила о своем намерении не продлевать советско-китайский Договор от 14 февраля 1950 г. и, в соответствии с условиями Договора, с 11 апреля 1980 г. он утратил силу.

В условиях резкого ухудшения советско-китайских отношений США и их союзники совершили кардинальный поворот в своей политике в отношении КНР, взяв курс на “наведение мостов” с Пекином. 1970-е гг. были отмечены интенсивными переговорами между КНР и США в поисках формулы, позволявшей установить между ними прямые связи.

В июле 1971 г. в Пекин с секретным визитом прибыл госсекретарь США Г. Киссинджер. В октябре 1971 г. КНР была принята в ООН, западные страны, включая

Великобританию, Италию, ФРГ, одна за другой устанавливают дипотношения с Китаем (Франция сделала это еще в 1964 г.). В сентябре 1972 г. дипотношения с Пекином установила Япония, в КНР прибыл с визитом премьер-министр К. Танака.

21—28 февраля 1972 г. состоялся визит в КНР Р. Никсона, по итогам которого было опубликовано Шанхайское коммюнике от 28 февраля. Хотя в ходе двусторонних бесед с китайскими руководителями Никсон и Киссинджер согласились с тем, что существует один Китай, а Тайвань является его частью, для коммюнике американцами была выбрана достаточно двусмысленная формула, предоставлявшая США определенные возможности для маневра. “Американская сторона заявляет: все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива придерживаются того, что есть только один Китай, и что Тайвань является частью Китая. Правительство Соединенных Штатов не ставит под сомнение эту позицию. Оно подтверждает свою заинтересованность в мирном решении тайваньского вопроса самими китайцами. Принимая во внимание эту перспективу, оно подтверждает, что конечной целью является вывод всех американских сил и объектов с Тайваня”⁸.

Подписание Шанхайского коммюнике явилось важным компромиссом между США и КНР, открывшим дорогу к налаживанию связей между ними. Тем не менее, дипломатические отношения между США и КНР в тот период установлены не были.

В мае 1973 г. в Пекине была учреждена миссия связи США, аналогичная китайская миссия открылась в Вашингтоне. Обе миссии выполняли, по сути, роль квазипосольств, американскую миссию возглавил Дж. Буш-старший, будущий президент США.

Процесс нормализации американо-китайских отношений был завершён при президенте Дж. Картере, победившем на выборах 1976 года. В мае 1978 г. Пекин со специальной миссией посетил помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, который быстро нашел общий язык с тогдашним китайским руководством. Окончательные детали договоренностей между КНР и США выработались сторонами в глубокой тайне, а 15 декабря Картер в телевизионном обращении к нации зачитал текст совместного американо-китайского коммюнике об установлении с 1 января 1979 г. дипломатических отношений с КНР. В опубликованном 1 января американском заявлении указывалось, что США признают КНР в качестве единственного законного правительства Китая, содержалось обещание разорвать дипотношения с Китайской Республикой и выйти из договора с ней о взаимной обороне.

Шаги администрации были дополнены американским конгрессом, разработавшим, к сильнейшему недовольству Пекина, так называемый Закон об отношениях с Тайванем, вступивший в силу 10 апреля 1979 г. В законе содержались обязательства США развивать отношения, как с “народом Тайваня, так и с народом на материке Китая”, “снабжать Тайвань оружием оборонительного характера”. Указывалось, что “решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой базируется на ожидании, что будущее Тайваня будет определено мирным путем”. Особое значение имела формулировка: “считать любые попытки определить будущее Тайваня иными, чем мирными средствами, включая бойкот или эмбарго, как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана и как источник серьезного беспокойства для США”⁹.

Быстрыми темпами стали налаживаться политические, экономические и культурные связи между США и КНР, активно зондировались возможности военного сотрудничества между ними. В феврале 1979 г. состоялся визит в США Дэн Сяопина. Несмотря на исключительно теплый прием, оказанный китайскому лидеру, Пекин, однако, довольно скоро убедился, что США не намерены захо-

дить слишком далеко в своих отношениях с КНР, продавать Китаю необходимые ему виды вооружений, передавать современную технологию. США к тому же, несмотря на протесты КНР, продолжали и продолжают осуществлять крупные продажи оружия Тайваню (последним примером стало объявление 3 октября 2008 г. администрацией Дж. Буша — младшего — под занавес своего пребывания у власти — о продаже Тайбэю очередной партии оружия на сумму 6,5 млрд долл. США).

К началу 1980-х гг. во внутренней и внешней политике КНР стали происходить серьезные изменения в сторону прагматизма и реализма. Переломное значение для судеб Китая имел 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), взявший курс на стабилизацию обстановки в стране, проведение необходимых реформ, на модернизацию, для осуществления которой страна нуждалась в мирных внешних условиях. На первый план вышел известный тезис Дэн Сяопина о мире и развитии как главной тенденции современной эпохи.

Состоявшийся в сентябре 1982 г. XII съезд КПК закрепил три основополагающих принципа в политике КНР — “независимость, самостоятельность и опора на собственные силы”. Был подчеркнут отказ Пекина от установления союзнических отношений или стратегического сотрудничества с какой-либо из “сверхдержав”, курс на улучшение и развитие взаимовыгодных связей со всеми странами мира, включая СССР и США, на основе пяти принципов мирного сосуществования¹⁰.

Появились новые подходы и в отношении Пекина к Советскому Союзу. Исчез тезис о “едином фронте” КНР с Западом. Пекин стал проявлять интерес к нормализации отношений с СССР, развитию с ним взаимовыгодных связей.

Дальнейшим позитивным переменам во взаимоотношениях Советского Союза и Китая способствовал начавшийся в СССР процесс перестройки, выдвинутая политика нового мышления. Состоялся интенсивный обмен визитами министров иностранных дел, носившими исключительно продуктивный характер. Важнейшее значение имел визит в Китай в мае 1989 г. М.С. Горбачева, закрепивший поворот к нормализации в советско-китайских отношениях и заложивший прочную базу под взаимоотношения двух стран. При встрече с ним Дэн Сяопин произнес символическую фразу о необходимости для Китая и СССР “закрыть прошлое, открыть будущее”.

Со смешанными чувствами восприняли в КНР распад СССР, тяжелые для нашей страны 1990-е годы, постаравшись извлечь из этого важные для себя уроки. Китай не принял участия в организованном Западом “крестовом походе” против новой России в целях ее дальнейшего ослабления. Несмотря на некоторые шероховатости в отношениях сторон на первом этапе становления Российской Федерации, Россия и Китай твердо встали на путь взаимодействия и сотрудничества. В 1992 и 1996 гг. состоялись визиты в КНР президента Б.Н. Ельцина. В Совместной декларации от 25 апреля 1996 г. Россия и Китай провозгласили решимость “развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке”¹¹. Налаживание сотрудничества с Китаем явилось одним из важных факторов упрочения международных позиций России в сложный для нашей страны период.

К настоящему времени достаточно четко определились основные ориентиры и формы китайской внешней политики, видение Пекином современного мироустройства и места в нем КНР, сложилась целостная внешнеполитическая доктрина Китая.

В своей основе нынешний *внешнеполитический курс КНР* определяется линией руководства страны на построение мощного современного Китая, выступающего в качестве одного из ведущих центров мировой политики. Главной зада-

чей международного курса Пекина является обеспечение благоприятных внешних условий для осуществления политических и экономических преобразований.

Ключевое место во внешнеполитическом арсенале Китая заняли мирные декларации, выступления в пользу формирования справедливого и рационального миропорядка, осуждение гегемонизма, менталитета “холодной войны”, политики с позиции силы. Подчеркивается, что Китай будет стремиться играть конструктивную роль в мировых делах, “стимулировать развитие международного порядка в еще более справедливом и разумном направлении”¹².

В действиях КНР на международной арене возобладал реализм и подчеркнутый практицизм. Произошла заметная деидеологизация внешнеполитического курса Китая. Характерная черта политики Китая — ее многовекторность, линия на сотрудничество и партнерство со всеми странами, отказ от вступления в какие-либо военные блоки и объединения, направленные против третьих стран. Китай позиционирует себя в качестве независимого центра силы в международных отношениях.

Излагая на XVII съезде КПК основные принципы политики КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао выделил в качестве главного курса на независимость и самостоятельность, политику открытости, которая “будет все больше углубляться и расширяться”, линию на защиту мира во всем мире и содействие мирному развитию. “Мы будем по-прежнему принимать активное участие в многосторонних делах, нести соответствующие международные обязанности”, заявил китайский лидер. “Китай никогда не будет претендовать на гегемонию, никогда не будет заниматься экспансией”, “вмешиваться во внутренние дела других стран, навязывать им свою волю”, заверил он.

Являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, КНР стремится играть активную роль в этой организации, в других международных структурах, выступает со многими инициативами. Росту авторитета Китая способствовало успешное проведение в 2008 г. Олимпийских игр в Пекине. Заметно усилились позиции Китая во влиятельных региональных организациях, членом которых он является: АТЭС, АСЕАН, АРФ, ШОС и др.

Китай стремится принимать участие в наиболее важных встречах мировых лидеров, растет его внимание к “Группе восьми”. Китай регулярно подключается к деятельности “восьмерки” по различным направлениям. Важную роль играла китайская делегация во главе с Ху Цзиньтао на ноябрьском (2008 г.) и апрельском (2009 г.) саммитах “G-20”. Активные связи поддерживает Пекин со структурами ЕС, демонстрирует растущий интерес к развитию взаимодействия по линии Россия—Индия—Китай (РИК) и Бразилия—Россия—Индия—Китай (БРИК).

КНР все более уверенно выходит на позиции одной из главных мировых держав — как в силу своего экономического веса, так и проводимой ею взвешенной политики в международных делах, роста политического влияния, конструктивной линии в решении региональных и глобальных проблем.

За последние десятилетия резко возросла экономическая мощь КНР. Нынешний Китай располагает сопоставимым с США, ЕС, Японией экономическим потенциалом. КНР — крупнейший центр приложения зарубежных капиталовложений: за годы реформ в Китай были привлечены свыше 700 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. Из года в год растет ВВП КНР. В 2008 г. его объем достиг 30,1 трлн юаней (4,42 трлн долл. США)¹³, что позволило Китаю выйти на третье место в мире после США и Японии. 2,56 трлн долл. составил в 2008 г. объем китайской внешней торговли, 2 трлн долл. достигли золотовалютные резервы КНР, удерживающей по этому показателю первое место в мире.

Достаточную устойчивость своей хозяйственной системы продемонстрировал Китай в условиях охватившего мир серьезного финансово-экономического кризиса. Накопленные резервы позволяют стране преодолевать связанные с ним трудности с относительно меньшими потерями. Принята масштабная антикризисная программа, согласно разработанному Госсоветом КНР плану на поддержку китайской экономики на период до 2010 г. выделено 586 млрд долл. США. В целом, несмотря на кризис, в 2009 г. по официальным китайским оценкам ожидается рост ВВП КНР на 8%¹⁴. В то же время не следует недооценивать серьезные проблемы, стоящие перед китайской экономикой: необходимость дальнейших структурных преобразований, истощение земельных ресурсов, серьезнейшие экологические проблемы, растущая безработица, которая может привести к масштабным социальным волнениям.

Неуклонно растет *военный потенциал Китая*. Осуществляется последовательный курс на создание современных вооруженных сил, оснащенных высококачественным оружием, выход китайских ВМС в мировой океан, на укрепление ракетно-ядерного потенциала с тем, чтобы постепенно достигнуть сопоставимого уровня с ракетно-ядерными силами США и России. По китайским данным, сумма военных расходов Китая увеличилась в 2008 г. на 17% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года и составила 58,7 млрд долл. США¹⁵. Между тем, по мнению американских экспертов, реальный военный бюджет КНР в 2008 г. мог составлять от 97 до 139 млрд долл. США¹⁶. Причем, как подчеркивалось в докладе Пентагона “Военная мощь Китая — 2008 г.”, одним из главных факторов быстрого роста военного потенциала КНР является военно-техническое сотрудничество с Россией.

Представляет интерес анализ *современных внешнеполитических концепций Китая*.

Согласно последним публикациям китайских специалистов по вопросам международной политики, современный мир переживает период глубоких перемен, результатом которых станет изменение нынешней западно-центричной модели мира, формирование более справедливого, демократичного миропорядка, где существенно увеличится роль развивающихся стран, еще больше укрепятся позиции КНР. Отмечается, что попытки США установить в период после окончания “холодной войны” свое безраздельное господство в мире, не увенчались успехом. Сильнейший удар по планам США нанес провал военной операции в Ираке, главная цель которой заключалась в установлении американского контроля над ближневосточным регионом с его запасами нефти. Американские позиции оказались серьезно подорванными и в результате разразившегося мирового финансово-экономического кризиса, вина за возникновение которого, как подчеркивается, в значительной степени лежит на самих США. Усилились противоречия Вашингтона не только с основными противодействующими ему силами на мировой арене — Россией, Ираном, исламским миром, в известной степени Китаем, но даже с ближайшими союзниками США по НАТО. Стало очевидным, что никакая, даже самая сильная страна, каковой являются Соединенные Штаты, не в состоянии в одиночку справиться с решением нарастающих в мире серьезных проблем.

В качестве одной из главных тенденций современной международной обстановки китайские политологи указывают на неуклонный рост в мире влияния и авторитета так называемых “быстро растущих” (синьсин) государств — Китая, России, Индии, Бразилии, Мексики, Южной Африки и др. Ближайшая задача состоит в перестройке нынешней несправедливой международной системы. При этом подчеркивается, что упомянутые цели должны быть достигнуты путем налаживания конструктивного сотрудничества между всеми странами мирового сообщества.

В то время как китайское руководство предпочитает открыто не говорить о планах *выхода КНР на позиции глобального лидерства*, многие китайские политологи уже давно откровенно выдвигают эту задачу в своих работах, подчеркивая, что Китаю следует переходить к более активной дипломатии, взять на себя ведущую роль в выработке более совершенной модели мироустройства. В ряде материалов американских и других западных политологов активно проводится мысль о том, что КНР — «следующая сверхдержава», и XXI век будет определяться борьбой между двумя гигантами — США и КНР.

Одной из главных программных установок Китая является выдвинутая в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК идея «создания гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием», которая подается как в глобальном, так и в региональных аспектах.

В то же время китайскими лидерами больше не упоминается *концепция «мирного возвышения» КНР*, воспринимавшаяся многими зарубежными наблюдателями как подтверждение претензий Китая на завоевание лидирующих позиций в мировых делах.

На смену ей пришли идеи «*мягкой силы*», стремление продемонстрировать миру нынешний конструктивный и ненасильственный характер китайской внешней политики, создать привлекательный образ Китая. В этой связи представляют интерес все чаще появляющиеся высказывания об особой *цивилизационной миссии* Китая и других азиатских стран в противовес морально-нравственным принципам Запада. В последнее время в мире активно культивируются идеи конфуцианства в результате создания во многих странах так называемых «институтов Конфуция».

Следует отметить, что нынешняя модель развития Китая (достижение значительных успехов в развитии страны при сохранении независимой линии, сочетание жесткого государственного контроля с рыночной экономикой, прогресс и существенное повышение уровня жизни населения в крупных китайских городах и, особенно, в прибрежных районах КНР) становится все более привлекательной для многих стран, причем не только «третьего мира».

Произошла дальнейшая эволюция подходов КНР к вопросу о *многополярности*. Китай и раньше решительно выступал против попыток какой-либо из держав установить свое единоличное господство в мире. В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК в этом вопросе была окончательно поставлена точка — заявлено о «необратимости» тенденции к многополярному миру. Как считают в Пекине, формирование равноправных отношений между крупнейшими мировыми державами, установление многополюсности будут способствовать оздоровлению обстановки в мире, упрочению международной стабильности и безопасности.

Китай рассматривает процессы *глобализации* как объективную реальность современного мира. Необходимо участвовать в этих процессах и максимально использовать создаваемые глобализацией преимущества, достижения научно-технической революции (решающими в определении мощи страны становятся экономика, наука и техника). В китайских документах особо подчеркивается значение экономической глобализации, поскольку именно экономические связи с внешним миром, приход в КНР ТНК и массированных инвестиций извне, использование передовых научных разработок и технологий способствовали совершенствованию Китая резкого рывка в сфере экономики.

В основе подхода Китая к проблемам *демократии и обеспечения прав человека* лежат идеи плюрализма общественно-политических систем, необходимость учета национальных особенностей того или иного государства. Имеющиеся

в этом вопросе разногласия, как считают в Пекине, должны решаться путем диалога и консультаций. Не уходя от обсуждения политических аспектов прав человека, в Китае придают первостепенное значение социально-экономической стороне вопроса, обеспечению элементарных условий для жизни людей.

Характерно, что Китай не только дает решительный отпор нападкам на него в вопросе прав человека, но и занимает здесь наступательную позицию, примером чего является регулярно публикуемый в КНР доклад "О ситуации с правами человека в США", где приводятся многочисленные факты неблагоприятного положения в этой сфере в Соединенных Штатах.

Резкой критике подвергаются иницилируемые Западом так называемые "цветные революции", трактуемые как прямое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, попытки насадить угодные Западу и контролируемые им режимы.

Активную позицию занимает Китай в вопросах обеспечения международной безопасности. Упор в китайских заявлениях делается на то, что безопасность должна достигаться мирными средствами, путем диалога и объединения усилий всех государств.

КНР решительно настроена на противодействие новым вызовам и угрозам, осуждает терроризм во всех его формах и проявлениях, поддержала контртеррористическую операцию в Афганистане. Пекин ведет последовательную борьбу против так называемых "трех зол" — терроризма, экстремизма, сепаратизма, выступает за сохранение территориальной целостности государств. В немалой степени твердая позиция КНР в этих вопросах объясняется наличием у нее собственных сложных проблем с отдельными частями своей территории — Тайванем, Синьцзяном, Тибетом. При этом Китай не исключает возможности применения военной силы в случае возникновения угрозы для его территориальной целостности (соответствующие заявления по Тайваню, демонстрация военной силы в вопросе о принадлежности о. Сэнкаку, архипелагов в Южно-Китайском море).

КНР прошла через сложный период в тайваньском вопросе, связанный с пребыванием у власти Демократической прогрессивной партии Тайваня с ее планами провозглашения независимости острова. В марте 2005 г. в КНР был принят Закон "О предотвращении распада государства", в котором были зафиксированы жесткие параметры китайской позиции по Тайваню. С избранием, однако, в марте 2008 г. тайваньским президентом кандидата от Гоминьдана Ма Инцзю возобновился диалог между двумя сторонами Тайваньского пролива. Заключен ряд соглашений, значительно расширяющих сферы сотрудничества между Пекином и Тайбэем. В результате заметно спала напряженность в ситуации вокруг Тайваня, возросли надежды на мирное урегулирование тайваньской проблемы.

Ведущую роль в обеспечении мира и международной безопасности Китай отводит ООН. Он весьма осторожно подходит к реформе Организации, Совета Безопасности ООН, к вопросу о новых государствах — его постоянных членах.

Большое значение придается урегулированию ситуации в "горячих точках" и так называемых проблемных регионах (Афганистан, Корейский полуостров, ближневосточный регион, Иран, Косово, Судан, Зимбабве и др.), борьбе с наркобизнесом, пиратством. Китайская сторона стала проявлять больше готовности принять участие в урегулировании этих проблем, исходя из того, что они представляют серьезную угрозу международной безопасности и стабильности. Вместе с тем, КНР проводит собственную линию в этих вопросах, выступает против попыток Запада решать проблемы на его условиях и в его интересах. Указывается также на необходимость учиты-

вать социально-экономические аспекты, порождающие терроризм и экстремизм — серьезное неравенство в мире, чрезмерное богатство одних стран и углубляющаяся бедность других, что является одним из главных источников нестабильности.

Не уходит Пекин и от обсуждения проблем *разоружения и контроля над вооружениями*, поддерживает усилия по предотвращению распространения ядерного оружия и оружия массового уничтожения, по созданию безъядерных зон в различных районах мира. Что касается ядерного разоружения, то КНР, очевидно, пока не готова брать на себя какие-либо обязательства в этой сфере, добиваясь сокращения ядерных потенциалов в первую очередь США и России. Хотя Китай не ратифицировал Договор о запрещении ядерных испытаний, однако с 1995 г. соблюдает мораторий на такие испытания. Активно выступает Китай против размещения оружия в космосе, за сохранение его мирного статуса. Пекин выступает против развертывания Соединенными Штатами систем ПРО как в Европе, так и в АТР, рассматривая их в качестве непосредственной угрозы Китаю.

Используя свои достаточно тесные связи с Пхеньяном, КНР вносит немалый вклад в усилия по достижению договоренностей в рамках шестисторонних переговоров по *ядерной проблеме Корейского полуострова*, способствует достижению урегулирования на Корейском полуострове, созданию там безъядерной зоны. Немалое беспокойство испытывают в Пекине в связи с последними действиями КНДР по развитию своего ракетно-ядерного потенциала.

В своих *внешнеполитических приоритетах* Китай исходит, прежде всего, из прагматических интересов, линии на укрепление международных позиций КНР. Упор делается на отношения с ведущими мировыми державами — США, Россией, странами ЕС, Японией, Индией.

На первый план Пекин выносит взаимоотношения с *США и Западом*, которые, как отмечается, несмотря на переживаемые ими проблемы и трудности, продолжают оставаться в политическом, экономическом и военном отношении доминирующей силой в мире, являются главными торгово-экономическими партнерами КНР (в 2008 г. объем торговли Китая с США составил 333,7 млрд долл., со странами ЕС — 425,6 млрд долл., с Японией — 266,8 млрд долл.)¹⁷.

Ставится задача углублять стратегическое партнерство с США, используя открывающиеся возможности в связи с приходом в Белый дом новой, более прагматично настроенной администрации Б. Обамы. Проявляется готовность взаимодействовать с Вашингтоном в решении важнейших международных проблем.

В то же время в условиях, когда КНР продолжает подвергаться нападкам и давлению со стороны Запада, постоянно осуществляется вмешательство во внутренние дела Китая под предлогом защиты прав человека, Пекин дает твердый отпор этой линии, активно защищает свои суверенные права и национальное достоинство. Не поддается Китай и на посулы США относительно реализации идеи об установлении в международных делах “дуумвирата” США—КНР, продолжая придерживаться линии на независимость и самостоятельность и не желая играть роль “ведомого” в предлагаемой американско-китайской конструкции. Сильнейшим раздражителем остается тайваньский вопрос, хотя США решительно пресекали действия Тайбэя в направлении провозглашения независимости. В связи с огромным негативным сальдо США в торговле с Китаем и продолжающимся давлением на КНР по ряду направлений финансовой сферы, в частности, в вопросе ревальвации юаня, либерализации банковской системы Китая и пр. усиливаются американско-китайские торгово-экономические трения.

В целом в Китае не питают иллюзий относительно США, исходят из того, что Вашингтон, рассматривая Китай в качестве своего основного соперника в будущей борьбе за влияние в мире, будет и дальше проводить политику сдерживания КНР.

В качестве стратегических рассматривает Пекин свои отношения с *Европейским Союзом*. Не имея существенных противоречий с ЕС, Китай форсирует расширение с ним торгово-экономических связей, особенно в передовых и наукоемких отраслях, воспринимает это мощное объединение как один из ключевых полюсов современного мира.

Особое значение придает Китай дальнейшему упрочению и развитию своих отношений с *Россией*, что, помимо прочих моментов, рассматривается в качестве важного фактора, укрепляющего китайские позиции в противоборстве с США и Западом.

В результате последовательной линии руководства двух стран к началу XXI в. устранены практически все серьезные раздражители в российско-китайских отношениях. Снят вопрос о взаимной военной угрозе, долгие годы омрачавший советско-китайские отношения. Полностью урегулирована наиболее острая и чувствительная в отношениях с Китаем пограничная проблема. Последнюю точку в этом вопросе поставило вступление в силу 14 октября 2008 г. Дополнительного протокола-описания российско-китайской границы на ее восточном участке.

Исторической вехой в отношениях двух стран явился Договор о добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный главами России и Китая в Москве 16 июля 2001 г. Статья 10 Договора определяет отношения между Россией и Китаем как "равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие"¹⁸. Документ закрепляет достигнутый уровень российско-китайских отношений и создает прочную правовую базу для их дальнейшего развития во всех сферах.

Россия и Китай занимают во многом совпадающие позиции по основным международным вопросам, у них имеются обширные зоны общих интересов, как, например, Центральная Азия. Намечился поворот к широкому развитию экономических связей в различных областях, что подведет более прочную базу под отношения сторон (в этом плане особенно показательны итоги визита в Россию председателя КНР Ху Цзиньтао в июне 2009 г.).

В Китае в целом с пониманием отнеслись к российским действиям в связи с российско-грузинским конфликтом, отметив, что Россия была вынуждена ответить на планомерное расширение и давление со стороны НАТО. В Совместном российско-китайском заявлении по итогам визита Ху Цзиньтао в Москву выражена "поддержка усилиям России по сохранению мира и стабильности на Кавказе".

Китай проводит линию на поддержание дружественных отношений и с другими *странами СНГ*. Особенно продвинулись отношения КНР с Казахстаном (построен нефтепровод в Китай, планируются его вторая ветка, осуществляется сотрудничество по развитию железнодорожной сети и др.). В ходе апрельского (2009 г.) визита в КНР президента Н. Назарбаева был заключен договор о выделении Астане кредита на 10 млрд долл. При этом Пекин стремится держаться в стороне от так называемых "замороженных конфликтов" в странах СНГ, выступая за их урегулирование мирными средствами.

КНР явилась одним из соучредителей *Шанхайской организации сотрудничества*, придает ей большое значение, принимает конструктивное участие в работе ШОС. Россия и Китай активно взаимодействуют между собой в вопросах

укрепления ее практического потенциала. Пекин выступает против расширения присутствия в Центральной Азии США и других западных держав.

Важное значение придает КНР развитию отношений со своими ближайшими соседями, созданию вокруг Китая своего рода *пояса безопасности*.

Пекин повел курс на нормализацию отношений с *Токио*. Возобновились обмены визитами на высоком уровне, снизилась острота вопросов исторического наследия в отношениях двух стран. Расширяются торгово-экономические связи. В то же время по-прежнему вызывают трения проблемы ремилитаризации Японии, рост военных расходов КНР, шаги по дальнейшему укреплению японо-американского военного альянса, периодически обостряются противоречия сторон в Восточно-Китайском море, не ослабевает соперничество за влияние в АТР.

Большое значение придается укреплению сотрудничества в рамках треугольника КНР, Япония, Южная Корея. Ряд китайских специалистов выступает за создание в Северо-Восточной Азии специального механизма для обсуждения проблем региона с участием всех заинтересованных стран.

В усилиях по закреплению своих позиций в АТР и ЮВА Пекин стремится наладить тесное взаимодействие с АТЭС, АСЕАН, повысить свою роль в этих организациях. В качестве важного органа для обсуждения проблем безопасности в районе в КНР рассматривают Региональный форум АСЕАН (АРФ). Налаживается практическое сотрудничество в формате АСЕАН+1 (Китай) и АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея). КНР принимает активное участие в создании в регионе зоны свободной торговли.

Рассматривая АТЭС в качестве наиболее перспективного механизма экономической интеграции в общерегиональном масштабе, Китай ведет линию на налаживание торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между странами АТР на многосторонней основе, поддерживает шаги по дальнейшей либерализации торговли в регионе.

Растущее внимание китайская дипломатия уделяет *Южной Азии*. В целом подходы Китая к Южной Азии стали более сбалансированными, на первый план выдвигаются задачи обеспечения региональной стабильности и безопасности, КНР выступает за скорейшее снятие напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном, за мирное урегулирование кашмирской проблемы.

Заметным прогрессом характеризуются связи Китая с *Индией*, с которой установлены отношения стратегического партнерства. Ведется активный диалог по международным вопросам, расширяется двустороннее торгово-экономическое сотрудничество (торговля двух стран превысила в 2008 г. 50 млрд долл.). В то же время в Пекине не остались незамеченными предпринимаемые Вашингтоном шаги по сближению с Индией (расширение взаимодействия Индии с «Сиднейской тройкой» — США, Японией, Австралией, заключенное недавно американо-индийское соглашение по ядерному сотрудничеству, в соответствии с которым США будут поставлять Индии ядерное топливо и компоненты атомных реакторов).

В условиях усиливающихся процессов глобализации важным направлением политики Китая становится развитие связей со *странами Африки и Латинской Америки*. При этом первостепенное отношение для КНР приобретают экономические аспекты этих связей, обеспечение новых рынков для китайских товаров, получение доступа к сырьевым ресурсам. Усилия КНР в этих регионах идут в русле общей линии Пекина на повышение значимости развивающихся стран в мировых делах.

В условиях нынешней непростой геополитической ситуации дальнейшее укрепление отношений с Китаем приобретает для нашей страны особое значение. Сосредоточившись на решении задач ускоренной модернизации и развития, Россия и Китай нуждаются в мирном и добрососедском окружении, их конструктивное взаимодействие является одной из несущих опор нынешнего многополярного мира, важнейшим фактором международной стабильности и безопасности.

Расширению сотрудничества между Россией и Китаем способствуют такие благоприятные факторы, как географическая близость и взаимодополняемость экономик, накопленная солидная договорно-правовая база отношений, крепнущие взаимные симпатии народов обеих стран друг к другу, несмотря на все превратности в развитии отношений между ними в разные периоды, общая заинтересованность в построении справедливого и стабильного миропорядка.

1. Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950. С. 31.
2. Там же. С. 66.
3. Известия. 1950. 15 февр.
4. Советско-китайские отношения, 1917—1957.: Сб. документов. М., 1959.
5. www.taiwandocuments.org.
6. Материалы VIII съезда КПК. М., 1956.
7. Правда. 1955. 20 апр.
8. The President's Trip to China. A Bantam Book, March 1972. Правда. 1955. 20 апр.
- 9 www.taiwandocuments.org/tra.
10. XII Всекитайский съезд КПК (Документы). Пекин., 1982.
11. Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М. 1999. С. 333.
12. Доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК. — www.russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_22.htm.
13. Доклад премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао 5 марта 2008 года. на 2-ой сессии ВСНП 11-го созыва. — www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-03/05/content_830402.htm.
14. Доклад Вэнь Цзябао на мартовской сессии ВСНП. www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-03/05/content_830402.htm.
15. Коммерсант. 2008. 5 марта.
16. Там же.
17. www.china daily.com.cn/bizchina/2009-02/06/content_7452850.htm.
18. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007. М., 2007. С. 146.

Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949—1960 гг.)

© 2009

А. Верченко

Своевременная помощь СССР и советских специалистов, которые в 1950-е гг. работали практически во всех отраслях народного хозяйства КНР, помогла Китаю совершить стремительный рывок в модернизации. В условиях послевоенной разрухи и международной изоляции страна благодаря этому сумела создать систему управления народным хозяйством, заложить основы современной промышленности, подготовить квалифицированные национальные кадры.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, советские специалисты, советская помощь, народное хозяйство КНР, модернизация промышленности

После провозглашения КНР перед страной встала задача восстановления разрушенного народного хозяйства, критическое положение в котором невозможно было исправить собственными силами. До освобождения в Китае работали специалисты из Англии, США, Франции, Японии. Их техническое содействие было сопряжено с большими материальными затратами, которых Китай в сложившейся к 1949 г. ситуации не мог себе позволить. Было решено ориентироваться на социалистический лагерь, страны которого, в первую очередь СССР, предложили Китаю помощь, в том числе специалистами, в необходимых объемах, на должном уровне и на льготных условиях. И.В. Сталин с вниманием относился к просьбам КПК о направлении специалистов.

Еще до провозглашения КНР в Маньчжурию было направлено по просьбе КПК почти 600 советских специалистов¹. Они помогали в преодолении разрухи. Около каждого советского специалиста собиралось по десятеро китайцев. На первых порах приходилось многократно показывать им, как выполнять самые простые операции. Работали и учились одновременно². В июне-июле 1948 г. группа инженеров и техников неоднократно выезжала на линию фронта, чтобы ускорить восстановление железной дороги, поскольку руководство КПК готовилось к Ляошэньской операции (12 сентября — 12 ноября 1948 г.)³. Несомненно, помощь советских специалистов в восстановлении инфраструктуры Маньчжурии сыграла важную роль в успешном проведении НОАК трех главных военных операций 1948—1949 гг.

В 1947—1949 г. советские медики помогли остановить эпидемию чумы, предотвратив гибель десятков тысяч людей на территории Северо-Востока, а затем — в провинции Чахар⁴. В Китае для этого не хватило бы ни специалистов, ни вакцины.

И.В. Ковалев* вспоминал, что на банкете в Москве в 1950 г. от имени Мао Цзэдуна было оглашено решение Советского правительства о предоставлении КНР крупного займа и о скорейшем направлении в Китай советских специалистов в количестве, необходимом для восстановления народного хозяйства⁵.

В 1949—1960 гг., в Китае работало, по отечественным оценкам, от 9 до 15 тыс. специалистов и советников. Некоторые китайские ученые считают, что с учетом военных советников число специалистов могло превысить 20 тыс. чел.⁶

Советники были консультантами в министерствах, ведомствах, в системе Академии наук. Специалисты оказывали помощь в выполнении конкретной работы. Во второй половине 1958 г. должность “советник” была упразднена.

В течение восьми лет руководство советскими специалистами осуществлял И.В. Архипов, направленный в Китай в качестве советника по экономическим вопросам Государственного административного совета КНР и главы группы советских специалистов. Его личные контакты с Чжоу Эньлаем, Ли Фучунем, Чэнь Юнем, Яо Илинем, Бо Ибо, Ли Сяньнянем и другими руководителями Китая способствовали совершенствованию работы, помогали решать возникавшие проблемы.

В расширительном толковании экономическое, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество осуществлялось на основе Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. и принципов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Хотя Китай не был членом СЭВ, на него распространялись все льготы, предусмотренные для стран-членов. Так, СССР предоставлял КНР техническую документацию, информационные материалы и литературу для библиотек на безвозмездной основе. За десять с небольшим лет было передано около 24 тыс. комплектов проектной и технической документации⁷. Китайский историк Чэнь Си характеризует это как “самый крупный и самый всесторонний трансфер технологий, не имеющий аналогов в современной истории”⁸.

Численность советских специалистов была особенно велика в период первой пятилетки (1953—1957 гг.). На начальном этапе около половины из них значились как советники-консультанты, в последующие пять лет они помогали строить и реконструировать 156 предприятий, сооружаемых с помощью СССР, а также налаживать их работу. Всего же с советской помощью за все время было построено и реконструировано свыше 300 гражданских и военных объектов. По рекомендациям советских специалистов расширялась география размещения производственных мощностей, сооружавшихся не только в старых приморских промышленных зонах, но и во внутреннем Китае. Поначалу, когда Китай особенно остро ощущал нехватку технических кадров, советские специалисты даже помогали составлять списки необходимых для восстановления страны товаров⁹.

В 1950-е гг. в Китае не было отрасли, где бы не работали советские специалисты: прежде всего, в черной и цветной металлургии, угледобыче, энергетике, в химической, нефтяной, машиностроительной, электротехнической отраслях

---

* И.В. Ковалев — до 1950 г. руководитель группы советских специалистов, представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК.

промышленности — на тех направлениях, что были определены в Китае как приоритетные. Число специалистов, командированных на работу в ту или иную отрасль, изменялось в соответствии с потребностями китайской стороны.

Оказавшись в незнакомой обстановке, в специфических китайских условиях, советские специалисты подчас сталкивались с непредвиденными проблемами социокультурного, производственного и бытового характера, требовавшими самостоятельного оперативного решения. Случалось, что заявки китайской стороны относительно специалистов не выполнялись или оставались без ответа, бывало, что специалисты приезжали не вовремя или не соответствовали заявленной специальности (в этом случае их немедленно откомандировывали на родину). Иные из специалистов не знали характера предстоящей работы, не были ознакомлены с отчетами вернувшихся из командировки коллег-предшественников. С другой стороны, имели место случаи, когда из-за нечеткой организации труда или неподготовленности китайской стороны снижалась эффективность работы специалистов. Возникали споры по производственным вопросам, вставала проблема перевода. При всем том, взаимодействие специалистов двух стран на рабочем уровне оставалось, независимо от изменчивых нюансов в партийно-государственных отношениях, результативным и эффективным. И вплоть до отзыва всех советских специалистов летом 1960 г. неизменно оценивалось в Китае высоко.

Специалисты помогали овладевать современными методами работы и управления производством, осваивать выпуск новых видов продукции, совершенствовать работу старых предприятий. Так, в течение 1949—1952 гг. на Китайской Чанчуньской железной дороге (31 декабря 1952 г. безвозмездно переданной Китаю) работало более 1000 советских специалистов, которые подготовили почти 20 тыс. квалифицированных рабочих и руководящих работников для железнодорожного транспорта, отладили работу дороги, превратив ее в образцовое предприятие. Уже в 1953 г. резко возрос коэффициент использования доменных и мартеновских печей на Аньшаньском металлургическом комбинате. Увеличилась добыча угля. Изучив возможности использования железной руды и угля в районе Аньшаня, советские инженеры обосновали возможность и целесообразность восстановления металлургического комбината, почти полностью разрушенного японской оккупацией и гражданской войной, обеспечили строительство новых цехов. Разработанные советскими специалистами проекты продлили срок эксплуатации ряда шахт на 20—40 лет.

При строительстве новых предприятий советские специалисты помогали в выборе места, сборе основных проектировочных материалов, составлении проектного задания, проектировании, строительстве, монтаже и пуске оборудования. Одновременно проходило обучение китайского персонала — от главных инженеров и начальников цехов до квалифицированных рабочих¹⁰.

За первую пятилетку с помощью СССР было построено и реконструировано 7 металлургических комбинатов, 11 объектов цветной металлургии. Строительство металлургических комбинатов в Ухане и Баотоу в разы увеличило выпуск стали и проката.

Успешно справлялись советские специалисты с решением сложных задач, связанных с борьбой против извечного врага — наводнений.

Предложения советского специалиста Букова* легли в основу проекта, разработанного китайским Комитетом по строительству на реке Хуайхэ: шпунтовые сваи при сооружении плотины в Жуньхэцзи (главного сооружения, необходимого для обуздания реки) были заменены плитами из железобетона, что сэкономило время и металл, которого в Китае тогда не хватало. Созданную для защиты плотины насыпь строители назвали “дамбой Букова”. Рабочие одного из предприятий Тяньцзиня написали пьесу о советском инженерере и поставили ее силами самодеятельности. Использование советских строительных методов при сооружении Цзинцзянской плотины на Янцзы позволило выполнить за 75 дней работу, рассчитанную на несколько лет.

Советские специалисты участвовали в сооружении 19 и реконструкции 6 гидро- и теплоэлектростанций. Всего за один год была построена Фусиньская ТЭС. Советские инженеры подготовили всю проектную документацию, применяя передовые методы сборки агрегатов, сварки котлов и др., сократили время монтажа наполовину, внедрив за время строительства 89 рационализаторских предложений¹¹.

Фэнманьская ГЭС на реке Сунгари, заложенная японцами в 1937 г., из-за ошибок в проекте не могла работать на полную мощность, плотина и дамба постоянно находились под угрозой прорыва. После реконструкции под руководством советских специалистов она вышла на полную мощность, стала обеспечивать энергией многие промышленные предприятия Северо-Востока, сыграла важную роль в орошении пахотных земель и регулировании водных потоков во время наводнений¹². Кстати, главным инженером Фэнманьской ГЭС довелось работать Ли Пэну, который с отличием окончил Московский энергетический институт.

Советские специалисты оказали помощь в строительстве и расширении машиностроительных и приборостроительных заводов (24 объекта), в создании ряда отраслей промышленности, которых ранее в Китае не было: автомобилестроения, тракторостроения, производства шарикоподшипников, плавильных печей, прокатных станов, электромоторов и др. В 1954 г. КНР провела испытания первого отечественного самолета, наладила выпуск собственных тракторов. Чанчуньский автомобильный завод начал в 1956 г. выпуск отечественных грузовиков “Цзефан” (“Освобождение”). В сооружении этого завода-первенца, освоении оборудования и подготовке кадров участвовали советские специалисты, включая группу инженеров, техников и рабочих московского завода имени И.А. Лихачева (ЗИЛ).

Советские специалисты помогли быстро восстановить Пекин-Ханькоускую и Гуанчжоу-Ханькоускую железные дороги, построить новые ветки Чэнду—Чунцин, Тяньшуй—Чэнду, Тяньшуй—Ланьчжоу и др. Были использованы предложенные советскими специалистами новые технологии мостостроения, укладки путей и пробивки туннелей в гористой местности. Прокладка в рекордно короткие сроки железной дороги от Чунцина до Ланьчжоу позволила соединить Юго-Запад и Северо-Запад Китая с его центральными областями. Для ускорения строительства советские специалисты предложили построить рядом завод железобетонных конструкций, что позволило не возить балки и трубы из других районов.

---

* Инициалы некоторые советских специалистов установить не удалось, так как фамилии взяты из китайских источников на русском языке, где инициалы отсутствуют. — *Прим. автора.*

Исходя из местных китайских условий, советские инженеры неоднократно выдвигали наиболее рациональные методы решения производственных задач, внедряли узлы, позволявшие совмещать китайское оборудование с советским, чтобы не ввозить его из СССР и сократить расходы, стремились использовать самые простые, дешевые и доступные материалы.

Мостостроитель К.С. Силин, проведя испытания на прочность, предложил строить все небольшие мосты на железной дороге Чэнду-Чунцин из камня, а не из дефицитного металла. В 1953 г., когда составлялся проект сооружения моста через Янцзы около Уханя, он выступил с новыми смелыми предложениями, ранее не опробованными в СССР. Природные и погодные условия не позволяли использовать старый кессонный метод. Новаторство К.С. Силина на целый год ускорило и значительно удешевило процесс строительства. В результате был сооружен двухъярусный мост длиной 1670 метров через самую могучую реку Китая. Изображение Большого Уханьского моста украсило памятники на его могиле на московском Калитниковском кладбище... В практике отечественного мостостроения бескессонный способ строительства впервые был применен только в 1959 г. при сооружении Саратовского автомобильного моста.

Ценное новаторское предложение по мостостроению внес инженер Зингоренко на реконструкции моста через Хуанхэ на Пекин-Ханькоуской железной дороге. По мнению английских и американских экспертов, этот мост, построенный в начале XX в. и рассчитанный на эксплуатацию в течение 15 лет, подлежал демонтажу. В этом случае прерывалось движение по одной из важнейших магистралей Китая. Однако благодаря проекту Зингоренко, мост был восстановлен за три года. Если по первоначальному проекту скорость движения не должна была превышать 15 км/час, а фактически составляла 5 км/час, то по обновленному мосту поезда шли со скоростью 60 км/час. Пропускная способность моста увеличилась в 10 раз.

К концу первой пятилетки было завершено и пущено в эксплуатацию 150 объектов¹³, которые стали основой современной промышленности Китая. Кроме того, с советской помощью за тот же период было построено и реконструировано 43 объекта, связанных с военной промышленностью¹⁴.

Советские специалисты работали также в финансовой области, сфере денежного обращения, в торговле и кооперации, системе планирования и статистики, в сельском и лесном хозяйстве. Они помогли улучшить систему земледелия и обработки почвы, предложенные ими методы сева подняли урожайность некоторых культур (например, хлопка) на 50—100%. Передовые способы рубки леса повысили эффективность использования лесных массивов.

Если на первых порах определялись лишь общие направления работы и требующиеся Китаю специальности, то позже по получаемым из СССР книгам, материалам и отчетам побывавших в Советском Союзе делегаций китайская сторона стала лучше ориентироваться в состоянии науки и техники “старшего брата”, ознакомились с именами известных ученых и специалистов, стала приглашать их персонально. Так, доктор технических наук Е.В. Болдаков лично получил приглашение — помочь в создании единых комплексных норм и инструкций для министерств коммуникаций и железных дорог¹⁵.

Большую работу проделали ученые Академии наук СССР. Советниками при Академии наук Китая работали член-корреспондент АН СССР В.А. Ковда, доктора наук Б.Р. Лазаренко, Г.П. Сердюченко, кандидаты наук А.Т. Суслов, И.Н.

Калечиц и др.¹⁶. С 1954 г. при АН Китая постоянно работали 20 советников и консультантов¹⁷. По данным Академии наук Китая, с 1951 г. по 1959 г. по линии Академии наук СССР в Китае работало 786 чел., из которых не менее 1/10 — выдающиеся ученые, академики или члены-корреспонденты, с помощью которых было создано более 40 научных центров.

Авторитетные советские ученые приезжали как в длительные, так и в краткосрочные командировки. Они помогали в организации науки, составлении научных планов, участвовали в совместных научных работах, в экспедициях по изучению природных ресурсов Китая, его флоры и фауны, в составлении карт, разведке полезных ископаемых, исследовании морских и пресных вод и их обитателей. Поскольку до 1949 г. китайцы почти совсем не занимались геологоразведочными работами, помощь советских геологов оказалась чрезвычайно ценной. Проведенные изыскания помогли установить запасы ряда ценных полезных ископаемых, ранее мало разведанных или оцененных неверно (нефть, уголь, редкие металлы). Советские ученые помогали там, где китайские коллеги не могли справиться самостоятельно. Так, совместная экспедиция изучала проблему борьбы с эрозией почв в среднем течении реки Хуанхэ, в провинциях Шаньси, Хэнань, Шэньси, Ганьсу и Внутренней Монголии. В комплексной Синьцзянской экспедиции, например, трудились ведущие ученые из Института географии, из Института ботаники и Почвенного института АН СССР, Ботанического сада¹⁸. Была организована Совместная советско-китайская экспедиция по Амуру. Советские специалисты делились с китайскими коллегами опытом проведения полевых исследований, работы с советскими научными приборами, оборудованием и снаряжением, помогали организовывать опытные станции. Некоторые научные достижения стали использоваться в Китае еще до их внедрения в СССР.

Советские ученые помогли разработать 12-летний план развития китайской науки (1956—1967 гг.). В СССР к подготовке плана подключилось около 600 ученых из 500 научных учреждений, группа специалистов выезжала в КНР.

Большую помощь оказала посетившая Китай в 1955 г. делегация во главе с академиком И.П. Бардиным. В нее входили известные ученые — академики М.П. Костенко, А.Г. Бетехтин, И.П. Герасимов, члены-корреспонденты И.В. Тананаев, Е.Н. Мишустин и другие известные ученые. За два месяца они побывали в десяти китайских городах, осмотрели заводы, электростанции, научно-исследовательские учреждения, вузы, музеи, выступая с лекциями и научными докладами, проводя семинары и симпозиумы, организовывая консультации по актуальным для Китая проблемам. В частности, И.П. Бардин поделился передовым опытом применения кислорода в черной металлургии, ознакомил с применением кислородного дутья при выплавке конверторной стали¹⁹.

Весьма значимой была помощь в исследованиях по физике атомного ядра и использовании атомной энергии в народном хозяйстве, в подготовке соответствующих специалистов, в строительстве атомного реактора и циклотрона.

Президент АН Китая Го Можо в 1955 г. отмечал: “Если мы будем опираться исключительно на свои силы, то не только потеряем драгоценное для нас время, но и более того, по-прежнему будем отставать от мирового уровня. СССР помогает Китаю достичь уровня мировой науки”²⁰.

На протяжении первого десятилетия после образования КНР весьма существенной была и помощь СССР в гуманитарной сфере. В Китай было команди-

ровано 426 специалистов-медиков²¹. Среди них — видные советские ученые и организаторы здравоохранения: заместитель министра здравоохранения СССР, доктор медицинских наук И.Г. Кочергин, члены-корреспонденты АМ СССР Т.Е. Болдырев — крупный ученый эпидемиолог, выдающийся специалист дезинфекционного дела, противозидемической защиты, В.Х. Василенко — основатель научной школы гастроэнтерологии, специалист по кардиологии, В.П. Подъяпольская — специалист в области биологии паразитарных возбудителей, А.В. Кибяков — крупный специалист в области физиологии, доктора медицинских наук И.П. Алексеенко, М.И. Кулагин, В.С. Маят и др. В начале 1950-х гг. В.Х. Василенко был специально приглашен для оказания помощи Мао Цзэдуну. В знак благодарности он получил подарки, включая уникальные шахматы из слоновой кости²².

Советские специалисты помогали в организации современной системы здравоохранения, в том числе новейших направлений медицины, медицинских научных, исследовательских и учебных институтов, в строительстве заводов медицинской промышленности, в исследовании лекарственных ресурсов Китая и составлении атласа лекарственных растений, в совершенствовании промышленно-санитарной службы и охраны труда на производстве. Приехавшие из СССР специалисты приняли участие в подготовке врачей как общего профиля, так и узкой специализации. Предлагая опыт советского здравоохранения, они с уважением относились к национальным традициям в области медицины. По их предложению при Министерстве здравоохранения КНР был создан отдел, ведавший вопросами повышения квалификации врачей традиционной медицины.

60 советских врачей и медсестер работали в организованном на средства СССР госпитале Советского Красного Креста, который открылся в Пекине в 1952 г. и был передан правительству КНР в 1957 г. Во главе управления, ведавшего делами госпиталя, стоял советский специалист Д.В. Прохоров²³.

С 1949 по 1960 гг. в КНР было командировано 1269 специалистов народного образования и высшей школы, которые работали в Министерстве просвещения и в 60 вузах²⁴. Первая группа прибыла еще в августе 1949 г. Система образования в Китае в тот период была расплывчатой, программ и учебников почти не было, отсутствовала преемственность между ступенями обучения, связь образования с практикой, не хватало квалифицированных кадров. По предложениям и при участии советских специалистов были разработаны единые учебные планы для начальной и средней школы, составлены планы обучения в средних технических учебных заведениях. После выхода постановления "О реформе системы образования" от 1 октября 1951 г. при активном участии советских специалистов развернулась реорганизация высшего образования²⁵. С учетом требований момента в вузах, включая Пекинский университет, Народный университет, политехнический институт Цинхуа, Харбинский политехнический институт, был пересмотрен перечень специальностей, переработаны учебные планы и учебники, методика преподавания, введены новые дисциплины и производственная практика. До половины всех предметов преподавалось по советским программам. Советские специалисты оказали помощь в подготовке преподавателей, освоении семинарского метода занятий, читали лекции, преподавали русский язык.

Когда в 1955 г. в Китае приступили к освоению нейрохирургии, в Китай был приглашен один из ведущих нейрохирургов — директор Киевского института нейрохирургии, доктор медицинских наук А.И. Арутюнов, который вместе с китайскими

врачами составил трехлетний план развития этого направления и подготовки врачей-нейрохирургов, прочитал лекции, провел показательные операции²⁶.

В течение десяти лет около 100 советских деятелей искусства оказали помощь в таких областях, как хореография, актерское мастерство, кинематография, музыка, живопись²⁷. Они способствовали овладению китайской творческой интеллигенцией лучшими достижениями мирового и советского искусства. В 1954 г. впервые в истории Китая были организованы хореографические училища в Пекине и Шанхае, в 1959 г. — экспериментальная балетная труппа при Пекинском хореографическом училище, подготовлены балетмейстеры и педагоги европейского классического танца. Опыт Московского театра юного зрителя был использован для создания в Китае детского театра. Советские специалисты помогли создать в Китае симфонический оркестр Пекинского радио, подготовили ряд музыкантов и вокалистов, ставших лауреатами международных конкурсов, педагогов по классу фортепиано, скрипки, вокала. Длительное время советником Центральной академии изобразительных искусств работал художник К.М. Максимов, профессор Московского художественного института им. В.И. Сурикова. Он и другие педагоги помогали овладевать нетрадиционной для Китая живописью маслом. Недавно в Китае был издан альбом работ К.М. Максимова и его учеников, ставших известными китайскими мастерами, пишущими маслом. Известный советский кинооператор В.Т. Яковлев помог снять в КНР кинофильм о творчестве выдающегося китайского артиста Пекинской оперы Мэй Ланьфана.

На издательской работе в КНР в 1949—1960 гг. находилось около 60 советских специалистов²⁸. Они участвовали в переводе и издании в Китае на китайском языке произведений классиков марксизма-ленинизма, в подготовке на русском языке информации о положении в Китае, партийных и государственных документов КНР, выступлений ее лидеров; редактировали русские издания журналов “Народный Китай”, “Китай”, “Дружба”, информационного бюллетеня “Синьхуа”, помогали в создании первого телецентра в Пекине, ряда радиостанций.

Необъятен был бы перечень всех участков, на которых трудились советские люди. Их деятельность оказывала глубокое влияние на китайский народ. Они самоотверженно отдавали силы, делились своим мастерством, демонстрируя при этом глубокое уважение к национальным особенностям и традициям китайского народа. Они привносили в китайскую культуру знания о советской культуре и мировой цивилизации и сами обогащались древнейшими восточными духовными ценностями, содействуя не только улучшению содержания двусторонних советско-китайских связей, но и прогрессу всей мировой культуры.

Построенные с помощью советских специалистов объекты многие годы составляли основу промышленности, а подготовленные ими китайские специалисты долгое время находились на руководящих постах в государстве и народном хозяйстве.

-
1. *Ло Шисюнь*. Ю миюэ дао фаньму: сулянь чжуаньцзя цзай чжунго [От медового месяца до размолвки: советские специалисты в Китае]. Пекин, 1998. С. 21.
  2. <http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm>.

3. *Шэнь Чжигуа*. Сулянь Чжуаньцзя цзай чжунго [Советские специалисты в Китае]. Пекин. 2003. С. 36.
4. *Борисов О.* Советский Союз и Маньчжурская революционная база. М., 1985. С. 168—169.
5. <http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm>.
6. *Шэнь Чжигуа*. Дуй цзай хуа сулянь чжуаньцзя вэньти дэ лиши каоча: цзибэнь чжуанкуан цзи чжэнцэ бяньхуа [Историческое исследование проблемы советских специалистов в Китае: общая ситуация и изменение политики] // Дандай чжунго ши яньцзю. 2002. № 1. С. 26.— <http://www.pdfactory.com>.
7. *Борисов О.Б. Колосков В.Т.* Советско-китайские отношения, 1945—1980. М., 1980. С. 178.
8. *Чэнь Си*. 156 сян гунчэн юй чжунго гунгье дэ сяньдайхуа [156 объектов и модернизация китайской промышленности.] // Дан дэ вэньсянь. 1999. № 5. С. 28—34.
9. *Шэнь Чжигуа*. Указ. соч. С. 27.
10. *Чан Яньцин*. Техническая помощь Советского Союза — залог наших успехов // Внешняя торговля. 1959. № 10. С. 22.
11. *Дай Яньнянь*. Фусиньская электростанция // Новый Китай. № 7. С. 36—37.
12. Китай. 1953. № 12. С. 5.
13. *Дун Чжикай, У Цзян*. Синь чжунго гунгье дэ дьяньцзиши: 156 сян цзяньше яньцзю (1950—2000) [Основа промышленности нового Китая: изучение строительства 156 объектов (1950—2000 гг.)]. Гуанчжоу 2004. С. 159.
14. Там же. С. 157—159.
15. Архив РАН (далее АРАН). Ф.579. Оп.1д. Д.138. Л. 5.
16. АРАН. Ф.579. Оп. 1д. Д.401. Л.4.
17. *Киселев И.Н.* Научные связи двух академий // Вестник АН СССР. 1959. № 9. С. 51.
18. АРАН. Ф. 579. Оп. 1д. Д. 678. Л. 17-29.
19. АРАН. Ф. 579. Оп. 1д. Д. 241. Л. 1-8.
20. СССР помогает Китаю достичь уровня мировой науки // Народный Китай. 1956. № 14. С. 7—10.
21. *А.С. Цветко*. Советско-китайские культурные связи. С. 37.
22. <http://www.zdrav.net/personality/vasilenko>.
23. Открытие госпиталя Советского Красного Креста в Пекине // Народный Китай. 1952. № 13—14. С. 44.
24. *Цветко А.С.* Указ. соч. С. 37.
25. <http://teacher.cersp.com/classroomteacher/200709/2622.html>.
26. *Цзянь Юань*. Первая нейрохирургическая клиника // Новый Китай. 1956. № 20. С. 38—39.
27. *А.С.Цветко*. Указ. соч. С. 52.
28. Там же. С. 60.

Круглый стол в ПДВ

60 лет Китайской Народной Республики: итоги и перспективы

От редакции. 30 июня 2009 г. в ИДВ РАН был проведен Круглый стол Института Дальнего Востока и журнала "Проблемы Дальнего Востока", посвященный 60-й годовщине образования КНР. В обмене мнениями по поводу основных итогов развития страны за этот период и ее дальнейших перспектив приняли участие: к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН О.Н. Борох, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ А.С. Давыдов, к.и.н., проф. МГИМО (У) МИД РФ Ю.А. Дубинин, к.и.н., заместитель директора ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова А.Н. Карнеев, зав. отделом экономики редакции ПДВ А.С. Крушинский, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Ломанов, д.и.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН С.Г. Лузянин, д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор ПДВ В.Я. Портяков, директор ИДВ РАН, академик РАН М.Л. Титаренко. Вел заседание д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ Я.М. Бергер.

Ниже публикуется сокращенная стенограмма обсуждения.

Я.М. Бергер

Уважаемые коллеги! Нам предстоит обсудить три блока проблем. Во-первых, проблемы теоретические и идеологические. Во-вторых, все, что связано с внутренней политикой и экономикой. И, в-третьих, вопросы внешней политики и международных отношений. Если против такого порядка нет возражений, я попросил бы выступить первым Михаила Леонтьевича Титаренко.

М.Л. Титаренко

Китай на новом витке исторической спирали развития возвращает себе позиции одного из главных мировых лидеров в экономике, культуре и других областях общественной жизни, которые он занимал в Танскую эпоху, в середине правления Цинской династии, вплоть до середины XIX в. За истекшие 60 лет он решил многие задачи модернизации и постепенно приближается к статусу сверхдержавы, хотя пока не по всем показателям. По своему совокупному влиянию в мире Китай фактически уже стал глобальной державой, хотя по некоторым параметрам, касающимся, например, модернизации деревни, вооруженных сил, он еще не вышел на этот уровень. Недостаточна пока и степень вовлеченности Китая в решение глобальных проблем.

Уроки развития Китая за истекшие 60 лет представляют огромную ценность для мирового развития — и для развитых, и для развивающихся стран. Образование КНР стало в середине XX века ярким маяком в борьбе колониальных стран за свое освобождение, что привело к окончательному краху системы колониализма. Китай воистину выстрадал свой путь модернизации. На этом пути были зигзаги, были ошибки. Они также имеют международное значение. Китайский опыт в целом представляет собой пример решения новых задач с учетом исторических традиций и международной практики.

На первом этапе своего развития — до конца 1950-х гг. — КНР копировала, хотя и не механически, опыт Советского Союза, опиралась на СССР и его всестороннюю помощь. Однако такая роль постепенно становилась препятствием для самоутверждения Китая как субъекта исторического развития и как великой мировой державы. Он стал предпринимать попытки создания своей модели развития, с опорой на собственные силы. Одной из таких попыток стала “политика трех красных знамен” — “большой скачок”, “создание народных коммун” в 1958—1961 гг. Но собственных сил, как вскоре стало ясно, было недостаточно. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин стали активно искать сближения с США и даже образовали с ними некий квазиальянс для борьбы с СССР. Но вскоре стало ясно, что этот путь неизбежно ведет к превращению КНР в орудие более сильного партнера.

Новый пересмотр курса ориентировался на нормализацию отношений с Советским Союзом в целях сбалансирования отношений с США, использования в своих интересах противоречий между США и Советским Союзом. Произошел пересмотр интернационалистических воззрений на социализм и идей поддержки революционных движений за рубежом. Социализм стал мобилизационным фактором, прежде всего, для решения собственных проблем, возрождения страны и улучшения жизни более чем миллиардного населения Китая. Китай последовал призыву Дэн Сяопина сосредоточиться на экономическом строительстве, “не высовываться, сотрудничать со всеми, ждать своего часа”. Подход к международным отношениям был деидеологизирован. Пекин встал фактически на путь конвергенции и переосмысления практики строительства социализма в развивающейся стране. От социализма заимствовались идеи справедливости, внимание к социальной защите всех слоев, которые интерпретировались в духе традиционных конфуцианских, моистских идеалов гармонии, “сяокана”. От капитализма — идеи рыночной экономики, экономической и социальной конкуренции. Все это объединялось прагматизмом, тезисом о том, что масть кошки не имеет значения, лишь бы она хорошо ловила мышей, что во всем надо исходить из реальности.

Различные интересы консолидируются под эгидой управляемой демократии, под властью “просвещенного авторитаризма”. КПК и армия, служащие основным стержнем политической системы, объединяют самые разные силы. Любые выступления против руководящей роли КПК подрывают этот основной стержень, дестабилизируют общество.

Россия придает отношениям Китая с миром необходимый баланс в ситуации, когда Китай будет стремиться вырваться из односторонней зависимости. России необходимо сотрудничать со всеми центрами мира.

Переосмысление социализма было начато еще В.И. Лениным и продолжено Ю.В. Андроповым. Оно ведет к тому, что социализм рассматривается не как цель, а как мобилизующая идеология. Переосмысление социализма в Китае при-

вело к созданию такой мобилизационной модели развития, которая не является ни чисто капиталистической, ни чисто социалистической, т.е. моделью сравнительно длительного периода многоукладности, как великой черты начальной стадии строительства социализма с китайской спецификой.

Удастся ли вывести Китай на передовой мировой уровень? Шансов для позитивного ответа на этот вопрос достаточно, но и факторов, которые могут быть препятствием и даже угрозой на пути к этой великой цели, тоже немало. Китаю предстоит нелегкая задача — преодолеть пять серьезных разрывов, существующих в обществе и экономике, использовать новые шансы и ответить на новые вызовы. Нельзя исключить также возможность стагнации и серьезной внешней конфронтации. В целом можно сказать, что для дальнейшего развития Китая существуют как благоприятные, так и неблагоприятные факторы. Что касается России, то ей категорически противопоказаны какие-либо меры по сдерживанию Китая. Россия уважает самостоятельность Китая, его выбор и твердо стоит на позициях сотрудничества и соразвятия. Это отвечает коренным интересам двух великих народов.

Я.М. Бергер

Я полагаю, что выступление М.Л. Титаренко заложило хорошую основу для нашей дальнейшей дискуссии. Поэтому продолжим обсуждение в установленном нами порядке.

В.Я. Портяков

Хорошо известно, что в КНР придают большое значение юбилейным датам и весьма широко отмечают наиболее важные из них. Вполне естественно, что в стране ведется активная подготовка и к празднованию 60-летия Китайской Народной Республики. На мой взгляд, это в какой-то мере облегчается тем обстоятельством, что год назад здесь уже была проведена серьезная подготовка к тому, чтобы отметить 30-летие начала политики реформ и открытости, старт которой дал 3-й пленум ЦК КПК XI созыва в декабре 1978 г. Подготовка к прошлогоднему юбилею включала в себя анализ достижений и особенностей развития страны в последнее тридцатилетие, публикацию многочисленных обобщающих докладов и монографий. Это послужило неплохим заделом для подготовки к празднованию 60-летия КНР. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что из-за совпадения по времени юбилейных мероприятий, посвященных 30-летию реформы, с острой фазой мирового финансового кризиса прошлогодние торжества получили несколько скомканными и не столь впечатляющими, как изначально задумывалось в Пекине. В этом году, когда Китай в условиях кризиса сохранил достаточно высокую динамику экономического роста и превратился, по сути дела, в ведущего международного “ньюсмэйкера”, у руководства страны, похоже, есть основания придать торжествам больший размах.

Официальная китайская пропаганда в ходе подготовки к юбилейным торжествам стремится представить шесть десятилетий существования Китайской Народной Республики как единый процесс. Поначалу в некоторых СМИ этот период разбивали на “два тридцатилетия”, то есть на дореформенный этап 1949—1978 гг. и пореформенный этап с конца 1978 г. Затем, однако, акцент сместился на выделение всего шестидесятилетия в целом. Показательно, что статистические выкладки, размещенные в рубрике “Славное шестидесятилетие” на веб-сайте газеты “Жэньминь жибао”, сравнивают экономические показатели КНР последних лет только с ее первыми годами (1950—1952 гг. — в зависимости от того, по

какому именно году имеются достаточно достоверные сведения), но опускают сравнения с предреформенным 1978 г., как это обычно принято делать.

На мой взгляд, такой подход позволяет приподнять значение первородной, революционной легитимности пребывания у власти Коммунистической партии Китая, утвердить роль Мао Цзэдуна как великой исторической фигуры — основателя нынешнего китайского государства, наконец, практически уйти от необходимости оценки печально известных “большого скачка” и “культурной революции”. В целом сегодня история КНР, и особенно история дореформенного периода, преподносится в стране существенно более сглажено, чем это было сделано в известном решении 6-го пленума ЦК КПК XI созыва (июнь 1981 г.).

Мне представляется небезынтересным привести рекламируемый официальной пропагандой перечень наиболее важных изменений, которые произошли в Китае с 1949 г. Таковых выделено двенадцать:

— из полукOLONиальной страны, находящейся под политическим и экономическим контролем империалистических сил, Китай превратился в полностью независимое самостоятельное государство, обладающее суверенной целостностью и национальным достоинством;

— из слабой, раздираемой на части страны Китай превратился в единое государство (в его континентальной части, включая Гонконг);

— из полуфеодальной страны, управляемой реакционными диктатурами, Китай превратился в государство, где хозяевами стали народные массы, где непрерывно совершенствуется социалистическая демократия и законность;

— из страны с глубокими проявлениями межнационального раскола и угнетения по национальному признаку Китай превратился в государство, характеризующееся равенством, взаимопомощью и единством всех национальностей;

— из слабой страны, располагавшей крайне отсталой промышленностью, Китай превратился в государство, народное хозяйство которого получило огромное развитие;

— из страны, экономика которой контролировалась иностранным капиталом и компрадорской буржуазией, Китай превратился в государство социалистической рыночной экономики с китайской спецификой;

— из страны, закрытость которой насильно пытались взломать империалисты, Китай превратился в государство, характеризующееся всесторонней открытостью;

— из практически неграмотной страны, именовавшейся “больным Азии”, Китай стал государством, достигшим огромных успехов в образовании, науке, культуре, спорте, здравоохранении;

— из страны, где народ жил впроголодь и нередко ходил в обносках, Китай превратился в государство, где уровень жизни населения достиг средней зажиточности;

— из страны, которая в связи со слабым организационным началом нередко сравнивалась с горстью песка, Китай стал государством, отличающимся прочной сплоченностью, непрерывным совершенствованием общественного управления, наличием крепких низовых организаций в городе и деревне;

— из страны, где отсутствовала оборонная мощь и которая подвергалась агрессии и унижению со стороны иностранцев, Китай превратился в государство с мощным оборонительным потенциалом и полностью обеспеченной государственной безопасностью;

— из страны, не имевшей самостоятельной дипломатии и международного статуса, Китай превратился в государство с высоким международным престижем, независимой и самостоятельной внешней политикой.

Наверное, этот перечень небесспорен, но он вполне может служить отправной точкой для дискуссии об успехах, достигнутых КНР, проблемах, выявляющихся в ходе ее развития, и об оценке возможных перспектив и вариантов дальнейшей эволюции страны.

А.В. Ломанов

Обретение марксизмом после образования КНР статуса официальной идеологии оказало глубочайшее влияние на процессы взаимодействия культур Китая и Запада. В первой половине XX в. китайские мыслители были сосредоточены на переосмыслении национальной традиции и поиске путей ее модернизации. В области философии происходило широкое заимствование западных концепций и категорий для создания новой трактовки китайского материала, ученые обсуждали перспективы синтеза философских традиций Китая и Запада. В 1920-1930-е гг. мировую известность обрели новаторские труды Фэн Юланя и Ху Ши, пытавшихся систематизировать идеи китайской философии с опорой на западную традицию.

После 1949 г. власти развернули целенаправленную работу по утверждению новых идеологических стандартов в преподавании и изучении общественных наук. Теоретический уровень марксистских мыслителей в те годы заметно отставал от познаний философов-немарксистов, многие из которых получили образование в Европе и США. В 1950-е гг. власти воздействовали на интеллигенцию с помощью идейных кампаний, в 1954 г. была развернута критика воззрений Ху Ши, которая из области литературоведения распространилась на другие сферы гуманитарного знания, включая философию. Для покинувшего материковый Китай Ху Ши эта кампания была заочной, однако многим из оставшихся пришлось многократно выслушивать идеологическую критику в свой адрес и выступать с самокритикой. Давление на интеллигенцию оказало негативное влияние на развитие общественных наук после образования КНР. Вместе с тем, необходимо признать, что власти проявляли определенную толерантность, подвергнутые проработке известные ученые обычно могли продолжить преподавательскую и исследовательскую деятельность.

Широкое заимствование советских материалов и учебных пособий происходило на рубеже 1940-1950-х гг., когда общественные науки в СССР были скованы рамками догматизма. Глубокое воздействие на развитие философских наук в КНР оказало выступление в 1947 г. А.А.Жданова в ходе дискуссии по книге Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии", утверждавшее тезисы о важности борьбы материализма и идеализма в философии и ее связи с борьбой классов. В 1950-е гг. ведущие знатоки древней мысли, такие как Фэн Юлань, Жэнь Цзюй и Чжан Дайнянь, призывали избегать упрощений при выделении в китайской мысли "линий" борьбы материализма и идеализма, диалектики и метафизики. Фэн Юлань предлагал унаследовать хотя бы "абстрактный смысл" ключевых категорий древнекитайской философии. Однако эти взгляды не стали главенствующими, политизация историко-философского наследия достигла пика в годы "культурной революции". Споры о походах к наследию были продолжены в 1979 г., когда возрождение китайской историко-философской науки началось с обсуждения проблем исследовательской методологии. "Ждановское определение" в Ки-

тае критиковали и в 1980-е, хотя многие историки философии уже давно сомневались в его пригодности для анализа традиционного китайского материала.

В 1958 г. на Шанхайском судостроительном заводе развернулось движение рабочих за изучение философии, которое вскоре охватило всю страну. Люди повсеместно изучали философские идеи Мао Цзэдуна, прежде всего его представления о познании и диалектике. Кампания по изучению философии рабочими, крестьянами и солдатами основывалась на трактовке социального класса как коллективного субъекта познания. Установка на решение узких практических проблем на производстве с помощью диалектических методов была явным упрощением, а ширина массового охвата в изучении философии была достигнута за счет крайнего обеднения содержания. Два десятилетия массовой пропаганды элементарных философских знаний помогали формированию у народа элементов современного мировоззрения. Однако тесное соединение философии и политики привело к тому, что в начале реформ многие люди видели в философии одну из причин постигших страну бед.

При Мао Цзэдуна в КНР прошло несколько примечательных дискуссий, участником которых был философ-марксист Ян Сяньчжэнь, чье творчество и в наши дни вызывает интерес у китайских ученых. В 1958 г. в центре внимания оказалась проблема “тождества мышления и бытия” — философы пытались выяснить, была ли эта формулировка Энгельса отражением позиции диалектического материализма или идеалистическим тезисом, восходящим к учению Гегеля. Однако после “большого скачка” этот спор обрел политический подтекст, направленный на критику волюнтаристских решений руководителей, решивших, что любые приходящие в их голову мысли можно превратить в реальность. Дискуссия 1964–1965 гг. о “соединении двух в одно” с позиции нынешнего дня выглядит как творческая попытка выразить один из законов диалектики с помощью китайской традиционной философской лексики, соединить марксизм с китайской традицией. В те времена китайское руководство ставило на первое место классовую борьбу, “примиренческая” идея “соединения двух в одно” была отвергнута, защищавший ее Ян Сяньчжэнь подвергся критике.

Начало преобразований дало стимул быстрому развитию философской мысли в КНР. Ученые призывали поскорее избавиться от заимствованной из советского марксизма 1940–1950-х гг. схемы деления философии на диалектический и исторический материализм. Развернутая на уровне руководства страны дискуссия о “практике как критерии истины” подтолкнула теоретиков к разработке концепции обновленной системы марксистской философии в виде “практического материализма”. В начале 1980-х особый интерес к проблемам человека, гуманизма и отчуждения проявляли не только философы, но и многочисленные представители интеллигенции, молодежь тогда с увлечением читала переводы книг Сартра, Ницше, Фрейда. Отказ руководства КНР от идеи главенства классовой борьбы побудил интеллектуалов к поиску всеобщих характеристик человеческой природы, не ограниченных социальными или классовыми рамками. На первое место вышли гуманистические идеи достоинства человека, его прав и свобод, утверждения ценности личности. Ученые искали ответы на эти вопросы у раннего Маркса, прежде всего в “Экономическо-философских рукописях 1844 года”. Был поставлен вопрос и о том, возможно ли отчуждение человека не только в частнособственническом эксплуататорском обществе, но и при социализме. Про-

никновению этих идей способствовало увлечение зарубежным марксизмом, прежде всего работами Лукача и Грамши.

Власти увидели в этих дискуссиях идеологическую угрозу. В 1983 г. Дэн Сяопин на 2-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва сказал, что рассуждения о ценности человека, гуманизме и отчуждении нацелены на критику социализма. По его словам, отвлеченные рассуждения о гуманизме и ценности человека недопустимы, поскольку «все еще есть вредители, новые и старые отбросы общества, антисоциалистические элементы, иностранные и тайваньские шпионы. Жизненный и культурный уровень нашего народа пока невысок. Его не поднимешь разговорами о ценности человека и гуманизме». Выступление Дэн Сяопина остановило дискуссии на эти темы. В официальном обществоведении было признано целесообразным выступать против абстрактного гуманизма как мировоззрения и взгляда на историю, обсуждение проблемы отчуждения при социализме сочли и вовсе недопустимым. Это была последняя попытка открытого политического вмешательства руководства в философские споры.

Во второй половине 1980-х гг. главной стала тема китайской культуры. Прозападные интеллектуалы считали ее препятствием для прогресса, они полагали, что традиционное стремление к стабильности ведет Китай к самоизоляции от новых идей, препятствует творческим поискам. Но к концу 1980-х обсуждение современного значения традиционных ценностей привело к позитивной переоценке роли конфуцианства в развитии страны. На фоне подъема консервативной волны в китайской идеологии после драматических событий 1989 г. идея стабильности стала основой для сплочения политической, экономической и интеллектуальной элиты. Сформировалась устойчивая тенденция позитивного переосмысления национальной культуры, сторонники возрождения конфуцианства и китайской культуры подчеркивали всеобщее значение китайской традиции и ее превосходство над западной при решении глобальных проблем.

В научных кругах КНР развернулось изучение творческого наследия представителей течения современного конфуцианства, покинувших материк во время революции. Их труды издавали массовыми тиражами, даже если эти мыслители негативно отзывались о марксизме и власти КПК — как, например, Чжан Цзюньмай. Важным для споров о перспективах китайской философской традиции было ознакомление с трудами ведущего конфуцианского философа второй половины XX в. Моу Цзунсяня, который из-за революции обосновался на Тайване. Параллельно переиздавались подзабытые дореволюционные труды мыслителей-традиционалистов, связавших свои судьбы с народным Китаем (Лиан Шумин, Сюн Шили, Фэн Юлань). Из мишени для критики труды современных конфуцианцев превратились в важный интеллектуальный ресурс для развития китайской философии. Это течение не обрело марксистской окраски, однако оно получило возможность занять свою нишу в интеллектуальном пространстве КНР, не вступая в конфликт с официальной идеологией.

Несомненным достижением 1990-х стало разграничение академических исследований и политики. В первые годы реформ ученые пытались выражать новые идеи в рамках марксистской парадигмы, что могло вызвать тревогу властей. Однако по мере профессионализации философских исследований и овладения усложненным терминологическим аппаратом современных западных философских течений, эта проблема утратила остроту. В отличие от общих рассуждений начала 1980-х, понятных и эмоционально близких широкому кругу интеллектуа-

лов, нынешние философские исследования становятся все более специализированными. Они непонятны для окружающих и потому их содержание не воспринимается как угроза в отношении чего-либо.

От критических кампаний и дискуссий 1980-х можно проследить путь эволюции современных пропагандистских концепций. Представляется, что нынешнее официальное неприятие идей “неолиберализма” восходит к осуждению “буржуазной либерализации” в первое десятилетие реформ. Современная критика тезиса о заимствовании в Китае “всеобщих ценностей” может быть связана с выступлениями против “абстрактного гуманизма”. Вместе с тем, гуманистическая проблематика исследований была полностью реабилитирована еще в 1990-е гг., лозунг “человек — основа” обрел ныне нормативный статус.

Развитие философии в КНР сталкивается с трудностями поиска новых теоретических ресурсов и их адаптации к национальной культуре и проблемам страны. Несмотря на былые споры и критические оценки советских учебников, научные работы философов-марксистов из СССР несколько десятилетий служили ценным подспорьем для китайских теоретиков. Теперь этот ресурс безвозвратно утрачен. Развернутая в КНР в начальный период реформ попытка создания обновленной системы марксистской философии в лице “практического материализма” не отброшена в сторону, но и не доведена до конца — создается впечатление, что в этой сфере обсуждают ныне те же вопросы, что и два десятилетия назад.

В Китае продолжается изучение марксистской философской классики. Ученые углубляются в текстологические и понятийные проблемы, обращение к первоисточникам на языке оригинала способствует прояснению незаметных прежде терминологических нюансов. Эти усилия позволяют ретроспективно выявить прошлые недоразумения — бывало, китайские марксисты вели теоретические споры с опорой на неточные переводы, влиявшие на содержание дискуссии. Но понятийно-текстологическое направление в изучении марксистских работ XIX в. дает лишь ограниченные ресурсы для нового творчества. К тому же всеобщая смена терминологии в философии и общественных науках делает эти разработки все менее актуальными — ученые проясняют понятия, которыми их коллеги уже не пользуются.

С первого десятилетия реформ в Китае развивается и набирает силу увлечение западным марксизмом. Однако не решен вопрос о том, как соотносятся между собой марксизм, западная мысль и китайская традиция. Одни ученые призывают смотреть на марксистскую философию в глобальном контексте и стремятся к диалогу с западным марксизмом, другие акцентируют приоритет китайской специфики и проблем развития китайского общества. Идеи западного марксизма, связанные с осмыслением разрушительного влияния общества потребления на человеческую личность, лишь отчасти касаются современных проблем Китая — пожалуй, напрямую они могут быть отнесены лишь к части городского населения. Западный марксизм появился в ответ на проблемы западного общества, при заимствовании этого течения становятся очевидным не только разрыв в уровне материального достатка (по мере развития Китая он будет сокращаться), но и различия в культурном, ценностном и политическом контексте.

В начале 2000-х гг. традиционалисты устремились к возрождению “национального учения” (госюэ) как совокупности идейно-теоретических воззрений и практических навыков, рожденных в процессе развития китайской цивилизации. На этой волне появились призывы отказаться от заимствованного на Западе дисциплинарного деления общественных наук ради воссоздания индивидуальности

и целостности китайской академической традиции. Сторонники госюэ захотели вернуться в прошлое и увидеть китайскую мудрость такой, какой она была до появления в Китае на рубеже XIX—XX вв. представлений о философии и логике. В ходе дискуссии о “легитимности китайской философии” прозвучали националистически окрашенные тезисы — дескать, “китайская философия” была создана искусственно в период слабости Китая, когда иностранные державы могли навязать ему свои методы и стандарты в области познания. В качестве интеллектуального эксперимента опыт “очистки” китайской мысли от западных “наслоений” может быть интересным, но он вряд ли способен стать источником для творческого подъема. Современная китайская философия слишком тесно срослась с позаимствованным еще в позапрошлом веке западным сциентизмом, обусловившим в наши дни повышенный интерес китайских исследователей к проблемам философии науки и методологии познания.

Западные течения оказывают огромное влияние на работы китайских философов по проблемам ценностей, культуры и общественного развития, большой популярностью пользуются герменевтика и феноменология. Однако китайские ученые все чаще говорят о том, что углубление теоретической “академизации” принесло негативный результат, ослабив практическую ценность марксистской философии. Спор о том, следует ли изменить траекторию развития знания и “вернуться к реальности”, вряд ли будет решен внутри научного сообщества. Ученые среднего поколения, получившие теоретическую подготовку на Западе, несомненно, будут отстаивать курс на “академизацию”, позволяющий им вести равноправный диалог с зарубежными коллегами. Импульс для поворота может исходить лишь извне. Однако трудно ожидать попыток затормозить процессы “академизации” со стороны властей, поскольку подобное вмешательство нанесет удар по заявленным целям вывода китайских общественных наук на мировой уровень.

Многообразие течений в китайской философии стало реальностью. Однако в последние десятилетия в КНР не видно творческих работ мирового уровня, подобных тем, что появились в 1920–1940-е гг. Основой для взлета китайской философской мысли в республиканский период стал диалог традиций Китая и Запада, стремление к их синтезу. Открытость Китая западным идейным влияниям возросла, углубляется понимание национальной традиции, но повторить и превзойти успехи тех лет пока не удастся. В 1950–1970-е гг. для этого не было условий. Теперь условия для творчества в Китае есть. Но пока не представляется возможным предсказать сроки перехода от нынешнего этапа усвоения иностранного материала, его изучения и подражания ему, к созданию собственных философских работ мирового уровня.

М.Л. Титаренко

Упоминание о Ян Сяньчжэне помогает составить более всестороннее представление о китайской общественно-научной мысли в период после образования КНР. Ян Сяньчжэнь остается недооцененным философом. Но его заслуги не ограничиваются одним лишь участием в дискуссиях о бытии и мышлении, о “соединении двух в одно”. В первой половине 1950-х он выступил с идеей “комплексного экономического базиса”, нацеленной на теоретическое осмысление общества с многоукладной экономикой. Этот аспект наследия ученого важен для понимания современной политики реформ.

Развитие философской мысли в КНР обогатило понятийный аппарат китайской философии. Представляется, что словосочетание “практический мате-

риализм”, о котором говорят современные китайские философы, можно перевести на русский язык как “прагматический материализм”. На глубинном уровне это течение соединяет американский прагматизм с китайской спецификой, оно ставит выгоду на первое место и отодвигает в сторону социальные проблемы.

Большое значение представляет опирающаяся на потенциал китайской традиции дискуссия о природе человека. Мао Цзэдун опирался на учение древнекитайского мыслителя Сюнь-цзы об изначально злой природе человека. Был сделан вывод, что для исправления человека требуется жесткое воздействие извне, править нужно жестким кулаком с помощью диктатуры. Подход Ху Цзиньтао, сфокусированный в концепции “человек — основа всего”, носит комплексный характер, в нем многое заимствовано от конфуцианства, частично — от марксизма. В него вошли идеи возвышения образованных людей, возвышения единства, учет влияния на человека внешней среды. Особая черта китайской политической культуры — это “приближение близких”, выдвижение земляков, товарищей по учебе, родственников на руководящие должности. В Китае этих людей воспринимают как самых надежных и заслуживающих доверия, им открывают путь для приближения к ядру элиты.

Есть одна тема, которая не была затронута в выступлениях, но ее необходимо коснуться — это мощная традиция даосизма. Она выступает для китайской традиции как огромный отвлекающий резервуар, она прививает людям культуру заботы о себе и самосовершенствования, единства индивида с природой. Однако здесь может скрываться и потенциальная опасность. Ведь в случае обострения экологических проблем в КНР даосская культура связи с природой может стать стимулом для оппозиционных идей с “зеленой” окраской.

Ю.А. Дубинин

В наши дни в Китае много говорят о “мягкой силе”. Китай известен своей древней цивилизацией — культурой, философией. На каких ценностях может строиться его современное влияние, что может он предложить сегодня?

А.В. Ломанов

Эта тема волнует китайское руководство, поэтому ее активно обсуждают эксперты. Связь между древними идеями и современной политикой заметна на примере продвижения лозунгов создания гармоничного общества внутри Китая и гармоничного мира вовне. Пропагандистские тексты на эту тему часто обращаются к традиционному наследию. Если иностранцы не вполне доверяют заверениям китайского руководства о приверженности миру и развитию, их должны убедить афоризмы Конфуция и древних мудрецов, которые говорили о гармонии.

Реплика

Китай продвигает по всему миру Институты Конфуция...

А.В. Ломанов

Продвигает, но это инструмент распространения китайской культуры, а не готовый содержательный ответ на вопрос о том, что эта культура может дать миру. Официально ставится задача вывести в мир достижения китайской культуры, философии и общественных наук. Однако здесь очень трудно найти оптимальный баланс между традиционным и современным материалом. В Китае есть немало ученых, которые усвоили западные научные стандарты, они легко находят общий язык с иностранными коллегами, но в их трудах мало собственно китайского содержания. С другой стороны, есть хорошо образованные традиционалисты и сторонники развития госюз, но они пока не могут представить интерес-

ных глубоких работ, построенных на синтезе культур и способных заинтересовать образованных читателей за рубежом.

О.Н. Борох

Обсуждение итогов развития Китая за минувшие шестьдесят лет дает возможность обратиться к процессам формирования экономической науки в КНР и глубже понять истоки современных реформаторских течений. Исследователи привыкли делить историю этой области знаний в Китае на два изолированных друг от друга периода, противопоставляя экономическую мысль 1950—1970-х гг. научным достижениям периода реформ. Подобный подход помогает выявить заметный рост профессионализма и открытости для взаимодействия с мировой наукой в современных китайских экономических кругах. Однако при этом теряется взаимосвязь дискуссий нынешнего и дореформенного периодов, соединенных между собой стержневой проблемой китаизации зарубежных экономических теорий.

Односторонний акцент на современные достижения китайских экономистов затеняет историческую преемственность в развитии данной области знаний в Китае. Нынешние научные успехи весьма значительны. Вместе с тем, следует помнить, что к началу 1950-х гг. в стране уже существовала развитая инфраструктура в области преподавания и исследования экономической науки. В республиканский период в Китае сформировалось профессиональное экономическое сообщество, появились специализированные экономические журналы, научные и образовательные центры, сложилась система профессионального экономического образования.

По данным исследователя истории китайской экономической мысли Ху Цзичуана, за период с 1919 по 1949 г. было издано около двух тысяч книг по экономике, число публикаций достигло пика в 1930 г. Появилось большое количество переводов зарубежной экономической литературы. В середине 1930-х гг. в Китае стала выходить разнообразная экономическая периодика, высоким качеством отличались журналы “Цзинцзисюэ цзикань” (“Ежеквартальный журнал экономической науки”), “Цайчжэн пинлунь” (“Финансовое обозрение”). За вычетом периодических изданий по статистике, в 1919—1949 г. число экономических журналов достигло 111 наименований, хотя выпуск многих из них прекращался в год создания.

Ведущие китайские экономисты республиканского периода получили образование за границей, после возвращения на родину в преподавательской и исследовательской работе им приходилось сталкиваться с проблемой китаизации полученных за рубежом познаний. По данным американского исследователя П. Трескотта, до 1950 г. экономическую теорию изучали в США около 1600 китайцев, из них 1200 на уровне магистратуры и докторантуры. В Америке основными центрами подготовки китайских экономистов были Колумбийский, Гарвардский, Йельский и Висконсинский университеты. Еще около 400 китайцев получили экономическое образование в Европе. К тому же до образования КНР внутри страны экономические дисциплины преподавали более сотни иностранцев, главным образом это были преподаватели миссионерских учебных заведений.

Изменение траектории развития Китая после 1949 г. оказало глубокое воздействие на весь комплекс общественных наук, включая экономическую науку. В начале 1950-х гг. китайские власти приняли решение о реструктуризации общественно-научных дисциплин, направленное на упрочение руководящих позиций марксистской теории. Упразднение ряда дисциплин (социология, политология) заметно повысило статус политической экономии.

Парадигма марксистской политэкономии стала господствующей, возросло влияние советской экономической науки. В 1950-е гг. происходило широкое заимствование советских научных работ и учебников, создавалась унифицированная база для исследования и преподавания политэкономии. Наибольшее влияние на экономическую науку КНР оказали увидевший свет в 1953 г. перевод работы И. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” (1952) и опубликованный в 1955 г. перевод советского учебника политэкономии (1954).

Вместе с тем, первые экономические дискуссии 1950-х гг., проходившие в рамках марксистской теоретической парадигмы, были связаны с осмыслением национальной специфики Китая. Хотя в первой половине 1950-х гг. китайские исследователи еще не пытались открыто поставить под сомнение применимость советского опыта, они стремились выявить особенности экономики Китая.

Особый интерес для понимания истории развития китайской экономической науки представляют дискуссии периода “ста цветов”, когда ученые получили возможность открыто высказывать свои мнения. В 1957 г. группа китайских экономистов во главе с Чэнь Чжэньханем выступила с критической оценкой ситуации в области преподавания и исследования экономической науки. Они указали на отрыв науки от реальности, догматическое следование классикам марксизма, стремление использовать в экономическом строительстве готовые советские рецепты, недооценку практического значения концепций и методов “буржуазной науки”, стремление чиновников засекретить важные для экономических исследований данные. Ученые отмечали, что практические организации должны уделять внимание экономической науке, а экономисты — больше соприкасаться с практикой.

Несколько вариантов этого письма были опубликованы в научном журнале “Цзинцзи яньцзю” (“Экономические исследования”) в качестве материала для критики. Кампания осуждения взглядов Чэнь Чжэньханя длилась около полугода, появились десятки статей с осуждением его взглядов. Однако современные китайские авторы признают, что многие поднятые в письме вопросы сохраняют актуальность и поныне. Показательно, что письмо Чэнь Чжэньханя вошло в изданную в 2005 г. антологию классики китайской экономической науки за 100 лет.

Вскоре после дискуссии 1957 г. к проблеме соотношения постулатов советской экономической науки и китайской реальности обратился Мао Цзэдун. “Критических замечаниях по работе Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”” (1958—1959) и “Заметках об учебнике “Политическая экономия”” (1960). Эти критические оценки стали сигналом для формирования видоизмененной парадигмы марксистской политэкономии, соответствующей специфике Китая. Мао Цзэдун подчеркивал важность человеческого фактора и полагал, что советская политэкономия уделяет ему недостаточно внимания. Этот путь китайизации экономической науки был нацелен на укрепление основ мобилизационной экономики с использованием энтузиазма народных масс, он не имел ничего общего с современными экономическими концепциями деятельности индивида в рамках рыночного хозяйства.

Широкомасштабное развитие экономической теории в КНР с опорой на достижения мировой науки стало возможным лишь в конце в 1970-х гг. с началом политики реформ. Вместе с тем, заметный след в развитии китайской экономической науки оставил относительно спокойный период от завершения “большого скачка” до начала “культурной революции”. Китайские ученые смогли развернуть обсуждение проблем товарно-денежных отношений при социализме, темпов

экономического роста, соотношения сельского хозяйства и промышленности. Важный вклад в экономические исследования внес Сунь Ефан, предложивший использовать показатель прибыли для оценки деятельности предприятий.

В начале реформ наследие первых трех десятилетий развития экономической науки КНР не вызывало особого интереса у китайских исследователей, основные усилия были нацелены на преодоление влияния усвоенной в этот период “советской парадигмы”. Теперь ученые стремятся создать единую картину развития экономической мысли в Китае с начала XX в., они ищут в периоде централизованной плановой экономики 1950—1970-х гг. то, что может оказаться созвучным современной ситуации. Это — письмо экономистов 1957 г., работы Гу Чжуня по проблемам товарного производства и закона стоимости, теория производительных сил Ли Пинсиня.

Взгляды, которые в условиях политико-идеологической ситуации первых тридцати лет существования КНР носили маргинальный характер, но были связаны с профессиональной экономической наукой, теперь воспринимаются как часть “мейнстрима” и преддверие современного этапа в развитии научных исследований. В 1950-е гг. отдельные ученые призвали не отвергать целиком современную западную экономическую науку и не копировать без критического осмысления советские разработки. Сходные тезисы в иной форме были высказаны и поддержаны основным течением в экономической науке КНР в 1980-е гг., когда критика “советской парадигмы” разворачивалась на фоне поиска полезных элементов западного опыта ради их использования в интересах Китая.

Носителем традиций “мейнстрима” после образования КНР выступала прежняя “буржуазная профессура”, многие ее представители продолжали преподавательскую и научную деятельность. Оставив сферу экономической теории, они занялись историей экономики и экономической мысли, их усилия способствовали качественному прогрессу в изучении данных дисциплин. Присутствие этих профессоров на экономических факультетах помогало сохранить прежние академические традиции на фоне глубоких социально-политических перемен. Примечательно, что в середине 1950-х гг. китайские экономисты активно обсуждали идеи Дж.М. Кейнса и их применимость в условиях Китая. Можно предположить, что серьезный интерес к кейнсианству в значительной мере был обусловлен широким распространением в республиканский период идей “регулируемой экономики” (*тунчжи цзинцзи*), которые были ближе к плановой, а не к либеральной экономике.

В советском китаеведении в 1970-е гг. сложилось представление, что перед образованием КНР экономическая наука была “самой отсталой” отраслью знаний, поскольку ученые использовали буржуазные методы и концепции. Однако китайская экономическая наука 1930—1940-х гг. была отсталой в той же мере, в какой эта отрасль знаний была в те годы “отсталой” в США, Великобритании и континентальной Европе, поскольку китайцы учились в лучших зарубежных университетах у известных профессоров.

Концепция “отсталости” экономической науки до образования КНР обесценивает не только “буржуазную науку”, но и творческие поиски китайских марксистов до 1949 г. К примеру, Ван Янань поставил вопрос о создании китайской экономической науки, это важно для понимания проблем китаизации марксизма. В наши дни в Сямэне создан Институт экономических исследователей, носящий имя Ван Янаня, ученые проявляют возрастающий интерес к его наследию. Если же считать сформулированные до 1949 г. экономические идеи Ван Янаня “отста-

лыми” и сосредоточиться лишь на его работах периода КНР, многие ранние творческие взгляды ученого останутся незамеченными, поскольку позднее он адаптировал свои подходы к требованиям нормативной идеологии. То же относится и к обсуждению проблемы китаизации марксистской политэкономии в работах Сюй Дисиня. В целом 1949 г. не может считаться непреодолимым водоразделом в истории развития экономической науки в Китае, поскольку без учета наследия 1930—1940-х гг. трудно составить полное объективное представление о дискуссиях 1950-х.

После завершения “культурной революции” многие профессора дореволюционной формации успели внести свой вклад в обновление китайской экономической науки в период реформ. Профессор Пекинского университета Чэнь Дайсунь, получивший докторскую степень в Гарварде, в начале 1980-х гг. одним из первых предложил использовать достижения мировой экономической науки в ходе социалистической модернизации. У Баосань подготовил в Институте экономики АОН Китая кадры исследователей китайской экономической мысли. Обучавшийся в Гарварде Чжан Пэйган основал в Уханьском университете новое направление исследований — экономику развития, сегодня китайские экономисты рассматривают эту тему в числе наиболее актуальных и перспективных.

Эти ученые не принадлежали к числу ключевых экономистов-реформаторов, однако они внесли важный вклад в сохранение научной среды в высших учебных заведениях и обеспечение непрерывности академической традиции. Они поддерживали интерес к мировой экономической науке, переводили труды ведущих зарубежных экономистов, передавали свои знания студентам. Хотя они не были столь же яркими фигурами, как, например, Ма Иньчу, эти экономисты выступали в качестве носителей научных традиций, их работа в области критики западных экономических теорий и изучения экономической истории опиралась на профессиональное знание первоисточников и владение исследовательской методологией.

За столетие развития экономической науки в Китае представители всех течений ставили на первое место проблему китаизации иностранных учений. Многие проблемы наших дней волновали китайских экономистов еще в первой половине XX в. — это соотношение выгоды и морали, интересов отдельного человека и государства в целом, применимость в китайских условиях западной индивидуалистической предпосылки “экономического человека”. Сегодня в условиях мирового финансового кризиса в Китае вновь обсуждают проблемы устойчивости западной цивилизации и ее недостатки, а споры на эту тему китайские интеллектуалы развернули еще на рубеже XIX—XX вв.

Хотя реформаторский дискурс является в Китае доминирующим и останется таковым в обозримом будущем, исследователям нужно уделить больше внимания проблеме преемственности. Выход за пределы 30 лет реформ, изучение периода КНР в целом, стыковка с научными поисками первой половины XX в. помогут глубже понять истоки нынешних споров, оценить в историческом контексте предлагаемые сегодня китайскими учеными пути решения экономических проблем страны.

В.Я. Портяков

Я хотел бы обратить внимание на ту значительную позитивную роль, которую в развитии КНР сыграли научные дискуссии конца 1970-х — начала 1980-х гг. Такое ощущение, что в этот период — до 6-го пленума ЦК КПК XI созыва (июнь 1981 г.) — дискуссии велись практически свободно. Может быть, не все выносилось в открытые издания, но в огромном количестве журналов и бюллетеней, имевших грифы “ограничено распространением внутри страны” и “для

внутреннего пользования”, обсуждались предельно острые или политически неудобные вопросы, в т.ч. о наличии или отсутствии у социализма реальных преимуществ, о возможности экономических кризисов при социализме и т.п.

А в выработке эффективной стратегии экономического развития, поиске оптимальных для Китая путей преобразования хозяйственного механизма и поэтапного осуществления внешнеэкономической открытости страны особо ценную роль сыграли два еженедельника: “Цзинцзисюэ чжоубао” (“Еженедельник экономической науки”, Пекин) и “Шицзе цзинцзи даобао” (“Вестник мировой экономики”, Шанхай). Оба эти издания были закрыты в мае-июне 1989 г. в связи с поддержкой ими требований политической демократизации страны.

О.Н. Борох

Китайские экономисты внесли большой вклад в разработку концепции реформ на рубеже 1970—1980-х гг., эта тема хорошо изучена отечественными учеными, данному периоду развития экономической мысли КНР посвящены многочисленные исследования. Вклад Сунь Ефана, Дун Фужэна, Сюэ Муцяо и других экономистов, выступивших с реформаторскими идеями в начальный период преобразований, в КНР оценивают очень высоко. Вместе с тем, многие реформаторские идеи того времени уже утратили теоретическую актуальность. Марксисты старшего поколения приложили огромные усилия, чтобы вернуть в экономическую науку понятия прибыли, товара, рынка, которые были вытеснены в предыдущие десятилетия догматическим прочтением классиков марксизма. Но сегодня китайская экономическая наука уже состыковалась с мировой, и задача переосмысления “советской парадигмы” утратила актуальность. В прошлом осталась критика централизованного планового хозяйства, постепенно отходит на второй план проблема переходной экономики.

Акцент на связи экономической мысли республиканского периода, 1950-х гг. и наших дней важен не только потому, что отечественные исследователи уделяли этой теме мало внимания, но и потому, что она становится все важнее для самих китайцев. Несмотря на очевидные различия социально-экономических условий первой половины XX в., периода 1950-х гг. и современного Китая, сегодня, как и в те годы, особое значение вновь обретает проблема адаптации зарубежных концепций к условиям Китая, на первое место выходит задача китаизации мировой экономической науки.

Я.М. Бергер

На этом обсуждение первого блока проблем можно считать завешенным и перейти ко второму блоку — политическим и экономическим проблемам современного Китая.

А.Н. Карнеев

Хотелось бы сказать несколько слов о последнем периоде развития КНР, который связан с приходом к власти так называемого “четвертого поколения руководителей”, а также характеризуется существенными подвижками в положении Китая и китайской экономики в мировой системе и, соответственно, в восприятии этого процесса внутри страны и за ее пределами.

За годы работы генсека Ху Цзиньтао и премьера Вэнь Цзябао Китай, действительно, серьезно нарастил совокупную экономическую, военную и комплексную государственную мощь, что дает основание китайским политологам говорить о необходимости выстраивания системы глобального влияния Китая, которая соответствовала бы новой роли КНР в глобальной экономике. Стабильно растущие

расходы КНР на оборону, составляющие ныне свыше 17% ВВП, позволяют говорить о быстром процессе военной модернизации. Весной этого года министр обороны КНР заявил о планах создания авианосцев, подтвердив тем самым рассуждения зарубежных экспертов о намерении страны форсировать создание “флота открытого моря” и проецировать влияние во всех регионах мира. По мнению независимых экспертов, китайская программа в этой области предполагает создание четырех авианесущих групп. Ряд китайских экспертов в области военной стратегии обсуждают необходимость отказа от “устаревшей” теории оборонительной войны, новые сферы ответственности НОАК, которые будут включать не только территориальное пространство страны, но и так называемые “зоны национальных интересов”. Китай успешно реализует свою космическую программу, в качестве цели на ближайшие годы поставлена задача высадки китайского космонавта на Луне. Пекин также объявил в феврале этого года о целом пакете мер информационно-пропагандистского характера, объемом свыше 6,6 млрд долл., направленных на создание глобальных новостных ресурсов на ведущих мировых языках и всемерное продвижение “мягкой силы” Китая.

Вызывает не меньший интерес и проблема отражения современных процессов в идейной и общественно-политической жизни страны. Китайское руководство допускает теперь весьма широкий спектр мнений и дискуссий практически по всем проблемам развития страны, что, видимо, вслед за ростом благосостояния отражает объективный процесс становления более зрелого и плюралистического общества. Но, с другой стороны, оно хотело бы сохранить политико-идеологический баланс в данной непростой ситуации (вызовы мирового кризиса), а в более широкой перспективе — удержать инициативу в формулировании стратегических целей, в нахождении более “китайского” пути модернизации в условиях глобализации, возможно, “альтернативной глобализации”. Появилось даже специальное выражение, отражающее растущее нежелание китайской элиты мириться с идейной гегемонией Запада в условиях подъема китайской мощи и влияния — это лозунг расширения “*хуаюй цюань*” Китая — “права генерировать свои идеи”, “права на свою повестку дня”. Китайская элита, не собирающаяся довольствоваться для страны только ролью “мировой фабрики”, готова бросить вызов “нормативной власти” Запада. Теперь это становится более реальным, чем раньше. Глубина мирового финансового кризиса подорвала казавшееся ранее непоколебимым доверие к тому, что западные модели дают наиболее правильный образец экономического и социального развития. Тупик, в который зашла политика неоконсерваторов из прежней администрации Дж. Буша на Ближнем Востоке и в Африке, дополнительно подчеркивает привлекательность так называемого “Пекинского консенсуса”.

Китайское руководство и политическая элита, которые последние годы только и делают, что дебатировать вопрос о формате и особенностях “подъема страны”, безусловно, с приходом мирового кризиса получили дополнительную передышку, чтобы осмотреться и внимательно проанализировать открывающиеся опции и варианты дальнейшей стратегии.

Тактика администрации президента Б. Обамы, сосредоточившейся на более прагматическом (и даже в каком-то смысле эгоистическом) отстаивании национальных интересов, иногда вразрез с провозглашающимися принципами борьбы с протекционизмом и проч., также усиливает в мире понимание и привлекательность китайской модели.

В 1989 г. после драматических событий на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин выдвинул свою знаменитую формулу из 28 иероглифов, ставшую своего рода дипломатической мантрой пост-дэновского руководства в выстраивании отношений страны с окружающим миром: “хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высовываться, но быть готовым к действиям”. В условиях 1989 г. формула Дэн Сяопина, получившая широкую известность в сокращенном виде как “*тао гуан ян хуэй*” (“скрывать свои возможности и не высовываться”), безусловно, имела свою применимость. Теперь же в китайских СМИ звучат призывы к творческому “преодолению”, “снятию” формулы “дипломатии с поджатым хвостом”. Тем более, что, по мнению ряда китайских ученых, этимология дэновского высказывания намекала на некий стратегический замысел, что вызывало настороженность иностранных партнеров. Похоже, что именно сегодня, в разгар мирового кризиса у китайского руководства появился, наконец, удобный контекст для того, чтобы дипломатия “скрывания своих возможностей и невысовывания” уступила место другим, гораздо более активным формам продвижения влияния Китая в мире. Как отмечают китайские политологи, объем и степень вовлеченности Китая в глобальные проблемы стимулируют такого рода трансформацию. Например, вызвавшие столь большой резонанс китайские предложения о новой наднациональной резервной валюте очевидно отражают крайнюю степень беспокойства относительно того, что может произойти с накопленной Китаем огромной суммой обязательств американского казначейства.

В июне этого года дискуссия вокруг формулы Дэн Сяопина обострилась после выступления в США бывшего посла КНР во Франции, ректора Дипломатического института У Цзяньмина, который заявил, что Китаю нужно придерживаться формулы “скрывать свои возможности и не высовываться” еще как минимум сто лет. На лекции, посвященной 60-летию дипломатии Нового Китая, У Цзяньмин отметил, что сейчас, когда подушевой ВВП Китая составляет только 3 тыс. долл., Китаю не следует прибегать к жестким мерам в отстаивании своих национальных интересов, так как это дополнительно усилит опасения иностранцев в отношении “подъема Китая”. Китайская блогосфера отреагировала на выступление У Цзяньмина волной гневных комментариев, главной темой которых стало развенчание формулы “*тао гуан ян хуэй*” как идеологии современных либералов-западников, стоящих на позициях продажи национальных интересов международному капиталу. По всей видимости, фактор общественного мнения, даже когда оно не соответствует линии официальных властей, будет возрастать в ближайшие годы.

По мере того, как кризис проявляет себя вне и внутри Китая, в интеллектуальных кругах также становится все более оживленной полемика о роли и месте Китая в мире, об отношениях с Западом, дальнейшей стратегии встраивания в глобализацию и мировой порядок и т.д. С другой стороны, феноменом современного Китая стала поляризация идейных позиций среди системных сил, активизация протестных настроений, усилившийся в условиях роста безработицы и прочих социальных проблем интерес в обществе к идеям так называемых “новых левых”.

Феномен “новых левых” проявил себя еще с середины 1990-х гг., однако, их влияние не было слишком сильным, особенно если учесть стремительное экономическое развитие Китая вплоть до начала кризиса. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что идеи, отстаивавшиеся новыми левыми, сейчас наклады-

ваются на широко распространенные чувства беспокойства и социального недовольства в связи с экономической и социальной неопределенностью.

“Новые левые” состоят из нескольких групп интеллектуалов, и среди них тоже есть различные течения — от идей, близких европейской социал-демократии, до постмодернистов, антиглобалистов и, наконец, националистов. Среди “знаковых” фигур этого движения часто называют, например, таких интеллектуалов среднего и молодого поколения, как Цзо Дапэй (сотрудник АОН КНР), Цуй Чжюань (профессор университета Цинхуа), Ван Шаогуан (профессор Китайского университета Гонконга), Гань Ян (Гонконгский университет), Лан Сяньпин (известный экономист и автор популярных телепередач по экономическим проблемам), Вэнь Тецзюнь (профессор Народного университета). Наиболее широко известным представителем течения считается философ и культуролог, профессор Университета Цинхуа Ван Хуэй.

Сторонники течения “новых левых” поддерживают монополию правящей партии. Распад Советского Союза, как правило, вызывающий положительные эмоции у китайских либералов, у левых вызывает противоположные чувства. Они считают этот урок великим предостережением для Китая, который тоже испытывает давление центробежных сил. Лозунг эпохи Дэн Сяопина “стабильность превыше всего” в целом разделяется “новыми левыми”, с подозрением относящимися как к призывам еще больше либерализовать экономическую систему, так и к западным моделям демократической политической системы. Наоборот, некоторые из них считают важным усиливать роль государства в процессе экономических преобразований. Часть “новых левых” хотела бы видеть элементы традиционной китайской культуры и философии в качестве базовых принципов государственного строительства внутри страны и в качестве компонентов новой политической архитектуры на международной арене.

Одним из своеобразных феноменов идейно-политического развития стало возрождение культуры “салонов”, где представители научной и творческой интеллигенции собираются для обсуждения злободневных вопросов, и все желающие могут придти послушать и принять участие в обсуждении. Одним из наиболее известных центров такого рода стала компания “Утопия”, представляющая собой “салон”, дискуссионный клуб, книжный магазин и довольно крупный интернет-сайт с ежедневно пополняемым контентом. Находящаяся в северо-западной части Пекина, в районе Хайдянь, в непосредственной близости от кластера ведущих китайских университетов, “Утопия”, созданная в 2003 г., представляет собой бастион движения “новых левых”. В качестве двух основных принципов, объединяющих авторов, связанных с клубом, “Утопия” называет приверженность социализму и “патриотизм не за госсчет” (*цзыфэй айгочжуи*). Острота полемики, откровенность публикаций, контрастирующих с официозными изданиями, хотя не являются чем-то совсем новым для Китая, но, безусловно, привлекают внимание множества пользователей сети. О накале идейно-политического противоборства в среде китайской интеллектуальной элиты свидетельствует, например, постоянный поток взаимных оскорблений, которыми обмениваются “левые” с такими изданиями, как, скажем, журнал “Яньхуан чуньцю”. Руководство “Утопии” обвиняет своих оппонентов, помимо прочего, в клевете с целью спровоцировать власти закрыть клуб, в попытках расправиться с “Утопией” с помощью оргпреступных группировок и т.д.

Другим набирающим силу течением современной общественной мысли является национализм, иногда выступающий в тандеме или в рамках течения

“новых левых”, но в последнее время все более явственно находящий свое собственное звучание. Заметным событием кризисного 2009 г. стала полемика вокруг вышедшей весной этого года книги “Китай недоволен” (*Чжунго бу гаосин*). Книга уже побилла все рекорды популярности и вызвала немалый международный резонанс. Другой бестселлер последнего времени — книга “Валютные войны” (*Хоби чжаньчжэн*) — разоблачает эгоистическую политику правящих кругов Запада (в первую очередь США) в области международных финансов и тем самым также призывает руководство КНР к более независимой от Вашингтона стратегии.

У наблюдателей, следящих за политическим развитием современного Китая, ажиотаж вокруг книги “Китай недоволен” должен был вызвать чувство *дежа вю*. Чуть больше десяти лет назад почти такой же сенсационный резонанс произвела книга “Китай может сказать нет”, ставшая манифестом так называемой “рассерженной молодежи” (*фэнь цин*). Естественно, что сказать “нет” ее авторы призывали странам Запада, и в особенности — США. Нынешний бестселлер отчасти принадлежит перу тех же авторов, что участвовали в написании “Китай может сказать нет”. Но все же, если в 1996 г. “рассерженные молодые люди” в основном выплескивали эмоции в связи с враждебной позицией Запада по отношению к “подъему Китая”, то нынешняя книга содержит уже более четко артикулированные цели развития “китайского национализма” и задачи “достижения Китаем лидерства” в современном мире. Так, по мнению одного из столпов современного китайского национализма Ван Сяодуна, особой миссией Китая является превращение в сверхдержаву.

Интересно, что хотя острие атак китайских националистов направлено против Запада и его представителей в самом Китае — китайских либералов, авторы книги не отрицают необходимости большей демократии внутри страны. В связи с этим они выдвигают парадигматический лозунг *дуй нэй сю миньцюань, дуй вай чжэн цзуцюань* — “внутри страны отстаивать права человека, за рубежами страны — бороться за права [китайской] нации”. Текст книги наполнен также призывами преодолеть “национальное пораженчество”, бороться с тлетворным влиянием “так называемых элит” (китайских либералов, близких к власти), с “пятой колонной”, занять более твердую позицию по отношению к поддержке Западом так называемых “антикитайских сил”, вести воспитание в плане создания “воинственной нации”, “корпуса героев”, “вести торговлю с мечом в руках”, всемерно укреплять НОАК, которая “должна быть везде, где есть национальные интересы Китая” и т.д.

Официальные китайские СМИ сдержанно комментируют дискуссию вокруг “Недовольного Китая”, большая часть опубликованных материалов содержала оценки вышеуказанных настроений как проявлений молодежного максимализма, “незрелого патриотизма” и “узкого национализма”. Часть комментаторов объясняла подоплеку появления данного политического памфлета “именно в это непростое время” как всего лишь желание извлечь коммерческую выгоду из предшествовавших пекинской Олимпиаде столкновений китайского и западного общественного мнения по поводу бойкота игр, вызвавших серьезный всплеск патриотических и ксенофобских настроений в китайском обществе.

Безусловно, данная полемика показала растущий в нем градус патриотических и националистических настроений в китайском обществе, проявившихся на фоне новой конфигурации мировой политической арены и самоутверждения страны как все более важного и самостоятельного игрока на глобальном уровне.

А.С. Крушинский

Как воспитанники советской школы китаеведения мы обычно уделяем большое внимание партийным и правительственным документам Китая. Демонстрируя искусство чтения “между строк”, углубленно анализируем риторику съездов и пленумов КПК, сессий ВСНП. В отличие от нас западные аналитики не сильны в толковании “социализма с китайской спецификой” или “общества малого благоденствия”, в большинстве случаев равнодушны к идейным новациям относительно “гармоничного общества” или лозунга “основа основ — человек”.

Попытки постичь “китайское экономическое чудо”, игнорируя мотивировки и целевые установки, формируемые непосредственно в Китае, и базируясь на концепциях американско-европейского политического и экономического либерализма, чреваты ошибками. Но этот “неформальный” подход подчас помогает сосредоточиться на фактах, вынести независимые, с “глобальных” высот умозаключения.

Характерный представитель “аналитиков-неформалов” — Найэл Фергюсон. В трех десятках его журнальных, газетных и телевизионных выступлений на китайскую тему, что скопились в моем досье, нет упоминаний о “четырех модернизациях” или “тройном представительстве”, как и комплиментов Дэн Сяопину, но зато выявлен немаловажный аспект “китайского чуда”.

Фрондерствующий ученый, яркий острослов-полюемист (афористичностью смахивающий на Оскара Уайльда), он удостоился места в реестре “ста влиятельнейших персон мира” журнала “Тайм” за 2004 г. (куда из россиян попал лишь В.В. Путин). От коллег снискал противоречивые характеристики (“историк-ревизионист”, “пламенный фальсификатор”, “гуру финансового кризиса”...) К своим 45 годам успел выпустить добрый десяток фолиантов: о первой и второй мировых войнах, о британской и американской империях, двухтомную “сагу” о банкирах Ротшльдах, исследования по истории денег, о финансовой истории мира и пр.

Своим влечением к истории Фергюсон обязан, по его признанию, роману Толстого “Война и мир”, прочитанному еще в годы отрочества. Интересом к Китаю проникся, перебравшись из Англии в США: в 2002 г. он становится профессором истории в Гарварде, а пять лет спустя... “открывает Чимерику” (сконструировано из английских слов China, America). Тем самым он обогатил экономическую науку термином, коего не ведали ни Карл Маркс, ни Адам Смит. Кстати, словотворчество — хобби Фергюсона: изобрел же он, когда писал о Британской империи, словосочетание “англобализация мира”...

Презентация “Чимерики” состоялась в феврале 2007 г. — в статье, написанной совместно с берлинским экономистом Шулариком. Вышла в двух вариантах: научно-публицистическом (в “Уолл-стрит джорнэл”) и сугубо научном — с графиками и математическими выкладками — в сети Интернет. Предпосылкой феномена авторы сочли экономическую глобализацию, лейтмотив которой, по их оценке, — “интеграция массивной азиатской рабочей силы в мировую экономику”.

Плоды этой интеграции авторов изумили, вынудив усомниться в некоторых аксиомах: “образовался огромный перекося в относительной прибыльности труда и капитала; доходность последнего возросла на 25%”. Одновременно обнаружилось нечто несообразное — “вопреки экономической теории, стоимость капитала, измеряемая реальными долгосрочными учетными ставками, стала падать...”.

Вторжением в мировую экономику дешевого, но квалифицированного азиатского (прежде всего, китайского) труда феномен не исчерпывается. “Китай — аккумулируя крупные финансовые резервы и размещая их почти ис-

ключительно в ценных бумагах правительства США — удерживал номинальные и реальные долгосрочные учетные ставки на заниженном уровне. — Продолжают авторы. — Этот “клин” между доходностью и стоимостью капитала, как мы полагаем, в большей степени, нежели избыток ликвидности или дефицит активов, объясняет бум на глобальных рынках активов и нынешний рост покупательской активности” (речь пока что идет о ситуации в “предкризисные” 2005-2006 гг.).

Наукообразная стилистика в обоих вариантах статьи перемежается (что характерно для Фергюсона) с полу-беллетристической. Строки, в которых живописуются реалии “Вест-Чимерики” (США) и “Ист-Чимерики” (Китая), подстать “гулливериаде” Джонатана Свифта:

- вест-чимериканцы — богачи и гедонисты, среднедушевой доход ист-чимериканцев достигает лишь 16% от их уровня;

- обе части Чимерики органично одна другую дополняют: вест-чимериканцы — мастера в управлении бизнесом, в маркетинге и финансах, ист-чимериканцы заняты техникой и производством;

- расточительные вест-чимериканцы ненасытны на всякую всячину (gadgets), массово производимую на Востоке — покупают и покупают, ни единого пенса не откладывая впрок;

- бережливые ист-чимериканцы предпочитают сберегать треть своих доходов и ссужают их вест-чимериканцам, финансируя покупку оными “всякой всячины”, благодаря чему имеют рабочие места;

- тем самым ист-чимериканцы формируют огромный торговый профицит, который тут же возвращается в Вест-Чимерику;

- переводя весь этот профицит через государственные институты в государственные ценные бумаги, Ист-Чимерика стимулирует снижение ключевых долгосрочных учетных ставок в Вест-Чимерике...

Авторы делают оговорку, что Чимерика может рассматриваться как целостная система лишь с экономического, но не с “монетарного” угла зрения: ист-чимериканцы оперируют юанем, вест-чимериканцы — долларом. Но масштаб финансовых операций между ними “достиг уровня, какой бывает лишь внутри национально-государственных границ”.

Свою концепцию аналитики подкрепили остроумным расчетом. Мол, в последние годы (т.е., еще в период перед 2007 г.) золотовалютные резервы КНР росли в среднем на 200 млрд долл. ежегодно, достигнув уровня 40% ВВП. А казначейство США — вкупе с независимыми агентствами — теми же темпами выпускало долговые обязательства с государственным обеспечением (*Treasury Securities + Agency Debt*): 220 млрд долл. в 2005 г. и 195 млрд — в 2006-м. Отсюда вывод: “Введя в расчет размер непогашенной задолженности по этим бумагам по состоянию на конец 2006 г. (около 6 трлн долл.), мы обнаружим, что (если Пекин действительно держит около 90% своих золотовалютных резервов в американских активах), в его владении уже сегодня — 15% всех ценных бумаг, обеспеченных активами США”.

Как видим, термин “Чимерика” не идентичен идее “G-2”, “презентованной” полутора годами позднее в статье директора Института международной экономики им. Петерсона (США) Фреда Бергстена, напечатанной в журнале *Foreign Affairs* (№ 4 за 2008 г.) и сразу же взятой на вооружение Збигневом Бжезинским. Бергстен — Бжезинский ратуют за своего рода американо-китайский союз (экономический и политический), с возможностью его институционального оформления. А Фергюсон — Шуларик схематично описали один из факторов экономической глобализа-

щи, выразившийся в потребительской горячке американцев, подкрепленной тамошними “финансовыми пузырями” а также в дешевизне труда в Китае и других странах Азии (породивших своего рода “пузырь ширпотреба”).

Плюсы и минусы обнаруженного ими финансово-экономического симбиоза Фергюсон с Шулариком оценивают через специфику учетных ставок, “кривые” доходности и стоимости капитала, объемы “бездействующей” денежной массы, ценность “ценных бумаг”. Нить их логики способна завести в странные лабиринты: вплоть до подозрения, будто американская валютная пирамида — чуть ли не “китайской бережливостью” порождена. Это, впрочем, Фергюсон сам же заблаговременно отверг — в пророческой статье для “Нью-Йорк таймс” с предсказанием нынешнего кризиса (апрель 2003 г), озаглавленной: “Истинная цена гегемонии — огромные долги”:

“В пору расцвета европейских империй, когда Британия контролировала большую часть Ближнего Востока, предполагалось, что господствующая держава должна быть кредитором, а не должником. Гегемония власти означала также гегемонию денег. Однако сегодня Америка, свергающая “режимы-изгой” — сначала в Афганистане, теперь в Ираке — самый большой в мире должник... Что, если иностранные инвесторы решат сократить свои доли в американской экономике, обменяв доллары на крепнущие евро? Иностранные инвесторы сейчас претендуют примерно на 8 трлн финансовых активов Америки”.

Но неведение о съездах и пленумах КПК, об ее идеологических кампаниях (как и о жизни китайцев) дало о себе знать. Как свои пять пальцев постигнув реалии “Вест-Чимерики”, Фергюсон об “ист-чимерицианах”, не будучи синологом, судит поверхностно. Все ли они, как на подбор, бережливы? Если бы было так, то каким образом тамошние рекламные компании только за 2008 г. заработали... 190 млрд юаней (27,8 млрд долл.)? Вестернизированных “гедонистов” — и в Китае хоть отбавляй, причем нормы общества потребления там поощряются сверху. В ходу изощренные меры — макроэкономические и пропагандистские — чтобы население не хранило деньги в банках, но как можно активнее тратилось на товары и услуги: в этом, мол, таится рычаг экономического роста. (“Тратьте, тратьте, тратьте!” — призывала сограждан на пике нынешнего кризиса пекинская англоязычная газета “Чайна дейли”). Бережливость, принесшая рекордные золотовалютные резервы Китая, следовательно, — не природное свойство “ист-чимерицианцев”, но один из факторов внешнеэкономической партийно-правительственной стратегии КНР.

Есть, впрочем, в анализе Фергюсона пробелы посерьезней.

В 1997 г. вышла его “Виртуальная история: альтернативы и контр-факты” (“Virtual History: Alternatives and Counterfactuals”). Каждая глава — есть эссе о каком-то известном историческом событии с попыткой уяснить, каким стал бы ход истории, если бы оно получило альтернативный поворот (*Какой могла бы стать английская Америка, не случись Американской революции? Что, если бы немцы вторглись в Англию в 1940 г... или если бы Джон Кеннеди остался жив? Как повернулась бы мировая история — не случись в 1989 г. “коллапса коммунизма”? И т.д.*) В некоторых случаях такие экскурсы в прошлое помогают точнее оценивать настоящее...

Задайся Фергюсон вопросом, как могла бы выглядеть сегодня “восточная часть Чимерики”, не случись распада СССР, он обнаружил бы дополнительные (сверх трудолюбия “ист-чимерицианцев” и дешевизны “азиатского труда”) причины замечательной конкурентоспособности Китая на внешних рынках (как и его внутренней стабильности) — особое преимущество, какого не имеют ни Индия,

ни Малайзия, ни Вьетнам (где рабочая сила тоже дешева). Благодаря огромной протяженности границы с Россией и странами Средней Азии (и хаосу, воцарившемуся на этом пространстве после распада СССР) там открылись необъятные рынки для китайского ширпотреба (даровавшие “ист-чимерицам” миллионы рабочих мест) и... источники очень дешевого сырья.

Таким образом, из-за незнания реалий Китая и его соседей тандем аналитиков упустил из виду немаловажное обстоятельство: “удешевление капитала” в рамках феномена “Чимерики” обусловлено дешевизной не только “азиатского труда”, но и... сырьевых ресурсов постсоветского пространства, что вскрывает роль России и ряда других стран СНГ в нынешнем “экономическом чуде” КНР — втором в ее 60-летней истории.

Первое из них, выразившееся в стремительном восстановлении народного хозяйства и достижениях 1-й пятилетки, имело место на заре Нового Китая и было нераздельно с щедрой помощью СССР. “Чуду № 2” содействуют Россия и другие “осколки” СССР, “щедрость” коих есть уже не плод осознанной политики, но результат неблагоприятного для них стечения исторических обстоятельств. Как бы то ни было, и к феномену “Чимерики” мы, оказывается, причастны (чего ее “первооткрыватели”, не будучи синологами, не заметили).

Я.М. Бергер

Экономические достижения КНР за годы ее существования, прежде всего за последние три десятилетия реформ и открытости, можно кратко суммировать следующим образом:

- Созданы основы многоукладной рыночной экономики. Роспуск народных коммун и замена их семейным подрядом сформировали мелкокрестьянскую экономику в деревне. Реформирование государственных предприятий повысило их самостоятельность и эффективность как субъектов рынка. Становление негосударственных секторов способствовало развитию внутренней конкурентной среды и расширению эффективной занятости. Привлечение в страну иностранного капитала укрепило позиции КНР на мировых рынках, стимулировало технологический прогресс.

- Частично сформирован рынок факторов производства, включая рынки труда, капитала, технологий, информации. В меньшей степени сфера его действия распространяется на землю и финансовые ресурсы.

- Намного повысилась роль рыночного механизма ценообразования. В сфере государственного контроля остаются лишь процентные ставки, тарифы на электроэнергию и воду, цены на нефтепродукты и коммунальные услуги, тогда как на подавляющее большинство товаров и услуг цены определяет рынок. Макроэкономическое регулирование государство осуществляет, опираясь, главным образом, на бюджетную и монетарную политику. Директивное планирование сменилось планированием индикативным и программированием.

- Достигнуты высочайшие темпы экономического развития на протяжении длительного исторического периода. С 1978 по 2007 гг. они составили 9,8%, что более чем втрое выше, чем в среднем по миру. В результате китайская экономика переместилась с десятого места в мире на четвертое, после США, Японии и ФРГ. При этом с ФРГ Китай практически сравнялся, а Японию он настигнет в течение одного-двух лет. В долларовом выражении объем ВВП в Китае составляет 23% от объема ВВП США, 74,9% от ВВП Японии и 99,5% от ВВП ФРГ. Доля Китая в мировом ВВП повысилась с 1,8% до 6,0%. По многим показателям производства Китай вышел на первое место в мире.

- Объем товарного экспорта и импорта возрос с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 2173 млрд долл. в 2007 г., или в 105 раз, что позволило Китаю выйти на третью позицию в мире, а по объему золотовалютных ресурсов, достигших в 2008 г. почти 2 трлн долл., — на первое место.

- Китай стал мировой фабрикой. Быстро развиваются многие высокотехнологичные, наукоемкие отрасли производства, космонавтика.

- Намного повысился материальный уровень жизни народа. Численность населения, живущего в условиях абсолютной нищеты, сократилась более чем десятикратно: с 250 млн чел. до 20 млн.

- Коренным преобразованиям подверглась система распределения. Наряду с распределением по труду действует распределение по другим факторам производства: капиталу, обладанию технологиями, управлению.

Потенциал дальнейших перемен в экономике и общественной жизни страны, в ее взаимоотношениях с внешним миром далеко не исчерпан. С началом XXI в. Китай вступил в новый этап своего развития, для которого характерны и новые, возросшие возможности, и новые вызовы и риски. Все они требуют неординарных, инновационных решений и новых реформ. Их конкретное содержание будет определяться в пошаговом режиме, с учетом многих привходящих обстоятельств. Загодя можно лишь назвать основные реперные точки, от которых станет формироваться будущий курс, и некоторые жизненно важные для страны балансы, которые он ни при каких условиях не может нарушить. Вот некоторые из них.

- *Демографическая политика.* В связи со старением общества и сокращением занятости нагрузка на работающее население, начиная с 2013 г., начнет возрастать. Однако, нынешний курс, направленный на сдерживание демографического роста, будет, скорее всего, в основном продолжен, хотя некоторые послабления, не меняющие основные позитивные и негативные эффекты, возможны.

- *Занятость.* Обеспечение работой многомиллионного населения — одна из важнейших задач экономической стратегии Китая. По самым оптимистичным прогнозам, при сохранении нынешнего показателя эластичности занятости (отношение темпов роста рабочих мест к темпам роста ВВП) на уровне 0,1 дефицит рабочих мест в 2010—2020 гг. будет не меньше 40 млн. Избыток рабочей силы — мощный дополнительный стимул для перестройки отраслевой структуры экономики в пользу развития сектора услуг.

- *Темпы роста.* Высокая динамика китайской экономики достигнута в значительной степени ценой очень больших материальных и нематериальных затрат. В дальнейшем темпы придется понизить, как минимум, в полтора раза, но они не должны быть ниже 7—7,5%, чтобы не обострить проблему занятости, не затормозить урбанизацию и рост благосостояния населения.

- *Двигатели роста.* Главными двигателями роста наряду с инвестициями и экспортом все больше выступают внутренний спрос и научно-технический прогресс. Важнейшее значение приобретают вложения в человеческий капитал, повышение качества рабочей силы. Основным потребителем товаров и услуг становится городской средний класс, который нередко рассматривается как экономическая и политическая опора режима.

- *Социальные программы.* Китай довольно долго уделял социальной защищенности населения сравнительно скромную часть своих ресурсов. Сегодня появилась возможность и готовность несколько выправить ситуацию. КНР предстоит стать действительно социальным государством, остановить углубление со-

циальной дифференциации, обеспечить, “совместную зажиточность” и построение “гармоничного общества”, обещанные XVII съездом КПК.

- *Деревня.* Центральным звеном в строительстве “общества среднего достатка” и “гармоничного общества” является развитие деревни. Требуется, во-первых, резко сократить численность населения, занятого в сельском хозяйстве, переместив преобладающую часть в отрасли с более высокой производительностью труда, и, во-вторых, принципиально изменить условия труда и производства для остающейся части сельскохозяйственного населения таким образом, чтобы его производительность не уступала городскому. На выполнение этой задачи понадобится, скорее всего, не менее полувека.

- *Бедность.* Несколько сотен миллионов человек, прежде всего в деревне, относятся к категории бедного или получающего низкие доходы населения. Поэтому преодоление бедности в Китае, несмотря на большие успехи в ее сокращении, нельзя еще считать завершенным, особенно в отсталых и отдаленных районах

- *Ресурсы и экология.* Одна из важнейших задач экономической стратегии на перспективу — существенное сокращение потребления энергии в расчете на единицу ВВП и уменьшение загрязнения окружающей среды. Для решения этой задачи будет задействована значительная часть научно-технического потенциала.

- *Земля.* Поступательная урбанизация и связанное с ней расширение площади городской и дорожной застройки оказывают растущее давление на существующий пахотный фонд. Это, с одной стороны, ведет к обезземеливанию части крестьян, а с другой — может подорвать продовольственную безопасность. Спекуляция землей стала за последние годы одним из главных источников легального или нелегального обогащения и коррупции. Поэтому сохранение пахотного фонда в условиях рынка и интенсивной урбанизации представляет собой непростую задачу.

- *Регионы.* Проблема выравнивания условий развития в территориальном разрезе сохранит свое значение на достаточно долгий срок.

Дальнейшее развертывание экономической стратегии Китая неуклонно усиливает ее геополитические аспекты. Поле для возможных трений и конфликтов расширяется. Увеличение территориального ареала для развития китайской экономики далеко за ее государственными границами обуславливает необходимость наращивания военного потенциала, особенно военно-морского флота и авиации, что неизбежно повышает настороженность конкурентов. Обостряется соперничество на мировых рынках энергии и сырья, товаров и услуг, капитала и рабочей силы. Все это усиливается по мере выдвигания Китая на позиции ведущей мировой державы. В Китае все чаще говорят о возможности не только вооруженных конфликтов, но и полномасштабной войны. При этом угрозы усматриваются как со стороны Запада, так и со стороны других крупных стран АТР — Индии, Японии, с которыми у Китая сохраняются территориальные и иные споры. Китай, несомненно, нуждается в сохранении мирной обстановки для поддержания своего долговременного устойчивого развития. Однако обеспечить ее будет нелегко. Многие китайские аналитики постоянно напоминают о том, что аналогичные смены мировых лидеров в прошлом не обходились без серьезных потрясений.

Теперь мы можем постепенно перейти от внутривнутриполитических и экономических сюжетов к проблемам международных отношений и внешней политики.

С.Г.Лузянин

В публицистическую и популярную литературу прочно вошел термин “китайское экономическое чудо”, под которым подразумевают успешную реали-

зацию китайским руководством, начиная с 1978 г., стратегии реформ и открытости. Мировая экономика знала внешне схожие явления, связанные с “японским экономическим чудом” 60—70-х гг. XX в., развитием новых индустриальных стран “первой волны” (НИС — 1) — Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Тайвань в 80-е годы и “второй волны” (НИС — 2) — Таиланд, Индонезия, Филиппины, Малайзия в 1990-е гг., быстрым экономическим развитием ряда стран Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Чили). Вместе с тем, очевидно, что китайская экономическая модернизация по масштабам, методам реализации, характеру преобразований, целям и ресурсам принципиально отличается от мирового опыта экономических “прорывов”. В настоящее время, в условиях негативного воздействия мирового финансового кризиса на ведущие страны, КНР, находясь под его влиянием, демонстрирует эффективную стратегию противодействия кризису, основанную на поддержке реальной экономики у себя в стране, развитии инфраструктуры, социальной сферы.

Важным в данном контексте представляется развитие концепции социализма и ее интерпретации на различных уровнях в Китае. Составной ее частью являются доктрины видных современных китайских политиков — бывшего руководителя Китая Цзян Цзяминя (теория “трех представительств”) и нынешнего председателя КНР и Генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао (“научная концепция развития”). Одновременно среди китайских ученых и экспертов идет оживленная дискуссия по поводу сроков, содержания и основных приоритетов строительства социализма с китайской спецификой.

Эпицентр данного теоретического дискурса, как известно, сложился вокруг проблемы соотношения между “социализмом” (*шэ*) и “капитализмом” (*цзы*) в современном Китае. XVII съезд КПК подтвердил тезис о том, что построение социализма с китайской спецификой увязывается с выполнением трех “великих исторических задач”: 1) осуществлением модернизации; 2) завершением воссоединения Родины; 3) защитой мира во всем мире при стимулировании совместного производства.

Научная концепция развития официально объявлена основой построения в Китае мощного, богатого, гармоничного социалистического общества. Одновременно выдвижение этой концепции означает появление новых акцентов и интерпретаций в реализации стратегии реформ — отход от односторонних экономических приоритетов и переход к более гармоничной политике, которая во главу угла ставит “человека как основу основ” и требует всестороннего гармоничного и устойчивого развития. Можно сказать, что тезис о “научной концепции развития” — это системный взгляд на возникшие в ходе проведения политики реформ и открытости проблемы, продуманная реакция ЦК КПК на дальнейшую стратегию и тактику развития КНР.

Суммируя 30-летний путь экономических реформ в КНР, можно определить следующие ключевые позиции по данному вопросу.

Во-первых, проблема повышения конкурентоспособности китайской экономики на международном рынке через дальнейшее реформирование внешней торговли и создание экономики “открытого типа”. В условиях воздействия мирового финансового кризиса этот процесс имеет свою специфику. Тем не менее, реформирование внешней торговли в Китае позволило избежать неконтролируемой либерализации валютных операций, которые в странах СНГ и Восточной Европы, как известно, привели в условиях гиперинфляции к вытеснению национальных валют и изменению валютной структуры сбережений в пользу ино-

странной валюты. В целом система регулирования внешней торговли в Китае к настоящему времени стала значительно либеральнее и прозрачнее, чем в предыдущий период. Однако Китай сохранил часть инструментов административного регулирования в области внешней торговли, а также часть экономических регуляторов, позволяющих ему маневрировать в условиях либерализации внешней торговли и включения в глобальные экономические и интеграционные процессы.

Во-вторых, темпы экономического роста сами по себе неспособны обеспечить устойчивое развитие, разрешить нарастающие противоречия. В нынешних условиях финансового кризиса экспортно-ориентированная модель развития Китая будет существенно видоизменяться. Очевидно, что одновременно с сокращением китайского экспорта на американском, европейском и азиатском направлениях усиливается внимание к развитию внутренних рынков, собственных инноваций. Прежний курс постепенно дополняется стратегией современного новоиндустриализма, которая во внешнеэкономической области подразумевает использование интенсивных факторов роста, формирование "новой экономики", базирующейся на знаниях и собственной инновационной составляющей.

В-третьих, возникает вопрос об оптимальном сочетании этатизма (степени участия государства в экономике) и рыночных механизмов в развитии экономики и постиндустриального общества. Реформа системы собственности — не самоцель, скорее метод, а изменения в этой системе будут происходить и дальше при важнейшей регулирующей роли государства. Проблема в том, какая стратегия, в конечном счете, возобладает в долгосрочной перспективе (на ближайшие 50 лет развития). Можно ли говорить о перспективах полной либерализации Китая и встраивании его в мировую рыночную систему или сохранении баланса (компромисса) между государственным (социалистическим) этатизмом и либеральным проектом. Думается, что государственно-этатистские тенденции, с учетом опыта нейтрализации последствий кризиса, в китайской экономике будут усиливаться.

Из современных внешнеполитических аспектов следует выделить сложившийся формат российско-китайских отношений, глобальный контекст которых в настоящее время просматривается по всем вопросам "мировой повестки" — от борьбы за многополярность до вопросов климатических изменений, противодействия росту традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз. Частью "глобальной повестки" является вопрос о влиянии американского фактора на российско-китайские отношения и перспективах развития "треугольника" Россия — США — Китай. Этот вопрос имеет разные интерпретации и варьируется среди экспертов в широком спектре мнений и оценок, от концепции возможности "политического сдерживания" американского гегемонизма Россией и Китаем до "теории" неизбежного конфликта в данном "треугольнике", либо по линии КНР — США, либо по линии российско-американских отношений. Попытки новой американской администрации Барака Обамы разыграть российскую "карту" против Китая также исключать нельзя. Как нельзя исключать и возможности обострения китайско-американских отношений в условиях углубления влияния мирового финансового кризиса, несмотря на демонстрацию обеими сторонами политических и экономических успехов в рамках сложившегося стратегического диалога.

Региональные измерения российско-китайского партнерства можно представить форматом РИК — трехсторонним российско-китайско-индийским партнерством, а также моделью ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). В отличие от "треугольника" Россия — Индия — Китай ШОС представляет офи-

циальную международную организацию, региональную структуру взаимодействия, которая не является военным союзом и в отличие от НАТО не имеет обязательств по взаимной обороне. Центральная Азия становится одной из основных арен экономического, геополитического и военного соперничества ведущих мировых держав. Среди российских и китайских экспертов все чаще звучат мнения о необходимости уделить особое внимание повышению роли организации в обеспечении обороны и безопасности ее учредителей.

Сотрудничество России и Китая в АТР также носит региональный характер и проявляется во взаимодействии в АТЭС, использовании Россией китайского опыта проектов АСЕАН+3 и АСЕАН+1 (Китай), а также относительно нового проекта Китай — Япония — Южная Корея. Однако существует ряд препятствий для более активной интеграции России, в том числе созданных искусственно рядом западных стран (США) и их военно-политических союзников в Азии. Так, Россию не первый год исключают из списков кандидатов на вступление в форум лидеров “Азия — Европа” (АСЕМ — структуру, объединяющую ЕС и 10 стран АТР, включая Китай, Японию и Южную Корею). Недопущение РФ в форум выглядит явно несправедливым, поскольку именно российское государство в географическом и цивилизационном отношении является реальным (евразийским) мостом, соединяющим Европу и Азию.

Ю.А.Дубинин

Китайская Народная Республика встречает свое 60-летие серьезными успехами в различных сферах государственной деятельности. Не является исключением и внешнеполитическая сфера, где достижения КНР особенно заметны. Сегодня Китай — один из ведущих глобальных игроков, чье присутствие отчетливо проявляется в таких разнообразных сферах международной деятельности, как обеспечение международной безопасности, международное сотрудничество, ограничение гонки вооружений, активное участие в формировании международных организаций и институтов. Китайские политологи в современном дискурсе делят 60-летнюю историю Народной Республики на два равных 30-летних отрезка (до и после начала китайских реформ). Это, возможно, и справедливо с точки зрения социально-экономического развития страны, однако, внешняя политика Китая за 60 лет прошла через значительно большее количество этапов, совершила немало крутых разворотов, о чем на сегодняшнем круглом столе ярко и убедительно рассказал академик М.Л. Титаренко.

Не вдаваясь в детали и подробности эволюции каждого из направлений внешней политики КНР, о чем уже написаны тома монографий в нашей стране и за рубежом, хотел бы сегодня предложить сопоставить внешнеполитические параметры Китая, какими они были 60 лет назад и какими являются теперь, чтобы оценить в полной мере характер и масштабы произошедших перемен.

Внешиеполитический потенциал. Народная революция 1949 г. победила в стране, подвергавшейся внешней агрессии с 1931 г. и с тех пор непрерывно воевавшей (сначала — война сопротивления японской агрессии, затем — ожесточенная междоусобная гражданская война). Многолетние боевые действия на территории Китая привели к существенным разрушениям производительных сил, уровень развития которых и без того был невысок, а также всей инфраструктуры страны. На многие годы были прерваны хозяйственные и иные связи между регионами, контролировавшимися воевавшими между собой армиями японских оккупантов, Гоминьдана и КПК.

Победивших в гражданской войне китайских коммунистов поддержал обескровленный в страшной схватке с фашистскими агрессорами Советский Союз, в то время как гоминьдановцы, получавшие поддержку США — самой мощной и богатой державы мира, ее проиграли. “Потеря Китая”, как сетовали американские правые, вызвала к жизни ожесточенное американо-китайское противостояние, продолжавшееся более двадцати лет.

При этих обстоятельствах КНР приходилось компенсировать недостаточность собственного внешнеполитического потенциала за счет опоры на другие силы. Сначала это реализовалось путем заключения союзного договора с СССР. До определенного времени советско-китайский союз обеспечивал желанную для руководителей КНР безопасность, стабильность и динамику развития страны. Однако чрезмерные амбиции толкнули китайских руководителей на поиск дополнительного внешнеполитического ресурса. Они попытались нарастить его за счет достижения ведущей роли в международном коммунистическом движении, затем в рамках “доктрины трех миров” боролись за то, чтобы стать выразителем интересов национально-освободительного движения и чаяний развивающихся государств. Тем не менее, подобная активность не давала желаемых результатов. Не привели к повышению внешнеполитического потенциала КНР и попытки ее руководства поиграть на межсистемных противоречиях между социализмом и капитализмом в 70-х — начале 80-х гг. прошлого столетия.

Только принятая 30 лет назад программа модернизации страны и ее внешнеполитический аспект, сформулированный XII съездом КПК как курс мира и развития, создали благоприятные условия для постепенного, неуклонного наращивания внешнеполитического потенциала КНР на долгосрочной основе. Китайские руководители пришли к выводу, что только укрепление экономического потенциала страны, рост национального богатства, улучшение качества жизни населения и консолидация на этой основе китайского общества могут обеспечить стране достойное место в международных отношениях, превратят Китай в мощного, солидного субъекта на региональной и глобальной сцене. Сегодня мы можем констатировать появление в глобальных и региональных международных отношениях важного, крупного игрока, с достоинством и последовательностью прокладывающего свой внешнеполитический курс, игрока, с которым стремится строить хорошие, дружественные отношения подавляющее большинство государств.

Благодаря возросшему внешнеполитическому потенциалу Китайская Народная Республика неуклонно превращается из значительной региональной державы в весомый глобальный фактор, играющий все более заметную роль в решении острейших международных вопросов. Вместе с тем, необходимо отметить: на нынешнем этапе своей внешнеполитической деятельности Китаю явно недостает практического опыта участия в решении проблем глобального характера, хотя руководители страны в последнее время активно компенсируют это путем включения в деятельность ряда двусторонних и многосторонних структур (диалог с США, Евросоюзом, Японией, АСЕАН, Россией, деятельность Шанхайской организации сотрудничества, участие во встречах “G-8+” и “G-20”, создание БРИК и других).

Международная среда. Аналогичным образом можно констатировать значительные изменения, произошедшие в международной среде, в которой КНР действовала 60 лет тому назад и действует сегодня. Биполярная конструкция мира в эпоху “холодной войны” диктовала жесткие правила международного пове-

дения. Руководителям КНР неизбежно приходилось учитывать эти правила при формулировании линии своей внешней политики. Выбор в пользу создания общества, построенного на основе социалистической модели, и необходимость опереться на тесный союз с СССР предопределили на тот момент место Китая в системе международных отношений. В обстановке разгоравшейся “холодной войны” КНР пришлось взять на себя немало сложных внешнеполитических и стратегических решений, вытекавших из алгоритма блоковой дисциплины и командных действий. Одним из важнейших шагов такого рода было участие китайских народных добровольцев в войне на Корейском полуострове в 1950—1953 гг.

Хотя китайское руководство экспериментировало в поисках господствующих позиций в развивающемся мире (конец 1950-х — начало 1970-х гг.), оно все же продолжало позиционировать себя в качестве составного элемента системы социалистических государств. В частности, оно твердо встало на сторону вьетнамского народа, сражавшегося против агрессии США, и оказало Вьетнаму существенную военную и экономическую помощь.

Дальнейшие внешнеполитические маневры КНР объективно способствовали — помимо других факторов международной жизни — размягчению жесткой двухполюсной конфигурации мира, что позволяло Пекину играть с Москвой и Вашингтоном в системе “стратегических треугольников”. Однако по причине несопоставимости внешнеполитического потенциала Китая с США и СССР, в то время Пекину в этой игре не удавалось приобрести сильные, лидерские позиции, он не мог определять характер и правила игры. Кроме того, лидеры западных государств продолжали с недоверием относиться к КНР, рассматривали (и продолжают рассматривать) существующую там политическую систему как трудно совместимую и потенциально антагонистичную западным политико-экономическим и гуманитарным ценностям. Не желая превращаться в орудие более сильного (американского) партнера, опасаясь, что они могут стать объектом чужих внешнеполитических манипуляций, китайские руководители провозгласили курс на независимость и самостоятельность своей внешней политики, заявляя, что Китай никогда не будет союзником какой-либо крупной державы.

С распадом биполярного мира заметно изменилась и современная международная среда. Она становится достаточно комфортной и позволяет КНР всесторонне использовать свои естественные преимущества. С одной стороны, с прекращением политико-идеологической и военной межсистемной конфронтации снижается ценность фактора военной силы, в котором Китай традиционно уступал крупнейшим мировым державам, и появляются возможности довольно свободного внешнеполитического маневрирования в пределах определенных “правил игры”, чем активно пользуется КНР. С другой стороны, бурно развивающиеся на рубеже веков процессы глобализации позволяют современному Китаю широко использовать такие его конкурентные преимущества, как огромные трудовые ресурсы, достаточно хорошо развитые торгово-экономическая и финансовая системы, экономическая активность китайского государства и бизнеса, значительные накопленные госрезервы и ряд других факторов. Важную роль в открытом глобализованном мире играют многочисленные китайские диаспоры, а также вошедшие в конце XX в. в состав КНР Гонконг и Макао с их высокоразвитыми финансовыми и бизнес-структурами. И хотя временами представители Запада бросают в адрес Китая упреки в не вполне этичной деловой практике, в целом по-

ведение Китая в современном мире в полной мере отвечает нормам формирующейся международной среды.

Внешнеполитические задачи КНР. Сегодня, в условиях изменившихся внешнеполитических ресурсов КНР и кардинально трансформировавшейся международной среды китайское руководство формулирует свои внешнеполитические приоритеты на XXI в., которые, как представляется, по-прежнему лежат в следующих основных плоскостях: аспекты безопасности, аспекты развития и аспекты сотрудничества.

В условиях биполярного мира КНР постоянно пребывала в состоянии ожидания угрозы своей безопасности (реальной либо кажущейся): то со стороны "американского империализма и японского милитаризма", то "с Севера". На современном этапе ощущение внешней угрозы по большому счету ушло из китайского внешнеполитического дискурса. Сегодня в центре внимания руководства КНР стоит активное участие в формировании неантагонистической системы международной безопасности в регионе Восточной Азии и бассейне Тихого океана (с особыми подходами к субрегионам Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии), где Китаю была бы обеспечена центральная роль и где он занимал бы лидирующие позиции. Растет внимание руководства страны и к вопросам обеспечения безопасности на западном направлении, что находит свое проявление в активизации сотрудничества в рамках ШОС и диалога в формате РИК (Россия—Индия—Китай). Наряду с региональным измерением безопасности КНР начинает уделять внимание и глобальным аспектам. Как отмечалось выше, Китай все более активно вовлекается в диалоги по различным сторонам глобальной безопасности. Здесь и проблемы нераспространения оружия массового уничтожения (шестисторонние переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова, дискуссии по иранской ядерной проблеме), инициативы по демилитаризации космического пространства, обсуждение проблем глобальной финансовой стабильности, экологической безопасности и многое другое. Несмотря на несколько запоздалое обращение к глобальным проблемам, руководство КНР явно наверстывает упущенное и на глазах превращается в активного и влиятельного участника глобальных процессов.

Вопросы развития неизменно волнуют и будут волновать руководство КПК, поскольку именно по этим проблемам проходили наиболее жаркие внутренние дискуссии в стране. Однако сегодняшний Китай позиционирует себя как всесторонне и динамично развивающееся общество, глубоко вовлеченное в глобальные экономические процессы. Более того, весь мир внимательно наблюдает за действиями правительства КНР в развитии своей экономики, поскольку от того, как она поведет себя, во многом будет зависеть, насколько успешно и быстро глобальная экономика сможет оправиться от тяжелейшего кризиса. Эта ситуация разительно контрастирует с картиной, существовавшей после образования КНР, когда само выживание республики прямо зависело от срочного получения помощи извне. Именно Советский Союз, другие страны социалистического лагеря оказали в тот момент неоценимую поддержку народу Китая, которая помогла ему в итоге успешно стартовать к экономическому процветанию.

Сегодня КНР решает проблемы своего развития прежде всего за счет резко возросших внутренних ресурсов; кроме того, страна активно вовлечена в мировую экономику и является одной из ведущих торговых держав мира, крупнейшим держателем золотовалютных резервов. Сложившаяся в КНР модель требует для ее

дальнейшего совершенствования, сохранения и расширения долгосрочного диверсифицированного международного сотрудничества без конфликтов и конфронтаций.

В результате проводившейся правительством Г. Трумэна политики Китайская Народная Республика в момент своего образования оказалась практически изолированной почти от всего западного мира. Даже в регионе Восточной Азии большинство государств под давлением США отказывались признавать КНР и вести с ней политические и торговые дела. Такое положение привело к тому, что лидеры КНР, по сути, были вынуждены сделать выбор в пользу определенной модели сотрудничества и определенных партнеров. Как показало время, своим выбором китайские руководители оказались не вполне довольны и вскоре начали активно разрабатывать альтернативные варианты партнерства. К тому же, на первом этапе своего развития Китай в силу собственного экономического положения не мог предложить формулу равноценного сотрудничества, выступая, по существу, в качестве государства-реципиента.

Ныне, благодаря своим экономическим достижениям и активной внешнеполитической деятельности, КНР не испытывает недостатка в желающих сотрудничать с ней — как из числа государств различных регионов мира, так и со стороны крупнейших представителей мировой бизнес-элиты. Сегодня Китай в состоянии сам сегодня определять круг своих партнеров и условия сотрудничества с ними. Страна из государства-реципиента превращается в государство-донора, оказывает существенную помощь многим развивающимся странам, активно участвует в формировании повестки и разработке правил международного сотрудничества.

А.С. Давыдов

Анализируя итоги и перспективы развития КНР за прошедшие шесть десятилетий и отмечая 60-ю годовщину установления дипломатических отношений между нашими странами, не следует забывать еще об одной юбилейной дате: в начале нынешнего года исполнилось 30 лет установления официальных дипломатических связей между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки. Причины того, почему Америка и Китай установили официальные отношения спустя целых три десятилетия после образования КНР, известны и исследованы достаточно подробно. Если охарактеризовать их буквально несколькими словами, то можно сделать вывод, что обе стороны в этом вопросе стали заложниками как внешних, геополитических и идеологических факторов, так и их собственных внутренних обстоятельств.

Завоевание компартией власти в Китае происходило на фоне острого политико-идеологического и военного размежевания между СССР и США, бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, последовавшего вскоре после окончания второй мировой войны. Антикоммунистическая истерия и разгул маккартизма в Соединенных Штатах по существу исключили возможность уже готовившегося признания американским правительством нового китайского руководства на материке.

С другой стороны, ситуация внутри КПК в тот период сложилась таким образом, что, как явствовало из рассекреченных в конце 1980-х гг. политических документов китайского руководства, "из-за международного окружения и по причинам исторического характера Китай на первое место поставил в то время развитие отношений с Советским Союзом и со всеми странами народной демократии" ("Хунци". 1988. № 6. С. 27—28). Кроме того, в области установления дипломатических отношений со странами с другим, отличным от КНР общественным строем Мао Цзэдун выдвинул два четких принципа: "1) эти государства должны

прервать отношения с гоминьдановским правительством; 2) необходимо путем определенных переговоров четко устанавливать дипотношения" (там же). Вашингтон же сохранял дипломатическое признание и поддержку гоминьдановского режима на Тайване, поэтому установление официальных отношений между КНР и США в этих условиях не представлялось возможным.

Таким образом, несостоятельны рассуждения о том, что препятствием к налаживанию отношений США с правительством нового Китая стал якобы СССР, "купивший" Мао Цзэдуна посулами масштабной помощи и дешевых кредитов. Определяющее влияние на политику американского правительства и общественное мнение страны в то время оказывали силы внутри и вне США, тесно связанные с гоминьдановской верхушкой, с которыми был вынужден считаться Белый дом.

Цепь последующих событий во взаимоотношениях двух стран, включавшая войну в Корее, кризис в Тайваньском проливе, попытки США и их союзников организовать дипломатическую "блокаду" КНР, недопущение ее на протяжении двух с лишним десятилетий к участию в работе ООН и ее Совета Безопасности, лишь усугубили напряженность и накалили враждебность между Америкой и Китаем.

Что касается периодизации 60-летней истории отношений КНР и США, то она, казалось бы, вполне органично распадается на два этапа:

- 1) Первые 30 лет (1949—1978) — без взаимного дипломатического признания;
- 2) С 1979 г. по настоящее время — в формате установления, поддержания и развития официальных политических, торгово-экономических, военных, дипломатических и иных связей.

Однако, такая периодизация, на наш взгляд, будет не совсем точной, ибо не вполне передает динамику качественных и количественных изменений параметров двусторонних контактов. Правомерным, как представляется, был бы несколько иной подход, при котором эти этапы включали:

- 1) 1949—1968 гг. (т.н. "докиссинджерровский период")
- 2) с 1969 г. по сегодняшний день, поскольку именно на протяжении последних 40 лет качественные характеристики китайско-американских отношений кардинально поменялись с "минуса" на "плюс", и они, несмотря на "зигзаги" и временные "откаты", в целом развивались и продолжают развиваться по нарастающей.

В советской историографии достаточно широко была представлена точка зрения, согласно которой сближение США с Пекином произошло исключительно на почве общего для них антисоветизма. Безусловно, китайско-советский раскол сыграл определенную роль в стимулировании интереса в политических кругах США к установлению контактов с Пекином, особенно после известных столкновений 1969 г. на советско-китайской границе. Но не это было определяющим. Эскалация войны во Вьетнаме завела США в тупик, и им необходимо было найти приемлемый путь военного ухода из Юго-Восточной Азии. Без нейтрализации Китая это было бы намного сложнее.

К тому же, антисоветизм не был присущ всем соперничавшим между собою группировкам в китайском руководстве в одинаковой степени. После событий на Даманском власть в КНР на некоторое время консолидировалась в руках военных. И хотя именно на них во главе с Линь Бяо была возложена основная ответственность за пограничные вооруженные столкновения, антиамериканизм в военной среде был распространен в Китае значительно сильнее, чем антисоветизм. А визит президента США Р. Никсона в КНР в 1972 г. стал возможен лишь после гибели Линь Бяо, организовавшего, как утверждают китайские власти, заговор против Мао Цзэдуна. Все ос-

новые рычаги административного управления уже находились к тому времени в руках прагматика Чжоу Эньлая, чуждого идеологических симпатий или антипатий и действовавшего исключительно в интересах выгоды для собственной страны.

Как бы то ни было, результатом американо-китайской нормализации, начавшейся около 40 лет назад, после прихода Р. Никсона в Белый дом, а Киссинджера в администрацию президента США, стало постепенное восстановление контактов двух стран в ключевых областях и последующее установление с 1 января 1979 г. полномасштабных официальных дипломатических отношений. Не в последнюю очередь это стало возможным на основе достижения договоренности о статусе Тайваня, сформулированной в совместных коммюнике.

Но не только это. Важным международным итогом китайско-американского сближения стало формирование в мире иной, по сравнению с прошлым, геополитической реальности: блоковому противостоянию пришла на смену система “баланса сил”. Идеологическая конфронтация стала постепенно отходить на второй план, все явственнее уступая место борьбе конкурирующих национальных интересов.

По утверждению некоторых исследователей, именно визит Никсона в КНР стал отправной точкой процесса распада биполярной системы мира, а впоследствии — прекращения существования СССР.

Сами по себе отношения США и КНР с момента их восстановления развивались, как уже отмечалось, зигзагообразно и пережили за прошедшие три десятилетия периоды взлетов и спадов. Всплески обоюдной эйфории чередовались с “заморозками”, что обусловлено наличием во взаимоотношениях двух стран комплекса острых проблем, главной из которых была и пока остается тайваньская.

Тем не менее, позитивное в балансе американо-китайских связей накануне их 30-летнего юбилея заметно превосходило негативное. Важнейшим для обеих сторон является то, что отношения США и Китая, по всеобщему признанию, имеют доминирующее влияние на современную глобальную ситуацию.

В КНР давно получило официальное признание отношений с Соединенными Штатами “самыми важными из двусторонних отношений в мире”, которые затрагивают не только интересы обеих стран, но мир и стабильность в Азии и на глобальном уровне. Сменившая в Белом доме республиканца Дж. Буша-младшего новая администрация демократа Б. Обамы также осознает первостепенное значение американо-китайских связей.

Действительно, за последние 10 лет экономическая мощь КНР резко возросла. Китай ныне — самый крупный получатель иностранных инвестиций, обладатель самых больших золотовалютных резервов, он входит в тройку мировых лидеров по объему ВВП. За последние 30 лет Китай вывел из нищеты 400 млн чел. Он обошел Россию по величине расходов на оборону, став вторым по этому показателю после США. В 2007 г. вклад КНР в мировой экономический рост был больше, чем вклад США.

На конец 2008 г. в Китае насчитывалось 17000 предприятий с участием американских инвестиций, годовые доходы от продаж у которых превысили 1 млрд долл. США. Численность занятых на них составляла около 2,2 млн чел. Общий объем американских инвестиций в экономику Китая достиг почти 60 млрд долл. За прошедшие три десятилетия объем торговли между КНР и США вырос более чем в 120 раз — с 2,5 млрд долл. в 1979 г. до более 300 млрд долл. на конец 2007 г. Между сторонами было подписано свыше 30 соглашений о межправительственном сотрудничестве, создан механизм диалога более чем по 60 вопросам,

продолжает углубляться культурный обмен. В последние годы свыше двух миллионов граждан КНР и США ежегодно пересекают границы двух государств.

Не удивительно, что неуклонный рост количественных показателей укрепления совокупного потенциала Китая привел к изменению качества его геополитического статуса: из регионального лидера он превратился в глобальную супердержаву. Кроме того, в условиях разразившегося финансово-экономического кризиса Китай, как выяснилось, чрезвычайно важен для стабилизации экономической системы США.

Дефицит Америки в торговле с Китаем превысил в 2008 г. 680 млрд долл. Но гораздо важнее другое. Пекин превратился в крупнейшего кредитора США. В руках китайского правительства, по утверждению газеты "Washington Post", находятся облигации американского казначейства на сумму в 1,5 трлн долл. Уже сейчас китайская экономика переживает очередной подъем. В нынешнем году ожидается ее рост на уровне 9%, а в крупных городах — до 12%. В условиях кризиса Вашингтону крайне важно, чтобы Китай продолжал приобретать американские долговые обязательства. Но курс Пекина на расширение внутренних рынков уменьшает надежды на то, что КНР бросит основную часть своих золотовалютных ресурсов на стимулирование американской экономики.

Поскольку заставить Пекин корректировать свой политический и валютно-экономический курс в пользу США вряд ли возможно, определенные силы в американском истеблишменте пытаются навязывать Китаю некий проект, в рамках которого необходимые Вашингтону действия могут трактоваться не как уступки, а как шаги по построению совместного миропорядка. При этом идея американского лидерства в представлении самих США не должна подвергаться сомнению.

С тактической точки зрения, расчет американцев при позиционировании этого т.н. "проекта общей судьбы", или "кимерики" состоит, прежде всего, в привлечении ресурсов Китая для содействия выходу США из кризиса. В стратегическом плане его авторы нацелены на развязывание новой масштабной геополитической игры, результатом которой должно, по их замыслу, стать очередное глобальное возвышение Америки, предпочтительно на фундаменте спровоцированного ею российско-китайского разлада.

В Пекине это понимают и выражают весьма настороженное отношение к идее дуопольности. Многие усматривают в ней ловушку, которая еще сильнее свяжет Китай и поставит его в еще большую зависимость от США. Есть все основания утверждать, что Китай по целому ряду политических и экономических причин никогда не примет правил игры, в силу которых будет рассматриваться как "младший брат" Америки. По этим же резонам он вряд ли согласится подчинять интересам США свою политику на российском направлении.

Безусловно, российский фактор играет в отношениях США и Китая не последнюю роль. На протяжении последних нескольких лет Россия проводит неизменную и последовательную внешнюю политику, цели которой можно охарактеризовать следующим образом: вернуть статус великой державы, восстановить свое влияние на постсоветском пространстве, препятствуя посягательствам на него Запада, возродить военную мощь страны, усилить позиции своей дипломатии в Европе, Азии и других регионах и противостоять мировому господству США. Некоторые из них совпадают с интересами Китая.

В последнее время участились разговоры о возможности или невозможности участия России наравне с США и КНР в некой новой конфигурации напо-

добие прежнего треугольника, который в Китае, например, предпочитают именовать “триумвиратом”, подчеркивая, что новая связка не предполагает, как прежде, союза двух сторон против третьей.

Очевидно, что времена “геометрических” построений, которые были нацелены на извлечение геополитических преимуществ из военно-политической конфронтации, уже “канули в Лету”. Однако, чтобы голос России в “триумвирате” звучал весомо, она должна, как минимум, обладать сопоставимой с двумя другими его участниками комплексной мощью. Что касается, например, экономики, то на фоне США и Китая Россия пока выглядит очень скромно, тем более что степень ее зависимости от внешних обстоятельств, продемонстрированная кризисом, превзошла самые пессимистические прогнозы. Даже через пять лет, согласно выкладкам некоторых аналитиков, в глобальной экономике она будет находиться лишь на шестом месте в мире (3,2%), тогда как США и КНР останутся в лидерах (соответственно, 19% и 14,7%).

Вес и влияние России в геополитическом раскладе сил сохраняются пока за счет поддержания ею своего военного и ракетно-ядерного потенциала. Однако многое будет зависеть от того, как пойдет процесс переговоров с США в этой области. Уступки в военно-стратегической сфере приведут лишь к еще большему ослаблению геополитических, а затем и экономических позиций РФ.

Оценивая текущее состояние и перспективы развития китайско-американских отношений, нельзя не упомянуть о том, что в настоящее время обе страны считают их наилучшими за всю предшествующую историю. Тем не менее, важно не упустить из виду, с каким “багажом” пришла к этому рубежу каждая из сторон. Оценки могут быть достаточно субъективными, но, тем не менее, в качественном и количественном отношении более весомым представляется “багаж” КНР. И если Китай, по его собственному выражению, за последние десятилетия “встал с колен”, то США, наоборот, опустились, как минимум, на одно из них. За последние 18 лет они растратили значительную часть “капитала”, оказавшегося у них в руках после распада СССР: Ирак, Афганистан, внутренние экономические неурядицы и, наконец, глобальный кризис. С другой стороны, Китай, несмотря на серьезные внутренние трудности, постоянно “набирал очки” в переносном и буквальном смысле. В частности, блестящая победа атлетов КНР на Олимпиаде—2008 в Пекине позволила Китаю, используя спорт как один из ресурсов т.н. “мягкой силы”, убедительно заявить о своих притязаниях на ведущую глобальную роль.

Естественно, США попытаются не допустить реализации сценария превращения в будущем КНР в реального глобального лидера. Таким образом, вполне резонен вывод о том, что грядущая борьба США и Китая за “мировое первенство” как минимум не исключена. Кроме того, у двух стран существует целый ряд проблем, и их отношения нельзя рассматривать в отрыве от них. Главной из проблем, несмотря на некоторое “затихание” эмоций в последнее время, по-прежнему остается тайваньская. Наряду с этим наличествуют озабоченность Вашингтона ростом военной мощи Китая, громадный дисбаланс в двусторонней торговле, права человека и целый ряд других. Важно учитывать, что США и Китай — нации, отличные одна от другой по целому ряду важнейших параметров: они находятся на разных континентах, говорят на разных языках, имеют несхожие исторические и культурные корни и традиции, мало совместимые политические системы, неодинаковый социально-экономический строй, разнятся в своем отношении к духовным и религиозным ценностям. Вместе с тем, одинаково характерной для обеих этих наций является их внутренняя убежден-

ность в предопределенности для каждой из них судьбы мирового лидера, претензия на авангардную глобальную роль.

Вполне очевидно, что как два основных субъекта будущих международных отношений они уже сегодня должны заняться поисками путей к обоюдной адаптации. И хотя в ходе таких поисков столкновения неизбежны, компромиссы и взаимные уступки не только возможны, но и необходимы.

В.Я. Портяков

Хотел бы обратить внимание на существенное изменение роли внешней политики Китая. Долгие годы — думаю, практически до конца 1990-х гг. — она выполняла, прежде всего, представительскую и компенсаторную функции. С начала нынешнего десятилетия, вслед за быстрым укреплением позиций КНР в мировой экономике и нарастающим вовлечением страны в деятельность разного рода международных институтов, акцент во внешней политике Пекина смещается на реализацию новых функций. Это, во-первых, обеспечение внешней проекции растущей внутренней мощи (характерный пример — концепция “цзоучуэи”, выхода вовне). Во-вторых, заявка на участие Китая в формировании международных правил игры, т.е. принципов функционирования мирового сообщества в политическом, правовом, экономическом и культурном полях.

В.И. Трифонов

Хотелось бы сказать несколько слов об оценках в Китае современной внешнеполитической концепции КНР. Из бесед с представителями ряда ведущих китайских научных центров, в частности, Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР, Института США АОН КНР, Китайской академии современных международных отношений, Института международных проблем при МИД КНР, Исследовательского центра Госсовета по проблемам развития, Китайского фонда международных исследований, а также изучения последних научных публикаций в Китае по вопросам внешней политики КНР можно заметить, что лейтмотив китайских оценок состоит в следующем: современный мир переживает период глубоких перемен, результатом которых может стать изменение нынешней западно-центричной модели мира, формирование более справедливого, демократичного миропорядка, где существенно увеличится роль развивающихся стран, еще больше укрепятся позиции Китая. Не увенчались успехом попытки США установить в период после окончания “холодной войны” свое безраздельное господство в мире. Сильнейший удар по их планам нанес провал военной операции в Ираке, главная цель которой заключалась в том, чтобы поставить под контроль США ближневосточный регион с его нефтью. Американские позиции оказались серьезно подорванными и в результате разразившегося мирового финансово-экономического кризиса, вина за возникновение которого, как подчеркивается, в значительной степени лежит на самих США. Усилились противоречия Вашингтона не только с основными противодействующими ему силами на мировой арене — Россией, Ираном, исламским миром, в известной степени Китаем, но даже с ближайшими союзниками США по НАТО. Стало совершенно очевидным, что никакая, даже самая сильная страна, каковой являются Соединенные Штаты, не в состоянии в одиночку справиться с решением нарастающих в мире серьезных проблем, навязать свою единоличную волю. Необратимый характер принял процесс становления многополюсного мира, хотя конструкция многополярности существовала и ранее — США, ЕС, Китай, Россия, Индия, АСЕАН, исламский мир и др.

В качестве одной из главных тенденций современной международной обстановки китайские специалисты указывают на неуклонный рост в мире влияния и позиций так называемых “быстро растущих” (*синьсин*) государств — Китая, России, Индии, Бразилии. Существенно повышается значение регионального фактора в решении глобальных проблем. Такие структуры как ЕС, АТЭС, АСЕАН, ШОС и другие все больше берут в свои руки дела региона и успешно решают имеющиеся там проблемы. Задача сейчас, указывают китайские специалисты, — приступить к постепенному изменению сложившейся системы, направленной на обеспечение интересов, в первую очередь, группы наиболее сильных и богатых государств. Это касается перестройки как политических, так и международных финансовых институтов, которые должны быть поставлены на службу всем странам мира. При этом твердо подчеркивается, что упомянутые цели должны быть достигнуты путем налаживания конструктивного сотрудничества между странами международного сообщества (слово “сотрудничество” проходит рефреном через все китайские высказывания и публикации). Особая роль принадлежит здесь странам БРИК, развивающимся странам, следует также активно использовать структуры и возможности ООН и других международных организаций.

Выстраивая в нынешнем международном контексте свою внешнеполитическую линию, китайские специалисты подчеркивают, что Китай должен позиционировать себя как “ответственную державу”, активно участвовать в формировании нового более справедливого порядка, нести обязательства как в деле упрочения международной стабильности и безопасности, так и, особенно, в экономической сфере, включая оказание посильной экономической помощи нуждающимся странам. Такая линия, как отмечается, будет способствовать дальнейшему повышению роли и влияния КНР в мире, нужно использовать нынешнюю благоприятную для Китая международную конъюнктуру. Неоднократно подчеркивалось, что решающее значение в плане дальнейшего укрепления международного статуса Пекина будут иметь предстоящие 5—10 лет.

Оценивая реальные возможности Китая, следует отметить: хотя по номинальному объему ВВП он вышел на третье место в мире, значительно усилив глобальные позиции, международный авторитет, политический и экономический вес в мире, тем не менее, по многим показателям КНР остается развивающейся страной. Предстоит еще немало сделать, прежде чем она достигнет поставленной Дэн Сяопином задачи превращения к середине нынешнего века в среднеразвитую страну. В этой связи представляет интерес имеющая место в китайских научных кругах полемика вокруг известного постулата Дэн Сяопина о том, что с учетом сложной международной ситуации и ограниченных возможностей Китая, ему следует “хладнокровно наблюдать за обстановкой, укреплять собственные позиции, проявлять сдержанность, не торопиться, полностью отдалиться работе, хорошенько делать свои дела”. И если консервативно настроенные специалисты рекомендуют именно так поступать и в дальнейшем, то более молодое поколение китайских экспертов полагает, что пришло время для наступательной линии Китая, используя как возросший авторитет КНР в мире, его мощный экономический потенциал, так и “мягкую силу” китайского примера, конструктивный и ненасильственный характер политики КНР, цивилизационный потенциал китайской культуры и философии. Приводится длинный перечень позитивных шагов и роли КНР в мировых делах: активное участие в работе ООН, в ее миротворческих операциях (Китай участвовал в 22 миротворческих операциях ООН, напра-

вив 20 тыс. своих миротворцев); участие в наиболее важных встречах (саммитах) мировых лидеров; успешное проведение Олимпийских игр в Пекине; позитивная роль в преодолении последствий мирового финансового кризиса, противодействие попыткам Запада переложить тяготы кризиса на другие, в первую очередь развивающиеся страны; усилия по борьбе с терроризмом, пиратством; конструктивная линия в вопросах нераспространения ядерного оружия и оружия массового уничтожения; решение проблем экологии, продовольственной проблемы и т.д. Достаточно наглядно демонстрация активного характера политики КНР, его растущей конструктивной роли в мировых делах, вклада Китая в решение острых проблем международной жизни проявляется в заявлениях и выступлениях китайских руководителей по вопросам внешней политики — с упором на международное сотрудничество, необходимость построения “гармоничного мира”.

Определяя свои приоритеты в отношениях с другими странами, китайские специалисты на первый план продолжают выносить свои связи с США и Западом, которые, как отмечается, несмотря на переживаемые ими проблемы и трудности, остаются доминирующей силой в мире в политическом, экономическом и военном отношениях, являются главными торгово-экономическими партнерами КНР. Ставится задача углублять стратегическое партнерство с США, используя открывающиеся возможности в связи с приходом к власти в Вашингтоне новой, более прагматично настроенной администрации Б. Обамы (большое внимание уделяется анализу выдвинутой этой администрацией концепции “умной силы” — “smart power”). Это же относится к странам ЕС и Японии.

В то же время подчеркивается, что в условиях, когда КНР продолжает подвергаться нападкам и давлению со стороны Запада, постоянно сталкивается с вмешательством во внутренние дела Китая под предлогом защиты прав человека, Пекин будет и дальше давать твердый отпор этой линии, защищать свои суверенные права и национальное достоинство. Не намерен Китай поддаваться и на посулы США и Запада вроде американской идеи об установлении в международных делах “дуумвирата” США—КНР, продолжая придерживаться своей линии на независимость и самостоятельность. Сквозит и та мысль, что присоединение Китая к клубу богатых и сильных держав означало бы предательство его неизменных друзей и союзников — стран “третьего мира”, интересы которых Пекин намерен отстаивать и дальше.

Особое значение Китай придает укреплению отношений с ближайшими соседями и сопредельными странами, среди которых на первое место ставится Россия. Подчеркивается тесный характер отношений, установившихся между двумя странами, их растущая взаимозависимость, совпадение позиций между Россией и Китаем по основным международным вопросам, наличие зон общих интересов, как например, Центральная Азия, где действует ШОС, начавшийся поворот к широкому развитию экономических связей в различных областях, что подведет более прочную базу под отношения сторон. Поворотное значение здесь может иметь государственный визит в Россию Ху Цзиньтао 16—18 июня 2009 г., достигнутые в ходе визита договоренности в энергетической сфере, курс на внесение существенных коррективов в структуру товарооборота сторон путем повышения удельного веса машинно-технической и высокотехнологичной продукции, разработка Программы сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России с Северо-Востоком Китая.

Анализируя отношение в КНР к российско-грузинскому конфликту, можно отметить, что китайские специалисты в целом с пониманием относятся к российским действиям, указывая, что “Россия была вынуждена ответить на планомерное расширение и давление со стороны НАТО” (особо ценно, что такой подход нашел отражение в Совместном российско-китайском заявлении об итогах последней встречи в Москве на высшем уровне, где было сказано: “Китайская сторона выразила поддержку усилиям России по сохранению мира и стабильности на Кавказе”).

В то же время китайские специалисты указывают на определенную недооценку Россией значения отношений с Китаем, отмечая, что основное внимание Москвы сосредоточено на взаимосвязях с США и Западом. Подчеркивается также, что в Центральной Азии Россия отдает приоритет ЕвразЭС, недостаточно активно использует преимущества ШОС. В российских СМИ и в высказываниях российских политологов, как отмечается, все еще имеют место заявления о “китайской угрозе”, нередки проявления ксенофобии в отношении китайских представителей, не урегулировано положение китайских мигрантов.

Большое значение придается укреплению сотрудничества в рамках треугольника КНР, Япония, Южная Корея. При этом представляет интерес высказанное рядом специалистов мнение о необходимости активизации взаимодействия между Китаем и Россией в Северо-Восточной Азии, создания специального механизма для обсуждения проблем региона с участием всех заинтересованных стран, тогда как сейчас доминирующей силой в СВА является созданная США сеть военных союзов.

Проявляется заметное беспокойство по поводу обострения ситуации на Корейском полуострове, чреватого серьезным кризисом. Немалую долю вины за обострение китайские специалисты возлагают на США и Японию, которые не выполняют своих обещаний в отношении КНДР и продолжают осуществлять политику военных угроз, а это ведет скорее к противоположным результатам. Высказывается также мнение, что важную роль в корейском урегулировании могут сыграть Китай и Россия с учетом их связей с Пхеньяном.

В качестве примера позитивного развития ситуации в АТР выделяется АСЕАН, становление и политика которой стали важным фактором стабильности в регионе. Налажены тесные связи и взаимовыгодное сотрудничество между АСЕАН и КНР в политической и экономической сферах.

Большое удовлетворение высказывается по поводу направления развития китайско-индийских отношений в последние годы, которые вышли на уровень стратегического партнерства. Быстро растет взаимная торговля, превысившая в 2008 г. 50 млрд долл. США. В качестве полезного инструмента в КНР рассматривают РИК (механизм взаимодействия между Россией, Индией и Китаем).

В условиях усиливающихся процессов глобализации важным направлением для Китая становится развитие связей со странами Африки и Латинской Америки. При этом первостепенное значение для КНР приобретают экономические аспекты этих связей, обеспечение новых рынков для китайских товаров, получение доступа к сырьевым ресурсам. Усилия КНР в этих регионах идут в русле общей линии Пекина на повышение значимости развивающихся стран в мировых делах.

Большое значение придается в Китае борьбе с терроризмом, наркобизнесом, пиратством, урегулированию ситуации в “горячих точках” и так называемых проблемных регионах (Афганистан, Корейский полуостров, Ближний Восток, Иран, Косово, Судан, Зимбабве и др. При этом Пекин, как правило, стремится держаться в стороне от напряженностей на пространстве бывшего СССР). Ки-

тайская сторона стала проявлять больше готовности принять участие в урегулировании этих проблем, исходя из того, что они представляют собой серьезную угрозу международной стабильности и безопасности, а это идет вразрез с мирными планами Пекина. В то же время, как подчеркивали китайские специалисты, КНР в этих вопросах проводит собственную линию, выступает против попыток Запада решать указанные проблемы на своих условиях и в своих интересах. Указывается также на необходимость учитывать социально-экономические аспекты, порождающие терроризм и экстремизм — серьезное неравенство в мире, чрезмерное богатство одних стран и беспросветная бедность других, что является одним из главных источников нестабильности. Необходимо, чтобы мировое сообщество повернулось к решению этих проблем, вплотную занялось вопросами экологии, изменения климата, решением усугубляющихся проблем с продовольствием, водой. В противном случае мир ждут большие потрясения.

В заключение хотел бы подчеркнуть особую значимость дальнейшего упрочения российско-китайских отношений в условиях нынешней сложной международной обстановки. Это нужно и России, и Китаю, существенно укрепляет позиции двух наших стран на международной арене. Пекин постоянно подчеркивает свою готовность к этому. Важно, чтобы был адекватный ответ и с нашей стороны.

Я.М. Бергер

Как мне кажется, мы достаточно адекватно справились со стоявшей перед нами задачей. В кратком, но насыщенном обмене мнениями были освещены основные итоги 60-летнего развития КНР по нескольким важным направлениям. Были охарактеризованы как несомненные успехи на этом пути, так и нерешенные еще проблемы. В ряде выступлений были выражены новые подходы, предложен новый взгляд на обсуждаемые вопросы. Возможно, не все из них бесспорны, но в этом и состоит специфика Круглого стола. Поэтому надеюсь, что стенограмма заседания привлечет внимание нашего читателя.

Общество

Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ

© 2009

Е. Баженова

В статье анализируются основные тенденции в области демографического развития КНР с 1949 г. по настоящее время, раскрыты изменения, произошедшие под влиянием социально-экономических факторов и политики народонаселения. Показано, что правительства КНР и КПК связывают демографическую проблему с судьбой нации, ставя в зависимость от ее решения успехи политики модернизации, прогресс в социально-экономической сфере, достижение статуса великой державы.

Ключевые слова: экономическая реформа, население, демографическое развитие, модернизация, политика народонаселения, жизненный уровень, миграция.

В демографическом отношении Китай уникален уже тем, что представляет собой самую многонаселенную страну мира. Это накладывает отпечаток на все стороны жизни китайского общества — экологию, обеспеченность природными ресурсами, продовольственную ситуацию, особенности занятости и т.д. Демографией обусловлены многие проблемы и противоречия развития Китая в прошлом и настоящем. От темпов прироста населения зависят перспективы социально-экономического развития КНР в XXI в., как и во всем нынешнем тысячелетии.

Здесь активно ведется поиск собственного пути комплексного решения демографической проблемы, постепенно сформировалась система регулирования роста населения.

Очевидные противоречия между ростом населения и социально-экономическим развитием, использованием ресурсов, охраной окружающей среды серьезно сдерживают развитие китайской экономики, сказываются на жизненном уровне народа и качестве населения.

За последние 60 лет население Китая возросло в 2,5 раза, с 540 млн до 1,328 млрд чел.¹ Ежегодный прирост составляет ныне 7—8 млн чел., за счет прироста населения потребляется более 25% прироста национального дохода.

Китай — страна с более чем тысячелетней историей и древнейшей культурой, достижения которой заимствовались странами Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и других регионов мира. Сейчас многие государства проявляют

Баженова Елена Степановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: bazhenova@ifes-ras.ru.

большой интерес не только к его экономической реформе, но и к опыту решения проблем народонаселения.

Отношение руководства КНР к росту народонаселения не раз претерпевало изменения. С конца 1970-х гг. налицо целенаправленное стремление увязывания данной темы с политикой.

Основные демографические параметры Китая определяются тенденциями последнего десятилетия — население возросло, но коэффициенты его естественного движения стабилизировались, упав до умеренных величин; средние размеры семьи постепенно уменьшались; ускоряющимися темпами шло старение населения, особенно в крупных городах; все больше число мигрантов покидало села, чтобы заняться несельскохозяйственным трудом.

Таблица 1

**Сравнительные характеристики населения по данным пяти переписей
(млн чел.)**

	1953	1964	1982	1990	2000
Общая численность	594,35	694,58	1008,18	1133,68	1265,83
Мужчины	307,99	356,52	519,44	584,95	653,55
Женщины	286,36	338,06	488,74	548,73	612,28
Соотношение по полу	107,56	105,46	106,30	106,6	106,74
Средн.размер семьи (чел.)	4,33	4,43	4,41	3,96	3,44
Возрастная структура (%)					
0-14 лет	36,28	40,69	33,59	27,69	22,89
15-64 года	59,31	55,75	61,5	66,74	70,15
Свыше 65 лет	4,41	3,56	4,91	5,57	6,96
Национальный состав					
Китайцы (ханьцы)	547,28	654,56	940,88	1042,48	1159,40
Относительная доля (%)	93,94	94,24	93,32	91,96	91,59
Национ. меньшинства	35,32	40,02	67,3	91,2	106,43
Относительная доля (%)	6,06	5,76	6,68	8,04	8,41
Уровень образования (на 100 тыс. чел.)					
Высшее и средн. специальное		416	615	1422	3611
Среднее и тех. училище		1319	6779	8039	11146
Начальная ступень средн. школы (9 классов)		4680	17892	23344	33961
Начальная школа (6 классов)		28330	35237	37057	35701
Уровень грамотности					
Неграмотные		233,27	229,96	180,03	85,07
Уровень неграмотности (%)		33,58	22,81	15,88	6,72
Место проживания (город/село)					
Городское население	77,26	127,10	210,82	299,71	458,44
Сельское население	505,34	567,48	797,36	833,97	807,39

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 2006 (Китайский статистический ежегодник — 2006). Пекин, 2006. С.102.

В КНР за всю ее историю было проведено пять Всекитайских переписей населения и ряд выборочных обследований, что служит солидной базой для прослеживания его динамики. Толчком к всестороннему анализу проблем народонаселения явилась III Всекитайская перепись (1982 г.), которая после долгого информационного вакуума предоставила исследователям обширные статистические материалы. Результаты этой переписи, последующих переписей и выборочных обследований населения Китая позволили ученым-демографам анализировать основные показатели занятости, социальной структуры населения и сделать прогнозы о тенденциях дальнейшего развития.

Из материалов переписей следует, что в Китае происходит постоянный рост численности населения с преобладанием мужского пола над женским, уменьшение размера семьи, снижение доли детей, увеличение доли лиц в трудоспособном возрасте и в возрасте свыше 60 лет, в национальном составе сохраняется подавляющее преобладание китайцев, налицо постоянный рост уровня образования с увеличением доли высшего и среднего специального при быстром снижении неграмотности — с 33,58% в 1964 г. до 6,72% в 2000 г. (с последующим увеличением до 11% в 2005 г. по данным выборочного опроса). Увеличивается доля горожан при сокращении доли селян (при этом удельный вес городского населения за то же время увеличился с 13% до 36% с последующим ростом до 45% в 2008 г.)².

С 1970 по 2008 г. коэффициент рождаемости снизился с 33,4 до 12,1 (промилле, на 1000 населения), число рожденных детей в среднем на одну женщину репродуктивного возраста — с 5,80 до 1,35, коэффициент смертности — с 7,60 до 7,06 промилле, коэффициент естественного прироста — с 26,0 до 5,08 промилле, по этим показателям Китай вошел в число стран с низкой рождаемостью и смертностью. Средние размеры семьи уменьшились с 4,8 чел. в 1971 г. до 3,4 чел. в 2000 г.³ С начала 1970-х гг. по настоящее время в результате целенаправленной политики планирования рождаемости в стране родилось на 400 млн детей меньше, что в огромной мере уменьшило государственные расходы на обеспечение растущего поколения, смягчило давление населения на ресурсы и экологию, содействовало развитию экономики и улучшению жизни народа. За короткий период времени (чуть более 50 лет) в КНР произошли две фазы демографического перехода — от высокой рождаемости при высокой смертности к высокой рождаемости при низкой смертности и от высокой рождаемости при низкой смертности к низкой рождаемости — низкой смертности. В большинстве развитых стран на этот демографический переход ушло около столетия.

Знание демографической ситуации позволяет более полно оценить возможности Китая в решении задач, поставленных на последних партийных съездах. На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) в отчетном докладе ЦК КПК была поставлена цель построения общества “малого благоденствия” (*сяокан шэцхуэй*), которая выдвигалась двумя десятилетиями ранее, и для ее реализации была поставлена задача с 1980 по 2000 г. вчетверо увеличить объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. В результате ВВП на душу населения достиг в 2000 г. 800 долл.

XVII съезд КПК (октябрь 2007 г.) поставил новую задачу — к 2020 г. удвоить ВВП на душу населения по сравнению с 2000 г., осуществив тем самым построение общества “малого благоденствия”. Т.е. в Китае сохраняются основные направления демографической политики по планированию рождаемости, направ-

вленные на стабилизацию низкого уровня рождаемости (при повышении качественных характеристик населения)⁴.

Итак, в течение последних десятилетий в Китае эффективно контролировался рост численности населения (благодаря чему оно не превысило к 2000 г. 1,3 млрд чел., что позволило выйти на подушевой показатель ВВП — 800 долл.). Однако при быстром снижении рождаемости возникают другие проблемы народонаселения — такие как его быстрое старение, что в перспективе ведет к нехватке рабочей силы и избыточным расходам на социальные нужды. Все это может замедлить в конечном счете поступательное движение Китая к созданию общества “малого благоденствия”.

На наш взгляд, именно неудовлетворенность ходом реформы повлекла людей на площадь Тяньаньмэнь в Пекине в мае-июне 1989 г. Темпы реформы политической системы в КНР в конце 1980-х гг. стали заметно отставать от темпов экономической реформы, что осложнялось непростой демографической ситуацией в это время, давлением огромного населения на еще недостаточно развитые производительные силы страны. Выход из состояния экономической бедности без нарушения социальной стабильности возможен при условии сбалансированного проведения экономических и политических реформ с учетом особенностей демографического развития.

Успешное проведение реформ и поступательное развитие экономики есть важная предпосылка и надежная гарантия решения демографических проблем. В Китае высокая рождаемость наблюдается преимущественно в окраинных регионах. При этом численность крестьян, живущих за чертой бедности в селах Китая, существенно сократилась с конца 1970-х гг., а удельный вес этой категории в общей численности сельского населения страны снизился с 33 до 3% — можно сказать, что проблема обеспечения беднейших слоев питанием и одеждой близка к разрешению.

Очевидно, что перспективы развития Китая на ближайшие десятилетия во многом зависят от динамики численности населения и других демографических показателей. Только при условии осуществления соответствующей политики народонаселения и ограничении его численности страна сможет решить стоящие перед ней задачи — продовольственную, экологическую и множество других, достичь намеченных социальных и экономических целей. Все это обусловило необходимость углубленного изучения проблем народонаселения и демографической политики Китая, научно обоснованного прогнозирования демографического развития на период до 2050 г.

Ныне китайскими демографами первоочередное внимание уделяется вопросам теории народонаселения, призванной дать научное обоснование разработке практических мер демографической политики. Еще в начале 1980-х гг. в работе широко известного китайского ученого Лю Чжэна содержалось следующее фундаментальное положение — “наиболее насущной проблемой для Китая в целом является устранение диспропорций в народном хозяйстве и установление рациональной взаимосвязи между воспроизводством населения и производством материальных благ. Это необходимо для скорейшего развития общественных производительных сил и существенного повышения жизненного уровня населения”⁵.

По мнению китайских ученых, решение обостряющихся проблем народонаселения возможно на основе поэтапного осуществления соответствующих мер, причем на каждом этапе должны меняться приоритетные цели политики. Ныне

упор делается на мерах контроля над рождаемостью и снижения детской и младенческой смертности при гибком подходе к вопросам занятости и повышения статуса женщин в обществе, в перспективе намечено решение проблем старения населения, развития системы социального обеспечения.

Для демографических исследований в КНР характерно рассмотрение проблем народонаселения в контексте экономической ситуации в тесной увязке с природными, экологическими характеристиками. На первый план выдвигается экономическое значение планирования рождаемости. Направляющая идеология стратегии: контроль за численностью населения, повышение качества населения, совершенствование структуры населения, создание условий для социалистической модернизации при обеспечении условий стабильности в росте населения и развития социально-экономической сферы. В понятие "качество населения" входит его здоровье, уровень образования и социальной зрелости. В понятие "совершенствование структуры населения" включается регулирование возрастной структуры (особого внимания заслуживают ускоряющиеся процессы старения населения, прежде всего, старения трудовых ресурсов), структуры населения по полу (в ряде районов доля мальчиков намного больше, чем девочек) и соотношение числа городских и сельских жителей.

Основные моменты демографической политики: изменение традиционного мировоззрения в вопросах рождаемости; контроль за численностью населения в деревне; контроль за численностью населения в районах с высоким уровнем рождаемости; контроль за мигрантами; повышение уровня базового образования и укрепление профобразования и технической подготовки.

Выделены основные этапы стратегии и определены демографические параметры каждого этапа, способствующие достижению стратегической цели в области развития народонаселения, сводящейся к тому, что численность населения не должна превышать 1,6 млрд чел. к 2050 г.

Итак, если к середине XX в. численность населения Китая превысила полумиллиардную отметку (как выше отмечалось, 549 млн чел. в 1949 г.), то следующие 60 лет дали огромный прирост ("прибавка" составила 779 млн чел.).

Как один из эффективных путей решения демографических проблем китайские ученые расценивают "переток населения" между странами. В последние годы в своей внешней торгово-экономической политике Китай осуществляет стратегию "выхода вовне", позволяя своим предприятиям инвестировать средства на открытие филиалов за рубежом, всемерно наращивая экспорт китайской продукции. Вместе с тем, оказывается поддержка гражданам, которые на законных основаниях отправляются за границу для выполнения подрядных работ. Экспорт рабочей силы снижает давление фактора населения внутри страны. Китай, как и другие страны Азии, обладает гигантскими избыточными трудовыми ресурсами, являясь в перспективе миграционным донором мирового масштаба.

В современный период, с учетом роста жизненного уровня в Китае (средняя зарплата рабочих и служащих составляет около 160 долл. США в месяц), демографическая экспансия со стороны Китая не угрожает другим странам. Но демографическое давление Китая и его геополитическое доминирование всегда будет потенциальным фактором, влияющим на миграционные процессы в Центральной Азии и других регионах, в том числе в Европе.

Нужно иметь в виду, что в Китае есть огромные территории, отстающие в своем развитии от приморских и центральных районов, что особенно заметно стало проявляться в ходе 30-летия экономической реформы. На

XIV съезде КПК (октябрь 1992 г.) был выдвинут курс на интенсивное освоение западных районов страны. Его целостная программа, сформулированная в докладе премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва (март 2000 г.), рассчитана до 2050 г., предусматривая преимущественное развитие энергетики, добывающей промышленности, металлообработки, сооружение разветвленной транспортной инфраструктуры при проведении масштабных природоохранных мер.

Западный Китай занимает огромную площадь (1/6 часть территории страны), для него характерны малонаселенность и относительно слабый уровень социально-экономического развития. Потенциал его определяется наличием огромных запасов самых разных природных богатств. Это 83% всех водно-энергетических ресурсов страны: уголь, нефть и газ, крупные месторождения цветных металлов, большие запасы химического сырья. Так, на территории Синьцзяна залегает около 30% всех разведанных запасов нефти и газа Китая. В настоящее время освоение разведанных месторождений осложняют непростые природные условия и неразвитость инфраструктуры. Но в XXI в. Западный Китай сможет обеспечить более 60% всех потребностей страны в сырьевых ресурсах, 50% — в электроэнергии.

Одним из условий успешного решения задачи освоения западных районов является разумное, продуманное проведение сбалансированной политики народонаселения и занятости. Эти обширные и малонаселенные территории могут поглотить миллионы избыточного населения востока страны. Для этого ведется разработка научно обоснованных программ регулирования численности и занятости местного населения и миграций из восточных провинций. В условиях рыночной экономики претворение в жизнь таких масштабных проектов диктует необходимость использования целой системы приоритетов и материального стимулирования.

Следует отметить, что политика ограничения рождаемости проводится в различных регионах дифференцированно. В западных районах, где проживает подавляющее большинство представителей национальных меньшинств, она носит деликатный, рекомендательный характер.

Этим частично объясняются гораздо более высокие показатели рождаемости в западных провинциях страны — 14,4—14,6 промилле в Гуанси и на Хайнани, 15,2—15,8 — в Цинхае, Нинся и Синьцзяне, 17,4 — в Тибете, по сравнению с показателем в 6—7 промилле в Северо-Восточном Китае и городах центрального подчинения. Отсюда — и более высокие коэффициенты естественного прироста населения в этих регионах — 8,3—8,7 промилле в Гуанси и на Хайнани, 9,0—10,8 — в Цинхае, Нинся и Синьцзяне и 11,7 — в Тибете, в то время как в крупных городах, в центральных и восточных районах — 1,1—3,4 промилле.⁶

В целом же, к настоящему времени в Китае произошел переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, для которого характерны умеренные демографические показатели.

Проводимая в Китае демографическая политика показала, что он стал первой в мире страной, способной эффективно контролировать численность быстро растущего населения. Коэффициент суммарной рождаемости уже ниже уровня замещения, что является новой вехой в истории народонаселения страны.

В течение всей 60-летней истории КНР произошло радикальное снижение коэффициента смертности — с 20 промилле в начале 1950-х гг. до 6,28 в 1990 г. и 7,06 в 2008 г.⁷ Средняя продолжительность жизни составляла 67,9 года

(66,4 для мужчин и 69,3 для женщин), а в 2000 г. — 71,4 года при показателе 30—35 лет до 1949 г.

Коэффициент рождаемости, державшийся в первые годы на высоком уровне (35—40 промилле), в дальнейшем уменьшился почти втрое, составив 17,8 промилле в 1985 г., 21,06 в 1990 г. и 12,14 в 2008 г.⁸

Соответственно уменьшились и средние размеры семьи. По данным ГСУ КНР число членов китайской семьи в среднем составляло в 1983 г. 4,41 чел., в 1988 г. — 4,23 чел., по данным переписи 1990 г. — 3,96 чел., по переписи 2000 г. — 3,44 чел.

Приведенные выше демографические показатели свидетельствуют о нисходящей тенденции коэффициентов рождаемости и естественного прироста в целом в течение последних десятилетий. Дальнейшее снижение будет зависеть от интенсивности демографической политики и достижений китайского общества в области социально-экономического развития.

Проводя целенаправленную политику снижения рождаемости, КНР тем самым вносит свой вклад в регулирование демографических проблем в Азии и во всем мире, что способствует социальной стабильности и прогрессивному развитию стран континента. На международных форумах по проблемам народонаселения и развития неоднократно отмечалось, что, если бы КНР не прилагала усилий по контролю численности населения, число жителей Азии и мира в целом могло быть на несколько сотен миллионов больше. Несомненно, что динамика демографических процессов в Китае оказывает огромное влияние на перспективы изменения численности населения Азии и земного шара.

Безусловно, огромная численность населения Китая оказывает серьезное влияние на душевые показатели производства и доходов населения. Если по объему ВВП Китай в 2000 г. занимал 6-е место, а по паритету покупательной способности 2-е, то по доходам на душу населения — 140-е и 104-е места соответственно. По ряду оценок (в частности, МВФ и Всемирного банка) КНР по объему ВВП переместится в 2010 г. с 6-го на 3-е место, к 2020 г. обгонит Японию и выйдет на 2-е место, а к 2050 г. обгонит США и займет 1-е место. К 2050 г. китайский рынок станет самым обширным в мире, Китай будет первенствовать по объему экспорта и импорта, станет самым крупным центром обрабатывающей промышленности.

Однако экономический рост тесно связан с ростом населения. С началом реформ, то есть с 1979 по 2007 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили 9,8% в год, однако, в дальнейшем по мере регулирования роста численности населения темпы экономического роста Китая должны будут последовательно снижаться до 4—5% ВВП к 2045—2050 гг. Китай может обеспечить сохранение высоких темпов экономического роста при переходе от экстенсивных к интенсивным методам развития народного хозяйства, связанным не столько с использованием огромной массы дешевой рабочей силы, сколько с повышением производительности труда в результате развития научно-технического прогресса и внедрения технических новинок, повышения качества рабочей силы в результате увеличения инвестиций в образование, изменения структуры производства за счет перехода от живого труда к овеществленному, создания более капиталоемких производств, перелива рабочей силы из первой — во вторую и третью сферы.

Пока что Китай по-прежнему является аграрно-промышленной, развивающейся страной с преобладанием сельского населения и ручного труда в

сельском хозяйстве, существенной долей неграмотного или малограмотного населения в отсталых сельских районах.

С начала 1990-х гг., по мере проведения экономических реформ и политики контроля над рождаемостью по принципу “одна семья — один ребенок”, демографические изменения вызывают к жизни и новые проблемы — такие, как нехватка рабочей силы в городах и приморских районах Китая с более высоким уровнем экономического развития, старение населения. Согласно исследованиям китайских ученых, запасы природных ресурсов Китая позволяют содержать население численностью 1,5—1,6 млрд чел. Сверх отметки 1,6 млрд чел. проходит “линия судьбы” китайской нации. По прогнозам, Китай придет к нулевому приросту населения в середине XXI в. Для сохранения устойчивого развития, баланса между населением и ресурсами по-прежнему потребуются строгий постоянный контроль за приростом населения, рациональное использование природных ресурсов, охрана окружающей среды. По этой причине главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса — т.е. достижения численности населения, способной резко обострить проблемы обеспечения продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами, исходя из сложившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени. По мнению некоторых китайских ученых, для Китая с территорией 9,6 млн кв. км оптимальной была бы численность населения не выше 700—800 млн чел. Ныне же, как уже отмечалось, она превысила 1,3 млрд чел., а к 2050 г. вплотную приблизится к 1,4 млрд чел. (1,409 млрд чел. по среднему варианту прогноза Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных проблем ООН)⁹. Впрочем, существуют прогнозы меньших показателей.

Согласно последним выкладкам китайских ученых (Институт народонаселения Пекинского университета) и ученых Международного института прикладного системного анализа (Австрия), хотя в последующие десятилетия с учетом молодой возрастной структуры численность населения Китая будет расти, уже к середине нынешнего столетия она уменьшится примерно до 1,28 млрд (с вероятностью 60%) или до 1,35 млрд (с вероятностью 80%). По их расчетам, максимальная численность населения КНР (в количестве 1,38 млрд чел.) будет достигнута ориентировочно к 2025 г., а затем начнет постепенно снижаться. Если данный прогноз сбудется, Китай будет примером самого масштабного демографического перехода в мировой истории¹⁰.

В настоящее время Китай имеет огромные преимущества в экономическом развитии в связи с низким коэффициентом демографической нагрузки (обеспечение населения детских и пожилых — нетрудоспособных возрастов). Численность населения в детских возрастах невелика — в абсолютном, и относительном выражениях продолжает уменьшаться. А число пожилых людей растет, но не очень быстро. Те возможности, которые открываются в связи с благоприятной демографической структурой, способствуют современному экономическому буму, но в обозримом будущем они будут исчерпаны и наступят времена тяжелого демографического бремени. По имеющимся прогнозам, в последующие десятилетия коэффициент демографической нагрузки существенно возрастет, особенно это касается обеспечения пожилых людей (доля которых составит около 30% к 2050 г.) Последующие суровые вызовы экономической и социальной структуре Китая требуют немедленных действий, в первую очередь завершения реформы системы социального обеспечения.

Предстоит также быстрое снижение доли и численности населения трудоспособных возрастов. С вероятностью около 80%, доля такого населения будет удерживаться к 2050 г. на уровне 60% от нынешней численности¹¹. По мере старения населения Китая в целом будет, как ожидается, стареть население в рабочих возрастах.

Вплоть по настоящее время планы в области демографического развития выполняются.

Все вышесказанное обуславливает необходимость глубокого исследования проблем народонаселения и демографической политики Китая на современном этапе при научно обоснованном прогнозировании демографического и социально-экономического развития КНР на предстоящий период.

1. Чжунго тунци чжайяо — 2009. Пекин, 2009. С. 10.
2. Таблица 1 и “Чжунго тунци чжайяо—2009. Пекин, 2009. С. 38.
3. 1996—2050 нянь Чжунго цзинци шэхуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996—2050 гг.) [Стратегия социально-экономического развития Китая — на пути структурной модернизации]. Пекин, 1997. С. 468; Чжунго тунци чжайяо — 2009. Пекин, 2009. С. 38; Human Development Report — 2004. UNDP. UN. NY, 2004.
4. Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь [Сборник документов XVII Всекитайского съезда КПК]. Пекин, 2007. С. 19, 39.
5. China's Socialist Modernization. Beijing, 1984. P. 38.
6. Чжунго тунци чжайяо — 2007. Пекин, 2007. С. 42.
7. Чжунго тунци чжайяо — 2009. Пекин, 2009. С. 38.
8. Жэньминь жибао. 1987. 17 февр.; Чжунго тунци чжайяо — 2009. Пекин, 2009. С. 38.
9. World Population Prospects. The 2006 Revision. UN.N.Y, 2007. Vol. 1. P. 178.
10. Ren Qiang, Zheng Xiaoying, Wolfgang Lutz, Sergei Scherbov. China's grave demographic challenges in coming decades // China Economist. Beijing, 2009. N 20. P. 101.
11. Там же. P. 102.

Изучение истории КНР в России за последние десять лет (1999—2009 гг.)

© 2009

В. Усов

В статье дается краткий обзор работ российских авторов по истории КНР в отдельных монографиях и коллективных трудах за последние 10 лет. Рассматривается серия работ по экономике КНР, советско-китайским и российско-китайским отношениям, по социально-политической истории Китая, аннотируются отдельные книги о руководителях КНР.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, российско-китайские отношения, история, монография, историография.

Об основных этапах изучения истории КНР советскими и российскими учеными уже писалось¹. Тезисы на эту тему были представлены мной на конференции по современной истории Китая, состоявшейся в 2004 г. в Пекине в Институте современного Китая АОН КНР². В продолжение этого целесообразно упомянуть о новых работах по истории КНР, увидевших свет за последнее десятилетие.

Во второй половине 1990-х гг. и в начале XXI в. в России заметно усилился интерес к изучению современного Китая, обусловленный его успехами в экономическом развитии, политике реформ и расширения внешних связей. В работах российских китаеведов рассматривалось в основном несколько блоков вопросов: 1. Проблемы экономики; 2. Внешняя политика и российско-китайские отношения; 3. Социально-политическая история и история КПК; 4. Видные персоналии современного Китая.

Некоторые монографии и книги затрагивают сразу несколько из указанных тем, которые довольно трудно вместить в одну рубрику.

В мае 1998 г. в МГУ была проведена конференция по альтернативному развитию Китая во второй половине XX в.³, по результатам которой в следующем году был выпущен сборник.

Постоянно возрастал интерес российских ученых как к проблемам экономики КНР, так и к развитию в Китае экономической мысли.

В 1998 г. В.Я. Портяков издал книгу "Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина"⁴, где анализируется поиск руководством КНР путей соци-

ально-экономического развития страны в “дэнсяопиновский период”, рассказывается, как шло формирование концепции модернизации народного хозяйства и реформирования экономической системы. Автор спрогнозировал возможные варианты последующего развития КНР.

В 1998 г. О.Н. Борох в книге “Современная китайская экономическая мысль”⁵ исследовала новые направления в экономической науке КНР периода реформ, влияние китайской культурной традиции на современную экономическую мысль, опыт переосмысления политэкономии марксизма, усвоения восточно-европейских и западных экономических концепций в сегодняшнем Китае.

В 1999 г. Э.П. Пивоварова в монографии “Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска”⁶ проследила эволюцию взглядов руководства КНР от традиционных представлений о социализме к идеям “смешанной экономики”, названной “строительством социализма с китайской спецификой”.

В 2003 г. А.В. Островским была издана монография “Формирование рынка рабочей силы в КНР”⁷. В книге рассматривалось формирование рынка рабочей силы в ходе реформы экономической системы в 1980—1990-е гг. В 2004 г. вышел сборник статей “Экономика Китая вступает в XXI в.”⁸, содержащий прогноз развития страны до 2050 г.

Затем последовала серия книг и сборников, подготовленных сотрудниками ИДВ РАН: “Новый этап экономической реформы в КНР: проблемы и вызовы”⁹; две книги А.В. Островского “Актуальные проблемы китайской экономической реформы” и “Китайская модель перехода к рыночной экономике”¹⁰. В 2006 г. вышли очерки В.Я. Портякова “От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века”¹¹, где была предпринята попытка комплексного анализа политических и экономических процессов в КНР в последнее время. В том же году появилась работа В.В. Жигулевой “От плана к рынку: опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978-2005 гг.)”¹².

В 2006 г. вышла работа Л.И. Кондрашевой “Китай ищет свой путь”¹³.

В 2008 г. в ИДВ РАН был издан сборник “Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России”¹⁴.

В 2009 г. вышла книга Н.Е. Боровской “Новые механизмы финансирования образования в КНР: китайский опыт в российском контексте”¹⁵.

Одновременно в России по-прежнему уделялось большое внимание исследованиям российско-китайских отношений в XX — начале XXI вв.

В 1999 г. вышли воспоминания советского дипломата Б.Н. Верещагина “В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата”¹⁶. Личные наблюдения и воспоминания автора сочетаются в книге с документальными материалами, описаниями значительных событий истории, экономики, культуры и политики Китая, которые автор доводит до 1997 г.

В 2000 г. в Санкт-Петербурге вышла монография выпускницы С-Петербургского государственного университета Т.Г. Зазерской об участии советских специалистов в становлении военно-промышленного комплекса КНР¹⁷. Характерной особенностью данной работы явилось использование многочисленных ранее недоступных материалов, хранящихся в российских архивах. Книга сразу же получила хороший отклик за рубежом, ее материалы и сегодня активно используются и цитируются как в Китае, так и за его пределами.

Сотрудником ИДВ РАН, д.и.н. Б.Т. Куликом в 2000 г. была выпущена фундаментальная монография “Советско-китайский раскол: причины и последствия”¹⁸. Автор, используя большой массив архивных материалов, предпринял по-

пытку вскрыть первопричины конфликта между СССР и КНР и его последствия. Д.и.н. Ю.М. Галенович в 2001 г. издал книгу «Россия и Китай в XX веке: граница»¹⁹, где рассматриваются история переговоров по российско-китайской границе в XX в., конфликт на Даманском. (Кстати, активным участником тех событий В. Бубениным в 2004 г. были выпущены воспоминания об этом конфликте)²⁰. В 2002 г. Ю.С. Песков издал книгу «СССР—КНР: от конфронтации к партнерству»²¹, переизданную в 2007 г.

В 2003 г. вышла в свет книга Ю.М. Галеновича «Россия-Китай. Шесть договоров»²², где рассказывается о договорах, заключенных между Россией и Китаем с 1896 по 2001 г. В приложении к ней приводятся тексты этих российско-китайских договоров. В 2003 г. появляется работа Ю.М. Галеновича «Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая»²³.

Китаю и его соседям посвящена вышедшая в 2004 г. работа В.Г. Ганшина²⁴, где рассматриваются основы формирования гражданского общества в КНР и некоторых странах АТР.

Состояние и перспективы российско-китайских отношений и их влияние на внутреннюю и внешнюю политику Китая были проанализированы в специальном сборнике статей²⁵, подготовленном сотрудниками ИДВ РАН и изданном в 2005 г. Он включает 22 статьи и делится на три части: внутреннее положение КНР и российско-китайские отношения; внешняя политика КНР и российско-китайские отношения; российско-китайские отношения в условиях глобализации. В Санкт-Петербурге в 2005 г. был издан сборник статей «Российско-китайские научные связи. Проблемы становления и развития»²⁶. В материалах сборника рассмотрена история зарождения, становления, особенностей развития российско-китайских научных связей в первой четверти XX в. и в 1950—1960 гг.

В 2005 г. бывший сотрудник аппарата ЦК КПСС О.Б. Рахманин выпустил книгу «Страницы пережитого»²⁷, куда вошли его наиболее важные статьи и публикации прошлых лет по китайской проблематике.

В 2005 г. вышла монография М.В. Александровой «Российско-китайские приграничные экономические отношения»²⁸.

В том же году вышел сборник «Россия—Китай. Сотрудничество в условиях глобализации»²⁹.

В 2006 г. вышла монография бывшего посла РФ в КНР И.А. Рогачева «Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века»³⁰, где описан процесс нормализации отношений двух стран и их переход к партнерскому взаимодействию. В 2007 г. вышла в свет книга Ю.М. Галеновича «Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.)»³¹. Книга представляет собой краткий курс лекций по истории отношений России и Китая, прочитанный в Дипломатической академии КНР в Пекине в 2005 г.

О российско-китайских отношениях и их эволюции за последние 25 лет на рубеже веков рассказал в своей монографии³² директор владивостокского Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока В.Л. Ларин, который затронул вопросы пограничного размежевания, миграционных процессов и культурного взаимодействия двух стран.

Годам конфронтации между КНР и СССР (1969—1982) посвятил свое исследование, вышедшее в 2006 г., научный сотрудник того же дальневосточного института Н.П. Рябченко³³. Автор проанализировал причины и характер советско-китайского конфликта, внутренние и внешние аспекты политики КНР в отношении СССР в 1969—1982 гг.

В 2006 г. вышла книга В.С. Кузнецова “Буддийский фактор во внешней политике КНР”³⁴.

В 2007 г. была издана книга работавшего в свое время в КНР и США проректора Дипломатической академии МИД РФ Е. Бажанова “Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века”³⁵. Книга содержит воспоминания автора о событиях недавнего прошлого, участником многих из которых он являлся.

В 2008 г. вышли в свет воспоминания долгое время работавшего в КНР бывшего сотрудника МИД СССР и аппарата ЦК КПСС Р.Ш.Кудашева “Моя жизнь в Китае”³⁶.

В 2009 г. была опубликована работа заместителя директора ИДВ РАН С.Г. Лузянина “Россия и Китай в Евразии”³⁷.

Наряду с изучением экономического развития Китая и проблем российско-китайских отношений не ослабевал интерес российских ученых к социально-политической истории КНР, вопросам модернизации и проводимым в Китае реформам.

Прежде всего, вышло несколько сборников документов по истории КНР. Среди них — “Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае”³⁸, включающий 12 его статей периода 1950—1964 гг., два сборника статей, выступлений и высказываний Цзян Цзэмина, охватывающих период с 1989 по 2001 гг.,³⁹ и сборник работ Дэн Сяопина “О социализме с китайской спецификой”⁴⁰.

В 2007 г. издается “Сборник российско-китайских документов 1999—2007.”⁴¹ в качестве продолжения предыдущего сборника документов 1949—1999 гг., выпущенного МИД РФ в 1999 г.⁴²

Профессором С.-Петербургского университета Б.Г. Дорониным был составлен и издан в 2007 г. сборник “Конституции и политическая система Китайской Народной Республики. Учебное пособие”⁴³, где приведены все Конституции КНР на русском и китайском языках, рассказано о политической системе КНР.

В 2000 г. появилась книга Ю.М. Галеновича “Прав ли Дэн Сяопин, или инакомыслящие на пороге XXI века”⁴⁴, где были изложены взгляды китайцев, отличные от официальных, предлагавших свои пути и методы решения проблем, стоящих перед страной.

В 2001 г. коллективом авторов ИДВ РАН был выпущен сборник “Как управляется Китай. Эволюция властных структур в 80–90-е гг. XX века”⁴⁵, который позднее был переиздан. Он содержит сравнительное исследование трех политических систем, существующих на территории современного Китая: Китайской Народной Республики, занимающей материковую часть страны; сохраняющейся де-факто “Китайской Республики” на территории пров. Тайвань; Сянгана (Гонконга), который наряду с Аомэнем (Макао) представляет собой Особый административный район КНР. В монографии рассматриваются действия политических партий в механизме власти, анализируются представительные системы КНР, Тайваня и Сянгана, правовые и контрольные органы, функционирование исполнительной власти.

В изданной в 2002 г. книге В.Я. Романюка⁴⁶ рассказывается об экономическом “китайском чуде” — его мифе и реальностях. Автор признает, что опыт Китая полезен для России и ее реформ. Он подчеркивает, что в отличие от России “в КНР есть проверенная на множестве экспериментов экономическая стратегия и экономическая политика”, которые реализуются. Рассказывается о том, как ведется бизнес в Китае, даются советы, как вести бизнес с китайцами. К этой же теме обращается в своей книге “Китайское чудо или китайский тупик?” Ю.М. Галенович⁴⁷. Он считает, что “нет оснований говорить об экономическом чуде в Китае”, что “в последние годы никаких чудес там нет, и в XXI в. страна вступила

без чудес"⁴⁸. Скорее можно говорить о "китайском тупике". "Говорить о ситуации, употребляя термин "тупик", вполне допустимо, — пишет он, — учитывая серьезность проблем и то, что это касается сотен миллионов людей". Он, в частности, выступает против точки зрения А.В. Островского, утверждающего, что КНР можно отнести к государствам, которые в результате реформ добились наибольших успехов за последние десятилетия, а Россия их пока не имеет. Ю.М. Галенович считает, что "китайцы как нация из-за своей многочисленности сегодня оказались на краю гибели. Внутренние ресурсы, необходимые для обеспечения выживания населения, истощаются"⁴⁹.

В 2003 г. вышла книга "Китай и Россия. Развитие экономических реформ"⁵⁰, где анализировались и сопоставлялись социально-экономические реформы в двух странах, рассматривались трансформационные процессы, происходящие в Китае и России.

Институтом стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ в 2004 г. был издан сборник статей "Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития"⁵¹. В нем привлекают внимание статьи В.Г. Гельбраса "XVI съезд компартии Китая — новый сценарий развития общества и государства" и О.Ю. Адамс "Борьба с коррупцией в Китае: новые тенденции".

В 2004 г. появилась работа К.А. Кокарева "Политический режим и модернизация Китая"⁵², где анализировались основные направления эволюции политического режима в КНР в период реформ. В том же году вышел сборник "Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.)"⁵³.

В ИДВ РАН в 2004 г. была издана работа, специально посвященная 55-летию КНР⁵⁴. В серии статей дается краткий анализ итогов развития КНР за пять с половиной десятилетий, рассматривается опыт реформ, публикуется подробная хроника важнейших событий за это время.

В 2005 г. А.В. Виноградовым была подготовлена и издана книга "Китайская модель модернизации. Поиск новой идентичности"⁵⁵, переизданная в 2008 г. В книге сделана попытка комплексного осмысления проблемы модернизации КНР через призму классической и современной политической теории.

Д.А. Смирновым в 2005 г. издана монография "Идейно-политические аспекты модернизации КНР"⁵⁶. В ней прослеживается ход корректировки на рубеже XX—XXI вв. подходов Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина к осуществлению модернизации и поиски современного руководства КНР в данном направлении. Тогда же появилась коллективная работа "Китай: угрозы, риски, вызовы развитию"⁵⁷. В ней комплексно анализируются современные угрозы и риски, вызовы развитию КНР, оцениваются вероятность возникновения экономических и политических кризисов внутри страны и их возможные последствия для самого Китая и для глобальной экономики и политики.

В 2005 г. появилась фундаментальная книга Л.Д. Бони "Китайская деревня на пути к рынку"⁵⁸. В ней комплексно исследуется процесс перехода китайской деревни в период 1978—2004 гг. от плановой модели экономики к рыночной. Автор раскрывает основные закономерности и специфику этой модели, увязывает ее с демографической, земельной и продовольственной проблемами.

В 2006 г. д.и.н. В.Н. Усовым была издана первая в современной России двухтомная "История КНР" (том 1 посвящен событиям 1949—1965 гг., том 2 — 1966—2004 гг.)⁵⁹. В двухтомнике на богатом фактическом материале с использованием большого количества российских и зарубежных источников, часть которых была впервые введена в научный оборот, рассматривается история страны на

протяжении 55 лет, основные политико-идеологические кампании, включая “большой скачок” и “культурную революцию”, период реформ и открытости КНР.

В том же году в издательстве “Наука” вышло пять книг “Избранных произведений” академика С.Л. Тихвинского. Привлекает внимание книга пятая, где автор рассказывает о провозглашении Китайской Народной Республики и своих впечатлениях об этом важном событии для современной мировой истории (статья “Провозглашение Китайской Народной Республики”). Интересны воспоминания С.Л. Тихвинского в статье “Снова на трибуне Тяньаньмэнь” о 50-летнем юбилее провозглашения КНР, на котором автор присутствовал лично⁶⁰.

Одновременно с изучением социально-политической истории современного Китая российскими учеными уделялось внимание прогнозированию дальнейшего развития КНР⁶¹. Наибольший интерес в этом отношении представляет монография академика РАН М.Л. Титаренко и директора Института экономических стратегий, д.э.н. Б.Н. Кузика “Китай—Россия 2050: стратегия соразвития”⁶², вышедшая в 2006 г. В книге дан анализ экономического развития Китая, развития культуры и религии, вооруженных сил КНР, рассматривается внешняя политика Китая и содержится прогноз его развития до 2050 года. Книга переведена и издана в КНР.

Наряду с изучением истории КНР продолжались исследования по истории КПК периода 1949—2004 г. Среди них следует отметить работу Ю.М. Галеновича “Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае” (2006)⁶³, книгу Н.Л. Мамаевой “Партия и власть: компартия Китая и проблема реформы политической системы” (2007)⁶⁴. В этой монографии отмечается, что с момента образования КНР партия прошла свой “зигзагообразный” маршрут развития, постепенно преодолевая “правый нигилизм”, характерный для традиционного Китая, и выстраивая политическую систему, учитывающую китайскую специфику. В книге анализируется деятельность правящей в стране Компартии за последние 30 с лишним лет, обращается внимание на большую по сравнению с периодом “застоя” в СССР готовность партийно-политической элиты и номенклатуры к переменам в стране. Автор подчеркивает, что начало структурных преобразований в партии и политической системе КНР одновременно сочеталось с ужесточением внутри- и внепартийного контроля не только над деятельностью управленцев, но и рядовых членов партии, ограничением дискуссий по определенным политическим проблемам. Рост и распространение коррупционных явлений в жизни страны и партии за последние 30 лет, несмотря на активизацию борьбы с коррупцией в последние годы, по мнению автора, сохраняет потенциальную угрозу стабильности в китайском обществе.

Д.и.н. Л.С. Переломов в 2007 г. издал книгу “Конфуцианство и современный стратегический курс КНР”⁶⁵, где он рассматривает масштабную политическую кампанию “критики Линь Бяо и Конфуция” (1972—1974 гг.) в ходе “культурной революции”, анализирует влияние конфуцианства на современную политическую культуру КНР и модернизацию страны.

В 2007 г. В.Г. Ганшин издал книгу “Формирование гражданского общества в России и Китае”⁶⁶. В том же году вышла книга “Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978—2005)”⁶⁷. В.Ф. Бородич выпустил монографию “Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа”⁶⁸.

В последние годы издана серия китаеведческих сборников, куда вошло довольно много статей по истории КНР⁶⁹. ИДВ РАН продолжает готовить и издавать ежегодники “КНР: политика, экономика, культура”.

В 2007 г. в ИСАА при МГУ был издан сборник материалов международной научной конференции “Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности”⁷⁰. В нем рассматриваются внутренние и внешние факторы подъема Китая, социально-экономическое развитие КНР в эпоху Ху Цзиньтао и направление эволюции политической системы Китая, перспективы ее демократизации и глобальные аспекты подъема КНР. А.В. Ломанов анализирует в этом сборнике концепцию “гармоничного общества” и современную ситуацию в КНР, Я.М. Бергер — перспективы политических реформ в Китае, О.Н. Борох — экономические дискуссии в эпоху Ху Цзиньтао. В.Г. Гельбрас останавливается на успехах КНР и их цене в условиях глобализации, В.В. Лапердина — на количественных и качественных сторонах экономического роста КНР, В.С. Мясников рассматривает новые горизонты стратегического партнерства России и Китая, В.А. Козырев — роль России в стратегии подъема Китая.

В изданном в 2007 г. в ИДВ РАН сборнике “Образ Китая в современной России: Некоторые проблемы китайской историографии и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых”⁷¹ поднимались проблемы историографии.

Экологические проблемы КНР были подняты в 2008 г. в книгах Е.И. Краиной⁷² и И.В. Ушакова⁷³.

В 2008 г. вышла монография академика М.Л. Титаренко “Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии”⁷⁴, где специальные разделы посвящены мирному развитию и возвышению Китая и российско-китайским отношениям, их стабильности и соразвитию.

В 2008 г. вышел последний, итоговый, шестой том “Истории Востока”: “Восток в новейший период (1945—2000 гг.)”, подготовленный Институтом востоковедения РАН, в котором глава “Китай” периода КНР объемом в 50 страниц подготовлена Ю.М. Галеновичем.

В 2009 г. вышла книга П.Б. Каменнова “КНР: военная политика на рубеже веков”⁷⁵, где исследуется роль военной политики Китая в обеспечении условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение им к середине XXI в. статуса сильной модернизированной державы, занимающей доминирующее положение в АТР.

В 2009 г. был издан сборник статей по аграрной политике КНР⁷⁶, где делается попытка рассмотреть пути решения аграрной проблемы страны.

В этом году вышла также коллективная работа “XVII съезд КПК и проблемы социально-экономического развития КНР на современном этапе”⁷⁷.

Истории КНР уделяется много внимания в изданных в последние годы в России книгах о руководителях Китая, которые составляют отдельный блок.

В последние годы появилась целая серия изданий, посвященных Мао Цзэду. Среди них — книга Ю.М. Галеновича “Смерть Мао Цзэдуна”⁷⁸, в которой рассматривается последний год жизни китайского лидера, действия его окружения, рассказывается о последующих событиях, реабилитации ряда видных руководителей страны, деятелей культуры, оценивается деятельность Кан Шэна, У Дэ, Ни Чжифу, “четверки”, судьба некоторых лиц из “ближайшего окружения” Мао. Вторая книга того же автора названа “Мао Цзэдун вблизи”⁷⁹. В ней он знакомит читателей с Мао Цзэдуном как человеком, с его родными и близкими, домом, бытом, анализирует характер Мао. Третья его работа “Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун”⁸⁰ посвящена взаимоотношениям между двумя китайскими лидерами в

конце 1950-х и в 1960-е гг. Автор называет Пэн Дэхуая самым талантливым китайским полководцем, “маршалом правды”.

Книга А.В. Панцова “Мао Цзэдун” в серии “Жизнь замечательных людей” вышла в 2007 г.⁸¹ Две ее части — “От сталинизации к маоизации” и “Последний император” — объемом 224 страницы посвящены деятельности Мао Цзэдуна в период КНР. В разделе о корейской войне, как нам кажется, есть несколько довольно спорных и сомнительных положений: 1) Мао якобы “пошел на участие в войне лишь для того, чтобы ублажить Сталина” (С. 548). 2) “СССР не оказывал реальной помощи ни китайцам, ни северокорейцам” (С. 548). 3) В корейской войне Китай потерял 148 тысяч убитыми (С. 549). Эти цифры явно занижены. Обычно число убитых называется от 500 тыс. до 1 млн чел.

В 2008 г. Ю.М. Галенович издал книгу “Возвращение Лю Шаоци”⁸², где подробно изложена жизнь и деятельность бывшего председателя КНР.

Кроме того можно назвать работу Ю.М. Галеновича “Дао Ху-гуна”⁸³, изданную в 2008 г. в двух книгах и повествующую о жизненном пути Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана. В 2009 г. вышла монография В.Н. Усова “Дэн Сяопин и его время”⁸⁴, где на фоне эпохи представлена наиболее полная биография Дэн Сяопина, изданная в России.

В нашей стране продолжается изучение современных религий и идеологических учений КНР. В 2002 г. вышла книга В.С. Кузнецова “Ислам в общественно-политической жизни КНР”⁸⁵. Следует также назвать второй том “Мифология и религия” пятитомной энциклопедии “Духовная культура Китая”⁸⁶, вышедший в 2007 г. В книге рассматривается историческое развитие религиозной ситуации в стране, религиозные новации XX века. Отдельные ее разделы посвящены конфуцианству, даосизму, буддизму, синкретическим сектам и иностранным религиям в Китае. В 2008 г. вышла в свет монография С.А. Горбуновой “Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства”⁸⁷, где рассказывается об отношении современной власти КНР к религии и, в частности, к буддизму.

Целый блок истории КНР представлен в четвертом томе пятитомной энциклопедии “Духовная культура Китая”: “Историческая мысль, политическая и правовая культура Китая”⁸⁸, выпущенном в июне 2009 г. Институтом Дальнего Востока РАН. В нем анализируются идеологические дискуссии и основные политические кампании 1949—2000 гг., излагается история двух крупнейших партий страны — Гоминьдана и КПК, исследуются политическая и правовая культура Китая в новейшее время, теория “новой демократии” и идеи Мао Цзэдуна, а также теория Дэн Сяопина. Рассматриваются система многопартийного сотрудничества в КНР, экзаменационная система аттестации чиновников, роль и место ВСНП и НПКСК в государственном устройстве страны.

В словарном разделе приводятся краткие биографии и излагаются взгляды таких известных государственных деятелей и лидеров страны, как Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Пэн Дэхуай, Чжоу Эньлай, Ху Яобан, Чжао Цзыян, Чжу Дэ, Ян Шанкунь, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Чжан Вэньтянь, Чэнь И, Чэнь Юнь, Сун Цинлин, Хуа Гофэн и некоторых других. Анализируется творчество ведущих китайских обществоведов и ученых-историков (Цзян Боцзянь, Шан Юэ, Го Можо, Ху Шэна, Ху Ши, Хоу Вайлу, У Ханя и др.). Дается оценка деятельности “банды четырех”: Цзян Цин, Чжань Чунцяо, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня, организаций хунвэйбинов.

Таким образом, за последние 10 лет по истории внешней и внутренней политики КНР, экономическим реформам в Китае, советско-китайским и российско-китайским отношениям в России вышло более 70 крупных монографий, сборников статей, документов, что лишний раз подтверждает повышенный интерес, проявляемый в нашей стране к истории КНР, ее экономическому и общественно-политическому развитию, прогнозированию будущего Китая.

Российские ученые хорошо понимают, что практическое воплощение научных достижений китаеведения наиболее эффективно может проявляться лишь в условиях развития добрососедского сотрудничества двух соседних народов России и Китая, обмена информацией, идеями, книгами, изданий переводов друг друга, взаимного участия в международных конференциях, где каждая сторона может высказать свое мнение по тому или иному вопросу.

Китаеведы считают, что последовательное воплощение принципиальности и объективности, самостоятельности и непредвзятости в оценке фактов и явлений — важнейший залог здорового и продуктивного развития отечественной синологической науки. И это особенно наглядно стало проявляться именно на последнем этапе изучения истории КНР.

1. Усов В.Н. Изучение истории КНР советскими и российскими учеными (основные этапы исследования) // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М., 2009. С. 584—594.
2. Dangdai Zhongguo shi guoji gaoji luntai. Dangdai Zhongguo yu tade waibu shijie (1949--2004). Lunwen ji. Beijing, 2004 (562—569 ye.).
3. Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX века^ Материалы науч. конф. 13 мая 1998 г. М., 1999.
4. *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998.
5. *Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998.
6. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999.
7. *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003.
8. Экономика Китая вступает в XXI в. М., 2004.
9. Новый этап экономической реформы в КНР: проблемы и вызовы. М., 2004.
10. *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007.
11. *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская народная Республика в начале XXI века. М., 2006.
12. *Жигулева В.В.* От плана к рынку: опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978—2005 гг.). М., 2006.
13. *Кондрашева Л.И.* Китай ищет свой путь. М., 2006.
14. Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. М., 2008.
15. *Боревская Н.Е.* Новые механизмы финансирования образования в КНР: китайский опыт в российском контексте. М., 2009.
16. *Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999.
17. *Зазерская Т.Г.* Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949—1960 годы). СПб., 2000.
18. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
19. *Галенович Ю.М.* Россия и Китай: граница. М., 2001.
20. *Бубенин В.* Кровавый снег Даманского. События 1966—1969 гг. М., 2004.
21. *Песков Ю.С.* СССР—КНР: от конфронтации к партнерству. М., 2002.
22. *Галенович Ю.М.* Россия—Китай. Шесть договоров. М., 2003.

23. *Галенович Ю.М.* Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики Китая. М., 2003.
24. *Ганшин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. Особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР. М., 2004.
25. Российско-китайские отношения: Состояние и перспективы. М., 2005.
26. Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб., 2005.
27. *Рахманин О.Б.* Страницы пережитого. М., 2005.
28. *Александрова М.В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения. М., 2005.
29. Россия—Китай. Сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005.
30. *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. М., 2005.
31. *Галенович Ю.М.* Российско-китайские отношения (конец XIX-начало XXI в.). М., 2007.
32. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. Владивосток, 2006.
33. *Рябченко Н.П.* КНР-СССР: годы конфронтации (1969—1982). Владивосток. 2006.
34. *Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М., 2006.
35. *Бажанов Е.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы. М., 2007.
36. *Кудашев Р.Ш.* Моя жизнь в Китае. М., 2008.
37. *Лузянин С. Г.* Россия и Китай в Евразии. М., 2009.
38. *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае. М., 2000.
39. *Цзян Цзэминь.* Реформа, развитие, стабильность: Ст. и выступления. М., 2002; *Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой: Сб. высказываний по темам. В 2-х томах. М., 2002.
40. *Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой: Ст. и выступления. М., 1997; М., 2002.
41. Сборник российско-китайских документов, 1999—2007. М., 2007.
42. Сборник российско-китайских договоров, 1949—1999. М. 1999.
43. *Доронин Б.Г.* Конституции и политическая система Китайской Народной Республики. СПб., 2007.
44. *Галенович Ю.М.* Прав ли Дэн Сяопин, или инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000.
45. Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 80-90-е гг. XX века. М., 2001.
46. *Романок В.* Мифы и реалии "Китайского чуда": Как вести бизнес с китайцами. М., 2002.
47. *Галенович Ю.М.* Китайское чудо или китайский тупик. М., 2002.
48. Там же. С. 6.
49. Там же. С. 134.
50. Китай и Россия: Развитие экономических реформ. М., 2003.
51. Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004.
52. *Кокарев К.А.* Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.
53. Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.). М., 2004.
54. КНР 55 лет: Политика, экономика, культура. М. 2004.
55. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: Поиск новой идентичности. М., 2005.
56. *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР. М., 2005.
57. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005.
58. *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку (1978—2004 гг.) М., 2005.
59. *Усов В.Н.* История КНР: В 2-х томах. Учебник. М., 2006.
60. *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. Книга пятая. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006.
61. Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996—2050) М., 2002;.
62. *Кузык Б.Н. Титаренко М.Л.* Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
63. *Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006.
64. *Мамаева Н.Л.* Партия и власть. Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007.

65. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
66. *Ганшин В.Г.* Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007.
67. *Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978—2005).* М., 2007.
68. *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа. М., 2008.
69. *Восток-Россия-Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова.* М., 2001; *Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию академика М.Л. Титаренко.* М., 2004; *Раздвигая горизонты сотрудничества. К 90-летию академика С. Л. Тихвинского.* М., 2008; *Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко.* М., 2009.
70. *Подъем Китая: Значение для глобальной и региональной стабильности.* М., 2007.
71. *Образ Китая в современной России: Некоторые проблемы китайской историографии и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых.* М., 2007.
72. *Кранина Е.И.* Экологические проблемы устойчивого развития современной китайской деревни. М., 2008.
73. *Ушаков И.В.* Экологический лабиринт: Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М., 2008.
74. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.
75. *Каменов П.Б.* КНР: военная политика на рубеже веков. М., 2009.
76. *Аграрная проблема Китая (конец XX — начало XXI века).* М., 2009.
77. *XVII съезд КПК и проблемы социально-экономического развития КНР на современном этапе.* М., 2009.
78. *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005.
79. *Галенович Ю.М.* Мао Цзэдун вблизи. М., 2005.
80. *Галенович Ю.М.* Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. М., 2005.
81. *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., 2007.
82. *Галенович Ю.М.* Возвращение Лю Шаоци. М., 2008.
83. *Галенович Ю.М.* Дао Ху-гуана. Кн. 1. Жизненный путь Ху Яобана. М., 2008.
84. *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009.
85. *Кузнецов В.С.* Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002.
86. *Духовная цивилизация Китая. Том 2. Мифология и религия.* М., 2007.
87. *Горбунова С. А.* Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М., 2008.
88. *Энциклопедия "Духовная культура Китая". В 5 т. Т.4. Историческая мысль, политическая и правовая культура Китая.* М., 2009.

Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978—2008 гг.)

© 2009

Чэнь Чжихуа

В статье известного китайского ученого анализируются основные направления изучения в КНР истории СССР. Отмечается, что в период 1978—1991 гг. главное внимание китайских исследователей уделялось осмыслению особенностей советской модели социализма. В центре их дискуссий оказались оценки политики "военного коммунизма", периода НЭПа, деятельности Н.И. Бухарина, "сталинской модели" социализма. После 1991 г. и по настоящее время центром исследований остается анализ причин и уроков распада СССР.

Ключевые слова: китайские историки, военный коммунизм, НЭП, "сталинская модель", распад СССР, причины, уроки.

Исследования по истории СССР начались в Китае относительно поздно и на весьма скудной основе, поскольку до образования в 1949 г. Китайской Народной Республики в этой области существовал полный пробел. Внимание изучению истории СССР стало уделяться с 1950-х гг., однако результаты исследований были довольно незначительными по причине дефицита кадров и материальных средств.

Базой для подготовки собственных специалистов и преподавателей истории СССР в КНР в то время служили переведенное на китайский язык издание "История СССР" академика А.М. Панкратовой, а также курсы лекций по данной тематике, прочитанные советскими историками в некоторых вузах Китая. Впоследствии появились отдельные статьи и брошюры по истории СССР китайских авторов, однако с началом в 1966 г. т.н. "культурной революции" в силу понятных обстоятельств исследовательская деятельность в этой области была практически прекращена. Многие темы оказались под запретом лишь после третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. и провозглашения политики реформ и открытости исследования по истории СССР были возобновлены. Период трех последних десятилетий в области изучения истории можно разделить на два этапа: этап 1978—1991 гг., определяющим для которого были 1980-е гг., и этап 1991—2008 гг.

Основные особенности и результаты исследований на первом этапе

Главной особенностью первого этапа стали упор на раскрепощение сознания в процессе исследовательской деятельности и научный подход: исторические исследования должны были служить практике. Многие теоретики в то время уча-

ствовали в широкой дискуссии на тему “Практика — единственный критерий истины”, которая в масштабе страны способствовала освобождению мышления людей от устаревших стереотипов. Это оказало позитивное влияние на исследования по истории СССР. По крайней мере, ученые-историки, специализировавшиеся на советской тематике, достигли общего понимания по следующим проблемам.

Прежде всего, СССР — первое в мире социалистическое государство. Что касается характера советского строя, то во время “культурной революции” в этом вопросе возникла путаница: утверждалось, будто в СССР была осуществлена реставрация капитализма. Более того, якобы Советский Союз стал социал-империалистическим государством. Тем не менее, несмотря на множество проблем во внутренней и внешней политике СССР, социалистический характер государства не претерпел изменений. Правильное определение характера советского государства является важной предпосылкой научно обоснованных исследований по истории СССР.

Кроме того, к ходу исторического процесса в СССР следует подходить двояко. С одной стороны, главными являются блестящие успехи, достигнутые СССР, в то же время не следует упускать из виду те ошибки и недостатки, которые также имели место. Необходимо избавиться от однобокостей и откровенной лжи, присущих освещению истории СССР во времена “культурной революции”. В то же время нужно покончить с мифом о том, что в советской истории все было прекрасно.

Далее, необходимо смелее вторгаться в т.н. “запретные темы” и, раскрепостив сознание, дать на основе реальных данных подлинно историческую оценку трудам своих предшественников, в первую очередь, важным историческим фактам и историческим деятелям, оценка которых в трудах советских историков на протяжении продолжительного периода либо полностью игнорировалась, либо была весьма односторонней, включая тех, кто участвовал во внутривластной борьбе в рядах КПСС.

И, наконец, исследования по истории СССР проводятся вовсе не ради ностальгии, а служат прежде всего строительству социализма, проведению в Китае политики реформ и открытости.

Общее понимание среди китайских специалистов по истории СССР, достигнутое в 1980-е гг. в отношении четырех вышеуказанных основополагающих пунктов, означало, что хотя исследования в данной области начались в Китае с заметным опозданием, они стартовали весьма успешно.

Другой особенностью первого этапа стало то, что наряду с развертыванием научной работы серьезное внимание уделялось подготовке научных кадров. В начале 1980-х гг. в Китае насчитывалось всего около 50 специалистов, занимавшихся исследовательской и преподавательской деятельностью, связанной с историей СССР. Такое количество было явно недостаточным, поэтому требовалось наряду с расширением исследований подготовить большее число молодых специалистов.

В этой связи важное значение имели два события. Во-первых, в марте 1983 г. в Институте всемирной истории Академии общественных наук (АОН) Китая был создан сектор исследования социализма (переименованный затем в сектор истории СССР и стран Восточной Европы), в котором работала группа одаренных ученых в самом расцвете сил, имевших хорошую теоретическую подготовку, систематизированные знания по истории СССР и хорошо владевших русским языком. Костяк сектора составили бывшие выпускники исторических факультетов ведущих советских вузов конца 1950-х — 1960-х гг. Благодаря своей компетентности, а также весомому влиянию и авторитету самой АОН в системе общественных наук страны этот сектор вскоре превратился в важный “плацдарм” современных исследований советской истории. Он не только активно вел

собственную исследовательскую работу, но и взаимодействовал с вузовскими учеными и коллегами из других научно-исследовательских учреждений. Вышедший в 1991 г. двухтомник "Очерки истории СССР (1917—1937)"¹ стал результатом тщательного и всестороннего научного исследования, осуществлявшегося этим коллективом на протяжении пяти лет.

Во-вторых, в 1965 году было учреждено Всекитайское общество по изучению истории СССР и стран Восточной Европы, в создании которого приняли участие 43 представителя 33 вузов и научных учреждений страны. Оно стало другим важным "плацдармом" изучения советской истории. Ежегодно общество организует научные конференции, в ходе которых ученые обсуждают актуальные проблемы, обмениваются информацией, выявляют молодые таланты. Вскоре после создания общества его членами был составлен "Словарь по истории СССР"², в котором содержалось 1600 статей, охватывавших период от Киевской Руси до правления Горбачева. Несмотря на свой характер справочного издания, словарь сыграл важную роль в развитии изучения истории СССР и по сей день остается для многих настольной книгой. В подготовке словаря принимали участие более 100 авторов, среди которых было немало молодых аспирантов. Таким образом, подготовка и выход в свет этой книги явились для китайской историографии, специализирующейся на советской проблематике, своеобразной кадровой и организационной пробой сил.

В этот период наиболее актуальными для исследователей были следующие вопросы:

1. *Октябрьская революция.* Благодаря важной роли Октябрьской революции 1917 года в российской и всемирной истории и, в частности, тому огромному влиянию, которое она оказала на революцию в Китае, это событие постоянно находится в центре внимания китайских историков. В 1980 г. в нашей стране была издана первая монография "История Октябрьской революции"³, в которой изложен весь ход этого знаменательного исторического события: от "двоевластия" после Февральской революции до окончания гражданской войны. Хотя эта монография не добавила много нового в исследование данной проблемы, она, тем не менее, вызвала живой интерес в научном сообществе и положила хорошее начало дальнейшим исследованиям. Впоследствии появилось множество работ, посвященных Октябрьской революции, в которых были затронуты многочисленные проблемы, касавшиеся предпосылок революции, союза рабочих и крестьян во время ее осуществления, аграрной политики большевиков, роли в революции мелкобуржуазных партий, международного влияния Октября и т.п. Во многих из этих трудов в той или иной степени были отражены новые взгляды. Например, на основе объективного анализа исторических фактов была дана всесторонняя оценка исторической роли в Октябрьской революции партии левых эсеров⁴. В монографии "Китайские рабочие-эмигранты в России и Октябрьская революция"⁵ на основе архивных данных, газетных материалов и мемуаров был представлен тот значительный вклад, который внесли находившиеся в России китайские рабочие в победу большевиков в революции и гражданской войне.

2. *Военный коммунизм.* Мнения ученых по проблеме "военного коммунизма" в то время расходились, и поэтому развернулись острые дискуссии. По мнению одних, он был "серьезной ошибкой даже в тогдашних исторических условиях"⁶. Были и те, кто полагал, что "военный коммунизм" представлял собой видоизмененный вариант "аграрного социализма"⁷. Другая точка зрения заключалась в том, что, в целом положительно оценивая практику "военного коммунизма", ее сторонники исходили из убеждения, что он не являлся чем-то экстраор-

динарным в рамках определенного исторического периода, а был реально необходим в условиях войны. Многие из допущенных в то время ошибок были обусловлены “не характером самого политического курса, а недоработками в ходе осуществления этой политики”⁸. Еще одна точка зрения состояла в том, что “военный коммунизм” в период с июня 1918 г. по конец 1919 г. был вызван военными нуждами, а в 1920—1921 гг. представлял собой попытку “прямого перехода” к социализму посредством введения чрезвычайных мер военного времени⁹. Учеными обсуждались также и другие вопросы. В частности, придерживался ли В.И. Ленин идеи “прямого перехода”? Был ли “военный коммунизм” отдельным самостоятельным периодом в экономическом развитии в первые годы советской власти? Можно ли отделить практику “военного коммунизма” от самой его идеи и пр.¹⁰ Необходимо отметить, что дискуссии среди китайских ученых на тему “военного коммунизма” были тесно связаны с тенденциями в развитии советской историографии. Еще в 60—70 гг. прошлого века тема “военного коммунизма” в какой-то момент стала в исследованиях советских историков весьма актуальной. Причем многие проявляли склонность к анализу его негативных факторов. Это и вызвало большой интерес среди китайских ученых к изучению данной проблематики.

3. *Новая экономическая политика.* Проблема “новой экономической политики” была актуальной для исследователей в первой половине 1980-х гг. В то время в нашей стране осуществлялся переход к экономическому строительству, и практика перехода Советской России от “военного коммунизма” к новой экономической политике могла, несомненно, подсказать нам в этой ситуации нечто полезное.

Расхождения среди наших ученых в ходе полемики о НЭПе были минимальными. Большинство ученых сошлись на том, что новая экономическая политика явилась крупным теоретическим и практическим шагом вперед со стороны Ленина и партии большевиков. Исходя из реальных обстоятельств после окончания гражданской войны и уроков “военного коммунизма”, НЭП по существу предлагал правильный курс для перехода экономически отсталых стран к социализму и потому имел универсальное значение. Хотя обобщающего труда по этой теме в Китае нет, было написано много монографий о содержании, сущности и значении различных сторон НЭПа. Заслуживает, в частности, внимания работа, озаглавленная “Происхождение, практика и значение новой экономической политики”, в которой подчеркивалось, что “НЭП является общим понятием, охватывающим широкую, многоуровневую и многопрофильную политику, которая, в свою очередь, нащупывалась, формировалась и распространялась постепенно”. Следует особо выделить две мысли, проходящих “сквозной нитью” через все содержание этой работы. Во-первых, новая экономическая политика была, с одной стороны, тактическим шагом, предпринятым для преодоления серьезного политического и экономического кризиса, вызванного “военным коммунизмом”, а, с другой стороны, она явилась стратегическим шагом на этапе перехода от войны к мирному строительству, продолжением предложенного В.И. Лениным весной 1918 г. принципа построения социализма. Во-вторых, новая экономическая политика была политикой, осуществлявшейся на протяжении всего переходного периода, включая период восстановления, однако ее историческая роль была более значимой как раз в восстановительный период¹¹. Были и другие работы, в которых затрагивались многие стороны НЭПа, включая сельское хозяйство, промышленность, торговлю, аренду, а также период окончания новой экономической политики. Их отличали обилие материалов, новизна постановки проблем и отсутствие старых стереотипов.

Что касается времени окончания НЭПа, то большинство ученых полагают, что в силу различных обстоятельств эта политика была приостановлена в 1928 г.¹²

В центре внимания ученых были также социально-классовые конфликты периода НЭПа. В работе “Борьба против буржуазной идеологии в начальный период НЭПа” всесторонне и конкретно проанализированы различные проявления острой идеологической борьбы пролетариата и буржуазии в первой половине 1920-х гг. В ней отмечается, что в период НЭПа возникли некоторые “левые” уклоны, но они являлись “не перегибом идей ленинизма и большевизма, а порождением общих социально-исторических условий и острой классовой борьбы”¹³.

4. *Внутрипартийная борьба в ВКП(б) в 1920—1930-е гг.* Внутрипартийная борьба в 1920—1930-е гг. представляет весьма сложную проблему. На протяжении длительного времени мы в процессе ее интерпретации опирались в основном на учебник “История ВКП(б). Краткий курс”. Начиная с 1980-х гг., в русле раскрепощения мышления и осуществления научного подхода ученые начали выдвигать новые идеи и концепции.

В 1980 г. в журнале “Всемирная история” (Шицзе лиши) была опубликована статья “Несколько вопросов о Бухарине”¹⁴, где впервые был поднят вопрос о переоценке его деятельности. Эта публикация вызвала целую волну исследований о Бухарине в течение 1980-х гг. В статье говорилось, что “Бухарин был известным деятелем ВКП(б) и Коминтерна, авторитетным мировым теоретиком марксизма и марксистской экономики”. Обосновывая свою переоценку роли Бухарина, автор предложил собственную, в корне отличную от прежних трактовку многих его постулатов, таких как “исчезновение” классовой борьбы и “мирный переход к социализму”. Не все поначалу были согласны с мнением автора. По мере углубления исследований, в частности, обнародования новых архивных материалов и выпуска в свет трудов Бухарина на китайском языке, несмотря на сохранявшиеся разногласия, восторжествовало общее мнение о необходимости переоценки деятельности Бухарина. В 1988 г. вышла в свет книга “Бухарин”¹⁵, в которой на основе новейших архивных данных была описана жизнь этого марксиста-теоретика и революционера.

В 1986 г. в Китае была выпущена “Биография Троцкого”, которая стала первой монографией, посвященной жизни и деятельности этого политика¹⁶. В книге на основе объективных фактов описана жизнь этого известного руководителя ВКП(б) и советского государства на его начальном этапе, дана положительная оценка его вклада в победу Октябрьской революции и в ход гражданской войны, критически проанализированы его серьезные ошибки в решении некоторых проблем, негативно оценивается и осуждается деятельность по сколачиванию “четвертого интернационала”. Книга, безусловно, вышла за рамки “Краткого курса истории ВКП(б)”.

Наряду с переоценкой роли и деятельности Бухарина и Троцкого исследовались также проблемы, связанные с борьбой вокруг Брестского мира, профсоюзов, внутрипартийной борьбой до и после смерти Ленина, борьбой против новой оппозиции и группировки Троцкого—Зиновьева, был высказан ряд новых идей¹⁷.

5. *Строительство социализма в сталинский период.* В начале 1980-х гг. значительное внимание китайские исследователи уделяли изучению проблем коллективизации. В целом они положительно оценивали роль коллективизации в сельском хозяйстве, одновременно подчеркивая проблемы и ошибки этого движения. Отмечалось, что Сталин искусственно сократил период процесса кооперирования, для которого, по расчетам Ленина, была необходима целая историческая эпоха, и поэтому пострадали широкие массы крестьянства, особенно интересы середняков. Ученые полагали, что “вступив на путь индустриализации, со-

ветская страна столкнулась с острым дефицитом продовольствия, который было очень сложно преодолеть. В этих условиях коллективизация рассматривалась как выход из положения. Таким образом, в определенной степени она оказала поддержку индустриализации в стране, которую удалось завершить в сравнительно короткий срок". Однако при этом отмечалось, что "сплошная коллективизация не была и не могла быть всеобщей закономерностью, присущей строительству социализма"¹⁸.

По мере углубления исследований круг изучаемых вопросов постепенно расширялся — от проблем строительства социализма к проблемам тоталитарной политической и экономической системы сталинского периода. Иными словами, заговорили о "сталинской модели". Стоит, однако, отметить, что на протяжении 1980-х гг., особенно в первой их половине, термин "сталинская модель" еще не прижился в научной среде. Более употребительными были термины "модель советского социализма" или просто "советская модель". Основное внимание уделялось вопросам, связанным с историческими условиями, особенностями, успехами и проблемами этой тоталитарной политической и экономической системы. В целом положительно оценивая советскую модель, историки сосредоточились на анализе ее недостатков и недочетов и пришли к выводу, что ее реформирование было исторически неизбежным. В 1988 г. редакция журнала "Всемирная история" организовала два "круглых стола" на темы "Исторический обзор советской модели социализма" и "Диалог в переписке: о реформах Хрущева"¹⁹.

В полновесной и весьма популярной монографии "70 лет политической и экономической системы СССР"²⁰ было дано систематизированное, всеобъемлющее описание формирования, развития и постепенного окостенения советского строя, проведен критический анализ реформирования советской системы за период с начала 1950-х гг. вплоть до 1987 г. Работа была комплексной по содержанию и опиралась на богатый фактический материал.

По мере углубления реформ в Китае и постоянного появления новых исторических источников все более глубокими становились исследования по проблемам советской модели социализма. А после распада СССР изучение этой темы осуществлялось в тесной увязке с вопросами, касающимися причин и уроков распада, и в определенный момент она стала едва ли не самой обсуждаемой. При этом разногласия в ученой среде продолжали разрастаться. Следует отметить, что учрежденный в 1978 г. журнал "Всемирная история" на протяжении 1980-х гг. являлся основным "плацдармом" для исследований истории СССР. На его страницах было опубликовано множество статей по этой тематике. Так, например, в № 4 журнала за 1984 г. была напечатана статья директора Института всемирной истории АОНК проф. Чжу Тингуаня "Не ограничиваться мнимыми рамками"²¹, в которой автор призвал историков к раскрепощению мышления, снятию всяческих запретов, осуществлению научного подхода к изучению советской истории. Она сыграла важную роль в том, чтобы направить наши исследования по этой тематике в русло нормального развития. В 1985 г. редакцией журнала "Всемирная история" был подготовлен и издан в Китае "Сборник статей по современной советской истории", в котором были собраны новейшие и, как правило, добротные научные труды наших историков (причем большинство их публиковалось впервые). Этот сборник стал первым в серии сборников по истории СССР²².

Основные особенности и результаты исследований на втором этапе

После распада СССР причины и уроки советской драмы становятся весьма актуальной проблематикой для международного научного сообщества, в том

числе и для китайских историков. Хотя в их распоряжении не имелось такого обилия материалов и источников, как у коллег из некоторых других стран, однако понимание и постижение китайскими учеными истории СССР как в рациональном, так и в эмоциональном плане, возможно, было более глубоким, чем у их зарубежных коллег. И это вполне понятно. Президент Академии общественных наук Китая Ху Шэн выступил тогда со статьей в газете “Вэньхуэй бао”, в которой отметил, что у китайских исследователей, которые изучают исторический опыт СССР, имеются по сравнению с их коллегами из других стран большие преимущества, поскольку Китай одно время шел по советскому пути, но при этом раньше других вышел за рамки советской модели. Именно по поручению Ху Шэна в АОНК после распада СССР была срочно организована работа по изучению данной проблематики. Вскоре в свет вышли две монографии: “Размышления над историей эволюции СССР” и “Исследование драматических перемен в Советском Союзе”, которые стали первыми в Китае научными трудами, посвященными изучению причин и уроков крушения советской системы²³. Авторы этих трудов детально проанализировали процесс трансформации советской системы с позиций истории и современности, затронув при этом политику, экономику, культуру, идеологию, межнациональные отношения, партийное строительство и внешнюю политику. Было отмечено, что хотя главной причиной эволюции в СССР безусловно явился ошибочный характер проводившегося М.С. Горбачевым курса реформ, нельзя, тем не менее, упускать из виду множество проблем, накопившихся в истории советской и партийной системы, которые и послужили в конечном итоге началом всех бед. Что касается уроков распада страны, то наши историки тогда полагали необходимым твердо и неуклонно поднимать экономику. Очевидно, подобные выводы были сделаны тогда не без влияния нашей внутренней ситуации. При этом в них нашла свое отражение недостаточность глубины самих этих исследований. Несмотря на некоторые различия в акцентах в процессе анализа исследуемой темы, выводы авторов обоих сборников в целом аналогичны. По их мнению, именно ошибочный курс Горбачева напрямую привел к распаду СССР, который отнюдь не означал поражения системы и дела социализма. Разногласия среди ученых по поводу причин и уроков крушения СССР тогда еще не были достаточно явными.

С конца 1990-х гг. возросло количество доступных источников по истории СССР, соответственно, умножилось число работ, посвященных анализу причин и уроков его распада, более глубоких по содержанию и обширных по тематическому охвату. В основном это были научные статьи и в меньшей степени — систематизированные монографические исследования. В целом, по приблизительным подсчетам, за период с 1992 по 2001 гг. в СМИ Китая было опубликовано более 600 статей о причинах распада СССР, издано более 30 книг и монографий на эту тему²⁴.

Начиная со второй половины 1990-х гг. по мере расширения исследований причин распада СССР углублялось изучение т.н. “сталинской модели” при одновременном обострении разногласий по данной проблеме в ученой среде. Наиболее представительными по этой тематике стали две монографии — “Изучение сталинской модели” и “Сталин и социализм — анатомия первой в мире модели социализма”²⁵. В первой из них были проанализированы политическая, экономическая, культурная, идеологическая и, особенно, теоретическая стороны “сталинской модели”. На основе анализа был сделан вывод о том, что “Сталин использовал некоторые идеи, ранее апробированные В.И. Лениным, от которых тот впоследствии отказался, добавил к ним много собственных соображений, и в результате возникла

“сталинская модель социализма”. В другой монографии утверждается, что сталинская теория строительства социализма является составной частью марксизма и что Сталин свел воедино марксизм и советскую действительность первой половины XX в., что его “колоссальные заслуги невозможно перечеркнуть, как и прогрессивную историческую роль сталинской модели в тогдашних условиях”²⁶.

Что касается коренных причин, приведших к распаду Советского Союза, то по этому вопросу среди китайских ученых существуют значительные разногласия. Одни считают, что главная причина распада кроется в сложившейся при Сталине высокоцентрализованной политической и экономической системе (т.н. “сталинская модель”). Другие считают, что основная причина распада — в линии Горбачева на “гуманный демократический социализм”, оторванный от основных положений марксизма, теоретические истоки которой тесно связаны с Хрущевым и XX съездом КПСС. Что касается того, закономерным ли был распад СССР, мнения ученых опять-таки расходятся. Одни полагают, что сверхцентрализованная политическая и экономическая система в Советском Союзе, или т.н. “сталинская модель” со свойственными ей ошибками в теории и практике предопределила неустойчивость этого режима как институциональной системы, поэтому распад страны был неизбежен. Другие считают, что если бы Горбачев проводил такой курс реформ, который соответствовал бы основным принципам марксизма и реальной ситуации в СССР, распад страны можно было бы предотвратить. Третьи думают, что трансформация советской модели социализма была неизбежной, однако крушение социалистической системы неизбежным не было. Реформирования номинально “федеративного”, а фактически “унитарного” полиэтничного государства избежать было нельзя, а распад Советского Союза закономерным не был²⁷.

В целом наличие в науке различных точек зрения на одну и ту же проблему — вещь совершенно нормальная. По мнению автора, вышеуказанные разногласия связаны, по крайней мере, со следующими четырьмя вопросами методологического характера.

Во-первых, как воспринимать принципы марксизма в качестве руководящих идей при проведении научных исследований. Абсолютное большинство ученых нашей страны солидарны в том, что основные принципы марксизма должны быть руководящей идеей в процессе исследовательской деятельности. Тем не менее, при рассмотрении конкретных вопросов иногда может проявляться некая односторонность. Кое-кто из ученых упирает на то, что при рассмотрении исторических процессов в СССР необходимо подняться на тот уровень развития, которого уже достиг сегодняшний марксизм, т.е. руководствоваться теорией Дэн Сяопина, важной идеей “трех представительств” и научной концепцией развития, иначе мы рискуем оказаться поверхностными, и наши выводы не будут соответствовать реальности. Другие подчеркивают, что оценивая важные исторические события и личности, следует учитывать конкретные исторические условия того времени, которому они принадлежат, в т.ч. временной период, международную обстановку и историко-культурные традиции, а также уровень теоретического развития. Необходимо иметь в виду, что обе упомянутые выше точки зрения должны рассматриваться как взаимодополняющие и составляющие единое органичное целое. Нельзя целиком принять одну из них, при этом полностью игнорируя другую.

Во-вторых, что входит в понятие “сталинской модели социализма”. Прежде всего, ее основу составляет социалистический строй. Его главным содержанием в политике являются правящая роль коммунистической партии и советская власть, основу которой составляют руководство со стороны рабочего класса и со-

юз рабочих и крестьян. В экономике — это социалистическая общественная собственность на средства производства и принцип распределения по труду; в идеологии — руководящая роль марксизма. В этих принципах воплощаются характерные особенности научного социализма. Они же составляют содержание “четырёх основных принципов”, о которых говорил Дэн Сяопин. Кроме того, “сталинская модель” включает в себя конкретные политические, экономические и культурные системы и механизмы, стратегию развития, а также разнообразные конкретные институты власти и соответствующую политику. Основные институциональные компоненты системы необходимо сохранять, их нельзя отбросить. А конкретные механизмы и структуры можно и нужно реформировать, исходя из постоянно меняющихся общественных реалий и потребностей. Нельзя упорно сохранять устаревшую модель, отказываясь от реформ.

В-третьих, анализируя любые проблемы, включая историю развития СССР и КПСС, все важные исторические события и личности отдельных видных деятелей, нам необходимо четко разграничивать главное и второстепенное. Тем более нельзя смешивать все “в одну кучу”.

В-четвертых, в ходе исследований китайским ученым приходится пользоваться зарубежными источниками, прежде всего российскими. Необходимо очень тщательно подходить к их выбору, оценке, толкованию и использованию, сопоставляя их при этом с другими материалами.

Если бы ученым удалось достигнуть общего подхода по этим четырем пунктам, можно было бы надеяться на постепенное сближение позиций и снятие спорных моментов в вопросах, связанных с причинами и уроками распада СССР.

Другой особенностью второго этапа исследований СССР в Китае является постоянное обогащение оригинальных материалов, в первую очередь, в связи с появлением все большего объема архивных документов. Еще задолго до распада Советского Союза в КНР был издан ряд сборников советских официальных документов, которые способствовали изучению отдельных тем²⁸.

С конца 1980-х гг. и особенно после распада СССР в России было выборочно открыто и опубликовано значительное число архивных документов по истории советского периода, которые вызвали большой интерес и привлекли пристальное внимание исследователей разных стран, в том числе китайских. Однако в силу различных ограничений далеко не все китайские ученые смогли получить доступ к этим источникам и использовать их. В 1993—1994 гг. в российском журнал “Исторический архив” были опубликованы документы Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. и Июньского пленума 1957 г. В 1997 г. все эти материалы были полностью переведены на китайский язык и опубликованы в КНР²⁹. Кроме того, в 1995 г. в АОН КНР была официально утверждена программа исследований по сбору, переводу и изданию различных архивных материалов советского периода. В рамках этой программы с 2002 г. стал выходить в свет многотомный “Сборник архивных материалов по истории СССР”³⁰. В общей сложности было подготовлено 34 тома, включающих более 8000 различных документов общим объемом 18 млн иероглифов. Этот крупный проект, в котором на протяжении семи лет участвовало множество специалистов, привлек особое внимание ученых, особенно историков, занимавшихся советским периодом. Вместе с тем, очевидны и некоторые недостатки данного издания. В первую очередь, отсутствие четких критериев при отборе источников и неточности в переводах. Тем не менее это издание можно по праву считать важным вкладом в китайскую историографию и развитие советского источниковедения в КНР.

На протяжении второго этапа было издано немало серьезных монографий, отличавшихся новизной подходов, богатством источников (включая новые и оригинальные материалы) и определенным новаторством.

Среди общеисторических можно выделить такие работы, как “История расцвета и падения СССР”, “Очерки истории СССР (1953—1964)”, “Советский Союз в эпоху Брежнева” и др.³¹

Две книги Ма Луншаня посвящены изучению истории советской культуры — “История развития советской системы культуры” и “Культурный аспект перемен в СССР”³². В первой из них проанализированы формирование и эволюция советской теории и политики в культурной сфере, дана характеристика партийных и советских руководящих органов, общественных организаций и научных учреждений, ведавших вопросами культуры. Вторая книга явилась расширением и углублением первой. В ней автор сделал акцент на анализе взаимосвязей между системой культуры и распадом государства. Он высказал отрицательное отношение к той системе культуры, которая сформировалась в т.н. “сталинский период”, считая, что “основное направление политического курса в то время противоречило закономерностям развития науки и культуры, хотя при этом нельзя отрицать его социалистическую направленность”. Затрагивая причины распада Советского Союза, автор придерживается “системной версии”, пытаясь выявить их путем анализа “одной из важных сторон советской системы — культуры и идеологии”.

В области истории внешней политики выделяется монография “Сталин и происхождение “холодной войны”. Это первое в КНР исследование “холодной войны” и причин ее возникновения, где автор доказывает, что “она явилась результатом взаимного противостояния и сдерживания США и СССР, которые в равной мере несут за нее ответственность”³³.

Кроме того, в области истории внешней политики следует упомянуть такие монографии, как “От всестороннего союза к полному размежеванию — отношения СССР со странами Восточной Европы в период “холодной войны”, “Отношения СССР и стран Восточной Европы во время “холодной войны” и т.п.³⁴ Особенностью этих монографий является то, что в них использованы новейшие научные разработки китайских и зарубежных исследователей, а также опубликованные архивные материалы. В первой из них взаимоотношения СССР и восточноевропейских стран рассматриваются в теоретическом и практическом аспектах через призму интернационализма, государственного национализма и политической культуры. При этом термин “государственный национализм” является некой авторской новинкой. Во второй книге отмечаются две проблемы во взаимоотношениях СССР и стран Восточной Европы, которые автор причисляет к “структурным недостаткам”: идеологическое единодушие, заменяющее или маскирующее расхождение государственных интересов, и смешивание межпартийных отношений с межгосударственными. Эти обобщения весьма интересны.

Что касается китайско-советских отношений, то следует упомянуть две монографии — “Исследование некоторых проблем в китайско-советских отношениях после Второй мировой войны — по архивным документам Китая и России” и “Очерки истории китайско-российских отношений в 1917—1991 гг.”³⁵. В этих книгах использовано множество оригинальных материалов и по-новому рассмотрены некоторые проблемы китайско-советских отношений, поэтому они вызвали интерес как китайских, так и российских историков.

По тематике социальной истории можно выделить такие работы, как “Изучение социальных слоев советского общества и драматические изменения в

СССР” и “Социально-политические классы и прослойки и драматические изменения в СССР — изучение социально-политических классов и прослоек в Советском Союзе в 60—90-е гг. XX в.”³⁶. В первой из них была предпринята попытка социологической интерпретации исторических процессов в СССР на протяжении 74 лет на основании большого количества отечественных и зарубежных документальных источников. При этом главный акцент был сделан на анализе перераспределения социальных ресурсов и вызванных им противоречий и конфликтов в стране. На этой основе были проанализированы причины распада СССР, что по праву можно считать методологическим прорывом в китайской историографии. Вторая работа посвящена анализу шести “социально-политических слоев” советского общества — высшего руководства, привилегированной номенклатуры, интеллигенции, диссидентов, национальной элиты, рабочих и крестьян. Из этих работ можно сделать вывод о том, что китайские историки, изучающие проблемы СССР, начали выходить за рамки традиционных методов, используя междисциплинарный подход, и это достойно всяческой похвалы.

Наиболее заметной в области исследования политической истории оказалась изданная в восьми частях, объединенных в пять томов, монография “Принятие важнейших решений в Советском Союзе за 70 лет”³⁷. В первых семи частях в хронологическом порядке излагается процесс принятия решений по всем важнейшим вопросам со времен Ленина до периода Горбачева. Последний раздел — обобщающий. В нем повествуется об особенностях каждого этапа, рассматриваются механизм принятия решений и принципы его функционирования, а также функции и стиль отдельных руководителей. Цель автора состоит в выявлении причин и уроков распада СССР посредством анализа процесса принятия решений высшим руководством страны. Книга значительна по объему, отличается четкой позицией, богатством использованных материалов.

Изучение истории СССР в Китае за последние 30 лет — очень большая тема. Автор данной статьи ограничился кратким обзором наиболее важных научных работ и никоим образом не претендует на исчерпывающий анализ проблемы.

1. Чэнь Чжихуа чжубянь. Сулянь ши ган (1917—1937). Шан, ся цэ. Жэньмипэ чубаньшэ. 1991.
2. Сулянь лиши цыдянь. Цзилинь вэньши чубаньшэ. 1991.
3. Сунь Цуньму, Ли Сяньжун, Кан Чуньлинь. Шинюэ гэмин ши. Саньялянь шудянь. 1980.
4. Сюй Тяньсинь. Лунь цэопай шэхуй гэмин дан. — Сулянь сяньдай ши луньвэньци. Саньялянь шудянь. 1980. С. 95—112.
5. Ли Юнчан. Люй Э хуагун юй Шинюэ гэмин. Хэбей цзяюй чубаньшэ. 1988.
6. Жун Синь. Гунцзи юсянь, цоу яньчжун. — Шинцэ лиши. 1981, № 1.
7. Цзян Ихуа. Ленинчжуй юй чжаньши гунчаньчжуй. — Фудань дасюэ сюэбаю. 1981, № 11.
8. Се Юши. Чжаньши гунчаньчжуй ши ичжун гуньлао. — Шинцэ лиши. 1981, № 1.
9. Е Шуцзун, Ван Синьдэ. Е Тань ленинчжуй хэ чжаньши гунчаньчжуй. — Шинцэ лиши. 1982, № 3.
10. Чэнь Чжихуа. Цзаоци Сулянь ши дэ цзигэ вэньти. Сулянь Дун Оу яньцзю цзыляо. 1983, № 5—6. С. 52—54.
11. Лу Вэньпу. Синь цзинци чжэнцэ дэ чаньшэн, шиши юй ци ин. — Сулянь сяньдай ши луньвэньци. Саньялянь шудянь. 1985. С. 134, 146.
12. Вэнь И. Синь цзинци чжэнцэ ши ваньшань чжунцзэ хайши чжунчжи чжэсин? — Шинцэ ши яньцзю дунтай. 1985, № 3.

13. *Ма Луншань*. Синь цзинци чжэнцэ чуци тун цзычань цзецзи ичжи синьтай дэ доучжэн.— Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. 1985. С. 212.
14. *Чжэн Ифань*. Ю гуань Бухалинь дэ жогань вэньти. — Шицзе лиши. 1980, № 1.
15. *Вэнь И, Е Шуцзун*. Бухалинь чжуань. Цзилинь цзяюй чубаньшэ. 1983.
16. *Ли Сяньжун*. Толоцыцзи пинчжуань. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1986.
17. См.: Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. Саньянь шудянь. 1985.
18. *Цзян Чанбинь*. Цун синь цзинци чжэнцэ дао нунъе цюаньпань цзитихуа юньдун. — Сулянь сяньдай ши луньвэньцзи. С. 293.
19. См.: Шицзе лиши. 1988, № 4; 1989, № 1.
20. Лю Кэмин, Цзинь Хуэй чжу бянь. Сулянь чжэнчжи цзинци тичжи 70 нянь. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1990.
21. Чжу Тингуан цзи. С. 231—235.
22. Сулянь сяньдай ши луньвяньцзи. Саньянь шудянь. 1985.
23. Цзян Лю. Чэнь Чжихуа чжубянь. Сулянь яньбянь дэ лиши сыкао. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1994; Цзян Лю, Сюй Куй, Дань Тяньлунь чжубянь. Сулянь цзюйбянь яньцзю. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 1994.
24. Дун Оу Чжун Я яньцзю. 2002, № 2. С. 75.
25. Ли Цзунъюй дэн. Сулянь моши яньцзю. Чжунъян бяньцзэ чубаньшэ. 1999; Лу Чжичао, Ван Чжэнцю чжубянь. Сыдалинь юй шэхуйчжуи. — Шицзе дингэ шэхуйчжуи моши пэйси. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2002.
26. Лу Чжичао, Ван Чжэнцюань. Цит. соч., Предисловие. С. 3; С. 398.
27. Лю Гохуа, Сюе Сяожун. Сулянь цзети юаньбинь шинянь яньцзю цзуншу. Дун Оу Чжун Я яньцзю. 2002, № 2.
28. Сулянь гунчаньдан хэ Сулянь чжэнфу цзинци вэньти цзюеи хуэйбянь. Цзюань 1-15. Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ. 1983 нянь ци чубань; Сулянь миныйцзу вэньти вэньсянь сюаньбянь. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 1987.
29. Сулянь гунчаньдан цзуйхоу и гэ “фаньдан” цзитуань. Шан, Ся цэ. Чжунго шэхуй чубаньшэ. 1997.
30. Шэнь Чжихуа цзун чжубянь. Сулянь лиши данъянь сюаньбянь. Ди 1-34 цзюань. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2002 нянь ци чубань.
31. *Чжоу Шаньвэнь, Е Шуцзун, Ван Синьдэ*. Сулянь синван ши. Шанхай жэньминь чубаньшэ. 1993; Чэнь Чжихуа чжубянь “Болезинефу шици дэ Сулянь”. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1998.
32. *Ма Луншань*. Сулянь вэньхуа тичжи яньгэ ши. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 1996; *Ма Луншань*. Сулянь цзюйбянь дэ вэньхуа сюши. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2005.
33. *Чжан Шэнфа*. Сыдалинь юй лэнчжань цюань. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2002.
34. *Ли Син*. Цун цюаньмянь цземэн дао фэнь дао ян бяо — Лэнчжань шици дэ Сулянь юй Дун Оу гуаньси яньцзю. Ухань дасюэ чубаньшэ. 2000; Шэнь Чжихуа чжубянь. Лэнчжань шици Сулянь юй Дун Оу дэ гуаньси. Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 2006.
35. *Шэнь Чжихуа, Ли Даньхуэй*. Чжаньхоу Чжун Су гуаньси жогань вэньти яньцзю. — Лайцзы Чжун Э шуанфан дэ данъянь вэньсянь. Жэньминь чубаньшэ. 2006; Шэнь Чжихуа чжубянь. Чжун Э гуаньси ши ган 1917—1991. Синьхуа чубаньшэ. 2007.
36. *Хуан Лифу*. Сулянь шэхуй цзэцэн юй Сулянь цзюйбянь яньцзю. Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2006; *Го Чуньшэн*. Шэхуй чжэнчжи цзэцэн юй Сулянь цзюйбянь — 20 шицзи 60-90 няньдай Сулянь гэ шэхуй чжэнчжи цзэцэн яньцзю. Дандай шицзе чубаньшэ. 2006.
37. *Син Гуанчэн*. Сулянь гаоцэн цзюецэ 70 нянь. 1-5 цэ. Шицзе чжиши чубаньшэ. 1998.

Культура

Мао Цзэдун. "Зимние облака": избранные стихи

© 2009

Перевод с китайского и предисловие А. Панцова

Российский и советский читатель имел возможность познакомиться с поэзией Мао Цзэдуна благодаря переводам известных синологов и поэтов. Автор предлагает свою версию перевода стихов Мао Цзэдуна, многие из которых на русский ранее не переводились.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, китайская поэзия, ши, цы.

Знаменитый китайский революционер Мао Цзэдун (1893—1976) широко известен и как поэт. Лирический, философский, образный. Признают это в разных странах, и китайцы, разумеется, в первую очередь. Даже те, что живут на Тайване, где, казалось бы, само имя Мао должно вызывать неприязнь. К настоящему времени в КНР уже известно 88 стихотворений Мао Цзэдуна¹.

Конечно, не все стихи Мао равноценны с поэтической точки зрения. Как у любого поэта, у "великого кормчего" случались творческие кризисы, когда вдохновение ему изменяло, а слог терял чистоту и изящество. Иногда поэзия в его строфах уступала место революционной риторике, боевой рифмованной пропаганде. Но ведь Мао был прежде всего политиком, да к тому же вождем компартии.

Тем не менее, даже "политизированные" стихи Мао Цзэдуна заслуживают внимания. Они искренни и мелодичны, глубоко созвучны эпохе, безукоризненны по форме и оригинальны по содержанию, а также полностью соответствуют эстетическим традициям китайской литературы. Лучшие же его лирические стихотворения не уступают общепризнанным образцам китайской поэзии. И это не удивительно. Мао был хорошо образованным человеком, обожал китайскую классику, древнюю и средневековую поэзию, а также прозу и драму Китая, хорошо разбирался в китайской истории и философии. Да к тому же, относился к своим стихам очень серьезно. Впрочем, как ко всему в жизни.

Большинство публикуемых стихотворений написаны на китайском языке в элегантном жанре *цы* (песня, романс), в которой мелодия играет не меньшую роль, чем содержание. *Цы* как особый, музыкальный жанр стихосложения впервые возник на основе народного песенного творчества в эпоху Тан (618—907), но широкое развитие получил в последующий период Сун (960—1279). Тонкое ис-

---

Панцов Александр Вадимович, доктор исторических наук, профессор университета "Кэпитал" (Огайо, г. Колумбус, США). E-mail: apantsov@insight.rr.com.

кусство поэзии в жанре *цы* требует от автора строго следовать заранее заданной музыкальной мелодии (*тяо*). Именно последняя и определяет метрические формы стиха, количество строк в строфе, а также длину каждой строки.

Разумеется, в переводе сложно передать мелодичную особенность *цы*. Точно так же, как и воспроизвести ритмические черты еще одного жанра китайской поэзии — *ши* (стихи), в котором также писал Мао Цзэдун.

Жанр *ши* появился гораздо раньше *цы*, хотя своего высшего расцвета также достиг в эпоху Тан. В отличие от жанра *цы* он не требует музыкального сопровождения. Главным в нем является длина строк и их количество в строфах. В каждой строке должно быть одинаковое число иероглифов (либо четыре, либо пять, либо семь), а в строфе — равное число строк (либо четыре, либо восемь).

Российский и советский читатель имел возможность познакомиться с поэзией Мао Цзэдуна благодаря переводам Н. Асеева, М. Басманова, И. Голубева, С. Маршака, А. Суркова, Л. Эйдлина, Г. Ярославцева и других переводчиков².

В своих переводах я стремился, прежде всего, передать смысловое содержание поэзии Мао.

Расставание с другом³

*Взмах руки, и я снова в пути.
Как нам трудно глядеть друг на друга,
Вновь нас мучают горькие чувства.*

*В уголках твоих губ и в изгибе бровей
Мне все видятся отблески гнева,
А в глазах твоих — капельки слез.*

*Знаю: нашей размолвки причина — то письмо, что недавно пришло⁴.
Но, поверь, облака и туманы все развеются.
В мире есть двое — я и ты, больше нет никого.*

*Люди часто страдают.
И что же?
Знает Небо об этом? Кто скажет?*

*На дорогу к Восточным воротам иней лег толстым слоем сегодня.
И осколок луны освещает пруд и неба одну половину.
Как печально мне, как одиноко!*

*Жмет мне сердце гудок парохода —
Начинаю я путь на край света.
Так давай же порвем эти нити, нити гнева и горькой печали!*

*Пусть, как горный обвал на Куньлуне⁵, как тайфун, что пронесся над миром,
Нас покинет печаль. И, как прежде, мы, крылами касаясь, продолжим
Свой полет в облаках над землею.*

Конец декабря 1923 г.

Башня желтого журавля⁶

Девять мощных широких потоков струятся в Китае⁷,
И одна колея разрезает страну пополам⁸.
Мелкий дождь, словно дым, одевает округу туманом,
Черепаша и Змей⁹ запирают Янцзы на замок.

Ты куда улетел? Далеко ли ты, желтый журавль¹⁰?
Только место осталось, где путник преклонит главу.
Выливаю вино я потоком в бурлящую реку,
Рвется сердце мое из груди за высокой волной.

Июль 1927 г.

Война Чан Кайши с гуансийскими милитаристами¹¹

Вдруг подули ветра, и дождь
Стал хлестать по земле кругом.
Вновь солдаты дерутся¹²! Что ж!
Это проса златого сон¹³.

Водрузили мы красный стяг
Над Тинцзяном, Лунъянем и
Над Шанханом¹⁴. Один лишь шаг —
И захватим всю землю мы!

Осень 1929 г.

Праздник двойной девятки¹⁵

Люди стареют быстро, небо же не ветшает.
Праздник двойной девятки осенью наступает.
Праздник двойной девятки в этом году опять,
И хризантемы будут запахи источать

Даже на поле брани: осенью ветер крут.
Осень весны прекрасней, что еще скажешь тут?
Нет, мне весна не в радость, я ведь люблю, когда
Реки и вся природа в тоненькой корке льда.

Октябрь 1929 г.

По пути в Гуанчан¹⁶

Небо белым-бело,
Сквозь снег мы идем вперед,
А там, высоко-высоко,
Ветер знамена рвет.

Куда ж нам теперь, куда?
Ганьцзян¹⁷ занесла пурга.
Но дан нам вчера приказ:
Цзиань¹⁸ захватить пора.

Февраль 1930 г.

Дабоду¹⁹

Красный, лимонно-желтый, зеленый, лазурно-синий,
Лиловый. На небе кто там танцует такой красивый
В одежде из яркого шелка, в закате после дождя²⁰?
Холмы и ущелья солнцем он выкрасил разве зря?

Когда-то на этом месте орудия грохотали
И пули свистели. Видишь: развалины стен остались.
А нынче холмы и доли окрасились в яркий цвет,
Прекрасней картины этой, конечно, на свете нет.

Лето 1933 г.

Хойчан²¹

На востоке чуть брезжит свет.
Нет, не рано нам выступать,
Хоть прошли мы немало мест,
Мы не стары, пойдем опять.

Как красиво кругом! Хойчан
Окружен цепью гор. Они
Обрываются в океан
На востоке моей страны.

Мы пойдем в Гуандун, на юг,
Там пышнее трава вокруг.

23 июля 1934 г.

Три стихотворения о горах

1.

О, горы!
Хлыстом погоняя коня,
Я несся весь день, не слезая с седла!
И вдруг, испугавшись, назад посмотрел:
Еще бы три чи²² — я бы небо задел!

2.

О, горы!
Как волны на море,
Вздыхаетесь вы на просторе
И в пропасть летите скорей,
Как в битву отряд лошадей.

3.

О, горы!
Все небо до боли
Вершинами вы искололи,
Давно бы обрушилось зданье,
Но вы же его основанье.

1934 — 1935 гг.

Куньлунь²³

Поднявшись из глубин, Куньлунь, ужасно злой,
Ты небо исчертил всё линией косой.
Поблек весенний цвет кругом на всей земле,
И в воздух вознеслись драконы вдалеке.
Три миллиона их, нефритовых²⁴, они
Вселенной принесли морозные деньки.
Но летом стает снег, и реки потекут,
И люди, может быть, как рыбы, поплывут
Иль превратятся вдруг в огромных черепах.
Кто может оценить, что сделал ты и как?
И все ж я говорю, Куньлунь, сей час тебе:
“Не будь таким большим и снежным. Неужель,
Я дорогим мечом тебя не разрублю
На три больших куска, коль к небу прислонюсь?”
Один кусок я дам Европе, а второй —
Америке отдам, а третий, тоже мой,

*Я подарю земле, что мы "Восток" зовем.
И мир, покой и свет придут к нам в каждый дом.*

Октябрь 1935 г.

Люпаньшань²⁵

*В высоком небе, в светлых облаках
Я вижу: гуси дикие летят.
На юг спешат. А мы же, молодцы,
К Стене великой двинуться должны,
Хоть мы прошли уж десять тысяч ли.*

*На Люпаньшане ветер флаги рвет,
Он дует с запада. А мы идем вперед,
Сжимаемая пики. Из груди — ни стоны,
Когда ж мы схватим Синего дракона²⁶?*

Октябрь 1935 г.

Снег²⁷

*Ну, вот и Север!²⁸ Что ж! На сотни сотен ли²⁹
Я вижу только лёд, он все сковал вокруг.
Везде, по всей земле, — снега, снега, снега!*

*Смотрю: передо мной — Великая стена,
Но дальше — ничего! Бескрайняя страна!
Могучая река стремится сверху вниз³⁰,
Но не бурлит поток. Его как будто нет.*

*Серебряной змеей танцует гор гряда,
Похожи цепи гор³¹ на восковых слонов³²,
Они стремятся ввысь, хотят догнать Богов.*

*О! Был бы ясен день, увидели бы мы
На белом красный свет³³:
Прекрасней вида нет!*

*Здесь множество чудес, пред этой красотой
Героев целый ряд склонялся до земли.
Но император Цинь и даже ханьский У
Не очень-то, увы, могли слагать стихи.*

*Поэтами назвать Тан цзуна и Сун цзу³⁴
Я тоже не могу: талант их скромн был.
Гордец же Чингисхан умел лишь хорошо
По беркутам большим стрелять из лука в цель.*

*Но все они ушли — их больше в мире нет!
И гениев-творцов
Рождает новый век!*

Февраль 1936 г.

Ответ господину Лю Яцзы³⁵

(в жанре ши)

Я не в силах забыть наши встречи в Кантоне за чаем³⁶
И беседы в Чунцине, когда пожелтела листва³⁷,
Я вернулся в столицу и Вашу поэму читаю,
А цветы опадают, такая сегодня пора.

Тридцать лет пробежало, и год вслед за ними промчался³⁸,
Вы сейчас в сильном гневе, но горе сдержите. Всем нам
Надо очи раскрыть, мир таким же бескрайним остался,
Пусть Куньмин очень мелкий³⁹. Таким он нам с Вами достался.
Вы ж смотрите на рыб⁴⁰, они лучше реки Фучуньцзян⁴¹.

29 апреля 1949 г.

Бэйдайхэ⁴²

Поливают дожди Хэбэй,
Море бурное. Ураган.
Волны белые все сильней
Там, за островом Циньхуан⁴³.

То, что было, забыть нельзя
Пусть хоть тысячи лет пройдут.
Вэй У⁴⁴ бился в этих краях,
А поэмы его живут.

Бьются волны в рыбацкий челн,
Вдруг на гребне большой волны
Исчезает из вида он,
Где же челн? Не видать ни зги.

Помним мы до сих пор стихи:
"К Камню-стеле прильнул восток",
"Ветер осенью шелестит"⁴⁵,
Хоть весь мир измениться смог.

Лето 1954 г.

Спускаясь с горы Лушань

Гора над рекой великой⁴⁶ парит в небесах одна.
К зеленой вершине кружит 400 раз тропа.
Гляжу я на мир спокойно, вдали океана гладь,
А дождь и горячий ветер несут реке благодать.

Все девять потоков тучи закрыли. Кругом темно.
А желтый журавль далеко: ведь он улетел давно⁴⁷.
Несутся речные волны к трем У⁴⁸, над рекою дым.
Не знаю, куда уехал и где сейчас Тао Лин⁴⁹?

Возможно, он землю пашет, возможно, живет вдали,
И персиковый источник ему продлевать дни.

1 июля 1959 г.

Женщины—народные ополченки. надпись на фотографии

Исполненный доблести вид.
Винтовки длиной в пять чи.
Я вижу, как плац горит
В лучах молодой зари!

О, дочери Чжунхуа⁵⁰!
Вы смело идете в бой,
Сменив свои платья на
Военный мужской покрой.

Февраль 1961 г.

Ответ другу⁵¹

Над горами Цзюи⁵² белоснежная гладь облаков,
Вниз, к зеленым холмам, с быстрым ветром принцессы⁵³ летят.
Орошали бамбук они свежими каплями слез,
А теперь на одеждах их красные розы горят.

Неспокойно Дунтин⁵⁴, волны бьются о купол небес,
Длинный остров дрожит: люди громкие песни поют.
Я ж мечтаю о том, что Фужун будет солнечным весь,
И мечты беспредельные долго со мною живут.

1961 г.

Пещера отшельника в Лушани⁵⁵. надпись на фотографии, снятой товарищем Ли Цзинь⁵⁶

В сумерках синих могучие сосны еле видны,
Рваные тучи плывут мимо сосен тише воды.
Эта пещера — творение Неба, жил в ней монах,
Вот уж действительно — чудо природы в диких горах.

9 сентября 1961 г.

Воспевая сливу

Прочитав стихотворение Лу Ю⁵⁷ "Воспевая сливу", я захотел оспорить точку зрения автора. Мао Цзэдун.

Ветер и дождь провожают весну: "Возвращайся!"
"Здравствуй, весна!" — ей кружащийся снег говорит.
Лёд толщиною в сто чжан⁵⁸ на вершинах остался,
Слива ж в цветах на холме ярким светом горит.

Слива с весной заводит жаркий спор не желает,
Просто она — предвестница ранней весны.
Ты подожди, скоро горы вокруг запьлают
Сотней цветов, улыбнется им слива в тиши.

Декабрь 1961 г.

Зимние облака

Зимой облака в снегу на вату белую похожи.
А все цветы лежат в саду, на ветвях мало их. Морозы
Клубятся в небе высоко, поток воздушный вниз их гонит.
Но от земли идет тепло, она вздыхает, с ветром спорит.

Чтоб тигра и пантеру бить, героем следует родиться,
И чтоб медведя победить, нужна отвага с зверем биться.
Встречает весело снега цветочек дикой сливы нежный,
А муха мерзнет в холода и умирает бесполезно.

26 декабря 1962 г.

Читая историю

Человек простился с обезьяной,
Несколько камней отшлифовал.
Вот и все. Но разве это странно?
Ведь он путь свой только начинал.

А потом он начал делать бронзу
И железо в домнах выплавлять.
Сколько лет и зим прошло? Не помню,
Может десять тысяч, может, пять.

Люди той поры не улыбались:
На полях сражений жизнь их шла.
Кровь лилась рекой, а люди дрались
На лугах и долах без конца.

Я читаю прошлого страницы,
А на землю падают снега.
Что запоминаю я? Крупницы
Из всего, что унесли года.

Пять царей и трое сюзеренов⁵⁹,
Говорят, вершили чудеса.
Должен ли я верить непременно
В эту ложь, что льется без конца?

Сколько же героев было славных?
Тао Чжи, Чжуан Цзюэ⁶⁰ — они
Стали образцами, но нет равных
Князю Чэню⁶¹, что ни говори.

Он своею золотой секирой,
Размахнувшись, всех врагов разил.
Но не спета песня, и над нивой
Новый день с востока льется в мир.

Весна 1964 г.

Вновь я взошел на Цзинганшань

Давно имел я цель подняться в небо,
И вот я вновь взошел на Цзинганшань.
Я сотни ли прошел, ища ночлега,
Но все здесь внове, все не так, как встарь.

Здесь иволги поют и ласточки кружат,
И горные ручьи еще сильнее журчат.
Дорога ввысь идет — на край небес,
Пройди лишь Хуанъян —
Нет больше трудных мест.

*Ветер и гром трещат,
Знамена и флаги шумят
Везде, где живет человек.
Прошло тридцать восемь лет,
Пальцев щелчок — и их нет.*

*Могу я схватить луну даже с Девятого Неба
И всех черепах достать из всех океанов земли,
Вернулся сюда я веселый, и праздную я победу,
И трудностей в мире этом, конечно же, больше нету,
Осмелиться надо только взобраться на пик горы!*

Лето 1965 г.

Подумать есть о чем

*Меня дела давно зовут в Шэньду⁶²,
Но вновь на юге я. И что ж я вижу?
Младые сосны⁶³ с гневом рвутся ввысь,
Опавшую листву⁶⁴ поток воды уносит.
Мощнейший вихрь и гром пугают мир,
На улицах везде знамена, флаги.
Но я спокойно вслушиваюсь в гром:
Народу нашему подумать есть о чем⁶⁵.*

Июнь 1966 г.

1. Мао Цзэдун шицы цюаньцзи (Полное собрание стихов Мао Цзэдуна) // <http://www.dxgzs.com/mzdsc/>; Мао Цзэдун шицы цзи (Сборник стихов Мао Цзэдуна). Пекин, 1996.
2. Мао Цзэдун. Восемнадцать стихотворений/Пер. под ред. Н. Федоренко, Л. Эйдлина. М., 1957; Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом — для будущего. М., 2002. С. 179—181.
3. Стихотворение обращено к Ян Кайхуэй (1901—1930), жене Мао Цзэдуна. Перевод этого и остальных стихотворений (за исключением последнего) сделан по изданию: Мао Цзэдун. Шицы дуйлянъ цзичжу [Сборник стихов Мао Цзэдуна]. Чанша, 1991.
4. О каком письме идет речь, нам знать не дано.
5. Горная гряда на юго-западе Китая.
6. Пагода в городе Учане.
7. Имеются в виду девять притоков Янцзы.
8. Речь идет о Пекин-Ханькоуской железной дороге и железной дороге Ханькоу-Чанша, встречающихся в Ухани.
9. Черепаха-гора и Змея-гора — два холма по обе стороны Янцзы, напротив друг друга. Первая из них находится в городе Ханьяне, вторая — в Учане. Именно на Змее-горе возвышается Башня желтого журавля.
10. Существует легенда, согласно которой как-то давным-давно в Учане один молодой человек по имени Синь держал винную лавку. Был он славным и добрым и однажды угостил бродячего даосского монаха вином. Тот в благодарность нарисовал у него на стене лавки журавля, который оказался волшебным. Каждый раз, когда кто-то хлопал в ладоши, журавль танцевал грациозные танцы. Молодой человек был несказанно рад: ведь теперь его лавка всегда была полным-полна народа, собиравшегося поглазеть на

чудо-журавля, да заодно и пропустить стаканчик-другой. Но спустя десять лет монах-даос вновь объявился в этих местах. Зашел он и к Синю, вынул флейту, заиграл на ней, сел на журавля и улетел на небо. В память обо всем происшедшем семейство Синей и построило на месте винной лавки Башню желтого журавля. Если все это правда, то события эти имели место где-то в самом начале III века нашей эры. Согласно историческим данным, башня была выстроена в 223 году.

11. 27 апреля 1962 г., отдавая в печать это стихотворение наряду со стихами “Праздник двойной девятки”, “По пути в Гуанчан”, “Из Тинчжоу в Чаншу”, “Против первого большого “карательного похода”” и “Против второго большого “карательного похода””, Мао Цзэдун сделал примечание: “Эти шесть стихотворений, которые я напел себе под нос, разъезжая на лошади где-то в 1929 или 1930 г., выветрились из моей памяти. Однако товарищи из редакционной коллегии журнала “Народная литература” нашли их и, прислав мне, попросили разрешения их напечатать. Публикую их в немного отредактированном виде”.
12. Имеется в виду война между Чан Кайши и гуансийскими милитаристами, начавшаяся еще в марте 1929 г.
13. Речь идет об истории, рассказанной известным писателем танской эпохи Шэнь Цзици (740—800) в новелле “Волшебная подушка” о некоем молодом человеке по фамилии Лу, уснувшим в харчевне на подаренной ему бродячим даосским монахом фарфоровой подушке. Лу приснилось, что он сделал блестящую карьеру, однако, проснувшись, он обнаружил, что все осталось по-старому, и даже просо, которое хозяин харчевни поставил в котелке на огонь перед тем, как Лу уснул, еще варится. Мао хочет сказать, что борьба за власть между Чан Кайши и милитаристами — тщетное занятие, которое ничего не изменит в судьбе Китая.
14. Тинцзян — река в западной Фуцзяни и Гуандуне. Лунъянь и Шанхан — уездные города на западе Фуцзяни.
15. Имеется в виду 9-е число 9-го месяца по лунному календарю, которое в Китае традиционно считается праздничным. В этот день принято запускать воздушных змеев и устраивать фестиваль хризантем.
16. Уезд в западной Цзянси.
17. Река в западной Цзянси.
18. Крупнейший город западной Цзянси.
19. Городок в 50 ли к северу от столицы Центрального советского района Жуйцзиня, у стен которого в феврале 1929 г. произошла жаркая битва между войсками Красной Армии и гоминьдановцами.
20. Мао имеет в виду радугу.
21. Город в Цзянси, где в июле 1934 г. Мао обсуждал с членами местного комитета КПК ситуацию, сложившуюся в ходе безуспешной борьбы Красной Армии против пятого карательного похода Чан Кайши, начавшегося в сентябре 1933 г.
22. Ч и — китайская мера длины, равная 0,33 см.
23. Мао написал это стихотворение, любуясь панорамой Куньлуня с одной из вершин гор Миньшань, расположенных в центральной части хребта.
24. Примечание Мао: “Один из поэтов прошлого как-то сравнил падающий снег с “разлетающимися когтями и осыпающейся чешуей трех миллионов нефритовых драконов, сражающихся между собой”. Я использую здесь этот образ, чтобы описать покрытые снегом горы. Ведь с гор Миньшань в отдалении даже в летние дни можно увидеть кружащиеся тут и там белые вихри. Эти горы, по преданию, представляли собой бурлящую вулканическую лаву до тех пор, пока Царь обезьян не объявился в этих местах и не успокоил огненную стихию, помахав над ней веером из банановых листьев, который он приобрел на ярмарке. С этого времени все вокруг окрасилось в белый цвет”.
25. Горы, расположенные на границе провинций Ганьсу и Нинся (Северо-Западный Китай).
26. Чан Кайши.
27. Публикую это стихотворение в 1958 г., Мао Цзэдун сделал к нему примечание: “[Я] выступаю [здесь] против феодализма, против реакционного характера двухтысячелетне-

- го феодализма. А что касается “сложения стихов”, “таланта” и “больших беркутов” — то только так и можно писать стихи! Как же иначе можно выразить презрение к этим людям? Любое другое объяснение — ошибочно. В последних трех строках говорится о пролетариате”.
28. Стихотворение написано под впечатлением от заснеженных гор Северной Шэньси.
  29. Ли — китайская мера длины равная 0,576 км.
  30. Река Хуанхэ на границе провинций Шэньси и Шаньси течет с севера на юг.
  31. Примечание Мао: “Имеется в виду нагорье Шэньси и Шаньси”.
  32. Первоначально у Мао было: “лаосских слонов”.
  33. Имеется в виду солнечный свет на снегу.
  34. Речь идет о втором императоре танской династии Тайцзуне (правил в 626—649 гг.) и первом императоре сунской династии Тайцзу (правил в 960—976 гг.).
  35. Лю Яцзы (1887—1958) — поэт, участник Синьхайской антимонархической революции 1911 г., левый гоминьдановец, член Народно-политического консультативного совета Китая, организованного коммунистами в марте 1949 г. С начала 40-х годов горячо поддерживал курс Мао Цзэдуна на строительство государства “новой демократии”, но в апреле 1949-го начал высказывать несогласие с антилиберальной политикой КПК. Свои горькие чувства он выразил в стихотворении “Сокровенные мысли”, заявив о желании отойти от политической деятельности и уединиться на юге страны. В ответ Мао и написал эти стихи.
  36. Мао впервые встретился с Лю Яцзы в Кантоне в середине 20-х годов, когда коммунисты сотрудничали с гоминьдановцами в рамках единого антиимпериалистического фронта.
  37. Мао имеет в виду свои встречи с Лю Яцзы осенью 1945 г., когда под давлением Сталина он вел в Чунцине переговоры о мире с Чан Кайши. В те дни Лю написал поэму, в которой восславил лидера КПК. В ответ Мао подарил ему свое стихотворение “Снег”.
  38. Мао вернулся в столицу Китая Пекин через 31 год после того, как впервые посетил ее.
  39. Озеро, расположенное в центре летней императорской резиденции Ихэюань (Парк Доброго здоровья и гармонии) в Пекине. Оно действительно мелкое (не глубже 1,5 м), но удивительно красивое и очень большое (почти три четверти территории парка). Мао хочет сказать, что не надо придавать значения недостаткам, а нужно больше видеть достоинства (он имеет в виду деятельность КПК).
  40. “Смотреть на рыб” означает писать стихи, в данном случае — заниматься полезной творческой деятельностью.
  41. На берегу реки Фучуньцзян недалеко от города Ханчжоу в I веке н.э. обитал отшельник Янь Гуан. Он снискал себе известность тем, что отказался принять предложение основателя династии Восточная Хань императора Гуанью (23—57) переехать в столицу и занять высокий пост. Мао хочет сказать, что вместо того, чтобы жить в уединении, Лю Яцзы следовало бы отдать все силы делу строительства нового Китая.
  42. Курортное место в провинции Хэбэй на берегу Бохайского залива, где Мао любил отдыхать.
  43. Остров в Бохайском заливе недалеко от Бэйдайхэ.
  44. Вэй У (155—220) — знаменитый император северокитайской династии Вэй, известный по именам Цао Цао.
  45. Мао цитирует поэму Вэй У “Поход к восточному морю”, которую тот написал, достигнув южного мыса Бэйдайхэ, известного под названием Камень-стела. Этот мыс исчез в водах Бохайского залива в V веке н.э.
  46. Янцзы.
  47. См. примечания к стихотворению “Погода желтого журавля”.
  48. Три У — историческое название района в низовьях Янцзы.
  49. Тао Лин (356—427) — великий китайский поэт, более известный под именем Тао Юаньмин. Его ставшая знаменитой поэма “Персиковый источник”, которую он написал у подножия горы Лушань, проникнута утопическими идеями всеобщего равенства.
  50. Китая.
  51. Примечание Мао Цзэдуна: ““Друг” — это мой старый одноклассник из Чанши. Под “волнами Дунтина” я имею в виду большой скачок в провинции Хуанань. Под “длинным

- островом” — город Чаншу, [почва] которого образовалась из наносов песка. Многие жители Чанши не знают ее историю. Выражение “беспредельные мечты” заимствовано у Ли Бо, который пишет о “мечтах об Уэ”, подразумевая полет фантазии. Слово же Фужун взято у Тань Юнчжи, поэта династии Тан, который сказал когда-то: “Над землей Фужун дуют осенние ветры”. Речь идет о провинции Хунань, а фужун означает китайскую розу (гибискус переменчивый), а не лотос, который расцветает летом”.
52. Горы в южной Хунани (другое название — Цанъушань), в которых, по преданию, скончался правитель Древнего Китая Шунь. Согласно легенде, две его наложницы, Эхуан и Нюин (обе — дочери предшествовавшего правителя, Яо) в глубоком горе отправились на берег реки Сянцзян оплакивать умершего мужа. Они так убивались, что беспрерывно капавшие из их глаз слезы, оставили пятна на росшем поблизости бамбуке. С тех пор китайский бамбук пятнистый.
53. Эхуан и Нюин.
54. Большое озеро к северу от Чанши.
55. Естественная пещера в склоне Фошоуянь горы Лушань, в которой, по преданию, во времена династии Тан обитал даосский монах, достигший бессмертия.
56. Цзян Цин (1914—1991), четвертая жена Мао Цзэдуна.
57. Лу Ю (1125—1210) — великий сунский поэт.
58. Ч ж а н — китайская мера длины, равная 3,3 м.
59. Пять царей (императоров) и три сюзерена (правителя) — мифические властители Древнего Китая.
60. Тао Чжи (?) и Чжуан Цзюэ (?) — вожди народных восстаний V и IV вв. до н.э. соответственно.
61. Князь Чэнь (Чэнь ван, настоящее имя — Чэнь Шэн, ? -208 до н.э.) поднял восстание против династии Цинь в 209 г. до н.э.
62. “Святая столица” — так в древности именовали столичный город. В данном случае имеется в виду Пекин.
63. Революционная молодежь.
64. “Правые”, “каппуцисты” и прочие “ревизионисты”.
65. Это стихотворение было впервые опубликовано в 1996 г. См.: *Мао Цзэдун. Шицы цзи* [Сборник стихов Мао Цзэдуна]. Пекин, 1996.

В Обществе российско-китайской дружбы

Во имя добрососедства, дружбы и сотрудничества

© 2009

Г. Куликова

История Общества российско-китайской дружбы восходит к 29 октября 1957 г., когда в Москве состоялось учредительное собрание Общества советско-китайской дружбы, первого в числе обществ дружбы с зарубежными странами. ОСКД и его преемник — ОРКД уже более полувека играют весьма важную роль в развитии многосторонних связей, взаимопонимания, дружбы между народами двух соседних держав. В статье, подробно излагающей историю становления и развития Общества, содержится обзор его важнейших акций во имя двусторонней дружбы (не прерывавшихся даже в период ухудшения межгосударственных отношений). Этот вклад неоднократно получал высокую оценку со стороны руководителей России и Китая.

Ключевые слова: российско-китайская дружба, ОСКД, ОРКД, Институт Дальнего Востока РАН, Год Китая в России.

В 2009 г. народы России и Китая широко и торжественно отмечают юбилейные даты, связанные с историей КНР и российско-китайских отношений.

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика, и уже на следующий день Советский Союз первым в мире заявил о признании КНР и установлении с новым государством дипломатических отношений.

За минувшие 60 лет наши взаимоотношения прошли непростой путь. Было все: и военно-политический союз 1950-х гг., и идеологические разногласия, переросшие в межгосударственную конфронтацию, вплоть до приграничного военного противостояния. И только к концу XX столетия руководители наших стран осознали, что добрососедству альтернативы нет.

В апреле 1996 г. в Совместной декларации, подписанной в ходе саммита в Пекине руководителями двух стран, была выражена решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Качественно новый этап в отношениях двух стран ознаменовало подписание 16 июля 2001 г. исторического документа — Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Этот программный документ заложил международно-правовую основу отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, в юридической форме закрепил мирную идеологию двух государств и их народов “навсегда друзья и никогда враги”.

В мае 2008 г. в ходе первого официального визита в Китай Президента РФ Д.А. Медведева в Совместном российско-китайском коммюнике об итогах встречи указывалось: “...благодаря совместным усилиям сторон китайско-российские отношения партнерства и стратегического взаимодействия достигли беспрецедентно высокого уровня и находятся на этапе динамичного развития”¹.

16—18 июня 2009 г. состоялся государственный визит в Российскую Федерацию Председателя КНР Ху Цзиньтао. В Совместном российско-китайском заявлении об итогах встречи говорилось: “Главы двух государств в духе взаимопонимания и взаимного доверия обсудили состояние и перспективы дальнейшего развития отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Стороны выразили удовлетворение результатами проделанной за год совместной работы по развитию российско-китайских отношений... выразили удовлетворение поступательным развитием сотрудничества в гуманитарной сфере... что позволяет укреплять и всемерно расширять социальную основу российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия”².

Важную роль в развитии двусторонних межгосударственных отношений играет Общество российско-китайской дружбы — преемник Общества советско-китайской дружбы (ОСКД), первого в СССР общества дружбы с народами зарубежных стран.

Его учредительное собрание, состоявшееся 29 октября 1957 г. в Москве, отразило многолетние симпатии народов нашей страны к Китаю. Председателем ОСКД был избран известный государственный и общественный деятель, член Президиума Верховного Совета СССР А.А. Андреев. “Создание Общества советско-китайской дружбы, — писала 30 октября 1957 г. газета “Жэньминь жибао”, — представляет новое звено во всестороннем сотрудничестве советского и китайского народов. Китайский народ искренне приветствует создание общества, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе”³.

Общество советско-китайской дружбы стало представительной массовой организацией. Во всех союзных республиках, во многих краях, областях и городах были созданы его отделения. В состав ОСКД вошло на правах коллективных членов более 400 крупнейших предприятий, учебных заведений, научных институтов, учреждений культуры.

С первых дней ОСКД установило дружественные связи с Обществом китайско-советской дружбы (ОКСД), созданным в Китае 5 октября 1949 г. 12 ноября 1959 г. между ними было подписано Соглашение о сотрудничестве, сыгравшее важную роль в установлении непосредственных контактов отделений ОСКД в республиках, краях и областях нашей страны с отделениями ОКСД в провинциях, автономных районах и городах Китая; между первичными организациями и отдельными представителями советской и китайской общественности⁴.

Развернулся активный обмен делегациями, всевозможными информационными материалами. В Москве, в столицах союзных республик, во многих городах по линии ОСКД стали проводиться мероприятия, рассказывавшие о

борьбе китайского народа за победу народной революции и становление новой жизни, о помощи и поддержке, которую наша страна оказывала Китаю на всех этапах китайской революции.

ОСКД продолжало свою деятельность и в трудные 1960-е гг. — в период ухудшения советско-китайских отношений. В Москве 29 января 1969 г. в разгар “культурной революции” состоялась II Всесоюзная конференция, заявившая, что главной задачей своей деятельности ОСКД считает содействие сохранению, развитию и укреплению братской дружбы и сотрудничества между народами наших стран, широкому ознакомлению советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой, способствуя тем самым воспитанию уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации⁵.

В феврале 1978 г. на III Всесоюзной конференции ОСКД было подчеркнуто, что оно готово к восстановлению и развитию контактов с ОКСД на основании Соглашения от 12 ноября 1959 г. Это предложение вновь прозвучало в 1982 г., когда отмечалось 25-летие общества. Готовность ОСКД к восстановлению и дальнейшему развитию советско-китайских общественных связей была выражена и на его IV Всесоюзной конференции, прошедшей в Москве 26 ноября 1986 г. Председателем ОСКД эта конференция избрала академика С.Л. Тихвинского — ректора Дипломатической академии МИД СССР; первыми заместителями Председателя общества стали: О.Б. Рахманин — первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС и М.Л. Титаренко — директор ИДВ АН СССР.

В период 1968—1987 гг. по линии ОСКД в нашей стране было проведено более 300 мероприятий по случаю знаменательных событий китайской истории и истории двусторонних отношений, а также посвященных памяти выдающихся деятелей национально-освободительного и революционного движения Китая, деятелей китайской культуры. На большинство мероприятий приглашались сотрудники Посольства КНР в Москве.

Можно без преувеличения сказать: с середины 1970-х гг. до середины 1990-х гг. ОСКД служило центром, сплотившим всех представителей советской общественности, дороживших делом сохранения добрососедства и дружбы с китайским народом. Деятельность Общества наглядно показала, сколь важную роль может играть народная дипломатия в борьбе за нормализацию советско-китайских межгосударственных отношений и общественных связей.

29 октября 1987 г. к 30-летию юбилею Общества советско-китайской дружбы в его адрес поступило приветственное послание от председателя Общества китайско-советской дружбы У Сюцюаня. “За прошедшие 30 лет Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и развитию традиционной дружбы между китайским и советским народами, — говорилось в нем. — Мы высоко ценим это”.

Полтора года спустя возобновились советско-китайские контакты на высшем уровне: в мае 1989 г. состоялся официальный визит в КНР Президента СССР М.С. Горбачева. В апреле 1990 г. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн в ходе своего пребывания в Москве посетил Дом дружбы с народами зарубежных стран, где состоялась его теплая встреча с Председателем Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) В.В. Терешковой, Председателем Центрального правления (ЦП) ОСКД академиком С.Л. Тихвинским и активистами общества, участвовавшими в оказании помощи китайскому народу на разных этапах китайской революции и после ее победы.

16 мая 1991 г. в дни официального визита в Советский Союз Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя в Посольство КНР в Москве были приглашены руководители и активисты ССОД и ОСКД. 17 мая 1991 г. в Свердловском зале Кремля Цзян Цзэминь выступил перед представителями общественности Москвы с докладом «Китай шагает навстречу XXI веку»⁶.

Встречи руководителей КНР с представителями ОСКД свидетельствовали о признании в Китае вклада ОСКД в нормализацию двусторонних межгосударственных отношений, в восстановление и развитие советско-китайских общественных связей.

Активная деятельность Общества советско-китайской дружбы на фоне позитивных перемен в советско-китайских отношениях привела к восстановлению в 1983 г. наших контактов с Китайским народным обществом дружбы с заграницей (КНОДЗ) и с ОКСД. В октябре 1983 г. в Китай, впервые после 18-летнего перерыва, совершила поездку представительная группа руководителей и активистов ОСКД во главе с его председателем академиком С.Л. Тихвинским; в мае 1984 г. Москву посетила делегация КНОДЗ и ОКСД во главе с председателем КНОДЗ Ван Биннанем. В ноябре 1987 г. делегация КНОДЗ во главе с его Председателем Чжан Вэньцинем участвовала в мероприятиях, посвященных 70-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Летом 1988 г. нашу страну посетила делегация ОКСД во главе с его Председателем У Сююоанем — с этого времени между организациями обществ дружбы возобновился активный обмен делегациями и специализированными группами туристов — активистов обществ дружбы, стали восстанавливаться и развиваться контакты между отделениями обществ дружбы в приграничных районах двух стран.

В 1992 г. вслед за распадом СССР, началась реорганизация советских государственных и общественных организаций. ОСКД, работавшее до 1991 г. в системе ССОД (которое тоже перестало существовать), лишилось штатных работников, ему пришлось осуществлять свою деятельность, опираясь на собственные силы и средства. В этих условиях заботу об ОСКД взял на себя Институт Дальнего Востока Академии наук СССР во главе с его директором, первым заместителем Председателя общества М.Л. Титаренко.

В переломные 1990-е гг. народная дипломатия снова убедительно доказала свою востребованность. ОСКД продолжало свою деятельность, опираясь на самоотверженную работу ветеранов, членов Центрального правления и ученых Института Дальнего Востока РАН. Особую роль в эти годы сыграла активная позиция наших китайских партнеров — КНОДЗ и ОКСД, оказавших нам большую моральную поддержку. Важная помощь в 1990-е гг. была оказана ОСКД и Посольством СССР в КНР, в котором с конца 1989 г. работала автор статьи — представитель ССОД, заместитель председателя ОСКД.

В январе 1992 г. в Москве состоялась V отчетно-выборная конференция ОСКД. Общество советско-китайской дружбы было официально переименовано в Общество российско-китайской дружбы (ОРКД). Соответствующая трансформация произошла и в Китае: наш партнер стал именоваться Обществом китайско-российской дружбы (ОКРД).

29 октября 1997 г. Обществу российско-китайской дружбы исполнилось 40 лет. В приветствии, поступившем в его адрес за подписью тогдашнего Президента РФ Б.Н. Ельцина, был отмечен «весомый вклад ОРКД в развитие отношений добрососедства и плодотворного сотрудничества с КНР и формирование у российской общественности интереса и уважения к своему велико-

му соседу, его древней и уникальной культуре". По случаю юбилея Посол КНР в РФ Ли Фэнлинь от имени КНОДЗ и ОКРД вручил 24 руководителям и ветеранам ОРКД почетные грамоты, в которых говорилось: "На протяжении многих лет Вы, отдавая свою душу и силы, внесли выдающийся вклад в дело взаимопонимания и дружбы между нашими странами и народами. Ваши заслуги навсегда войдут в летопись китайско-российской дружбы"⁷.

После провозглашения в 1996 г. руководителями России и Китая курса на развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в., перед ОРКД встала задача по расширению общественной базы общества, активному привлечению российской молодежи к движению за дружбу и сотрудничество с Китаем.

Эти задачи в качестве первоочередных были сформулированы на состоявшейся в Москве 3 февраля 1998 г. VI отчетно-выборной конференции ОРКД. Председателем ОРКД конференция избрала директора Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко, академик С.Л. Тихвинский стал его почетным председателем⁸.

Подписание в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой означало, что ОРКД должно включиться в дело дальнейшего расширения социальной базы взаимопонимания, доверия и дружбы между народами двух стран, привлекать к всестороннему сотрудничеству с Китаем широкие слои российской общественности.

24 апреля 2003 г. в Москве состоялась VII отчетно-выборная конференция ОРКД. В докладе, с которым выступил на конференции Председатель ОРКД академик М.Л. Титаренко, подчеркивалось, что в повседневной практической работе общества первостепенное внимание уделялось распространению в нашей стране объективной информации о Китае, его истории и культуре, о больших достижениях в деле модернизации страны, богатых традициях российско-китайской дружбы, значении добрососедства и всестороннего сотрудничества в интересах наших стран и народов, а также содействию в ознакомлении общественности Китая с событиями, происходящими в нашей стране. Общество по-прежнему выступало инициатором и организатором в Москве и других регионах России мероприятий, посвященных знаменательным событиям китайской истории, юбилеям деятелей национально-освободительного и революционного движения, истории дружбы между нашими народами, успехам КНР в экономическом, социальном и культурном строительстве. Торжественными собраниями по линии общества традиционно отмечались годовщины образования КНР. Свои мероприятия общество посвящало юбилеям выдающихся китайских политических и общественных деятелей — Сунь Ятсена и Сун Цинлин, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Чэнь И, Ли Фучуня, видной деятельницы женского движения Цай Чан, Ху Яобана, Ян Шанкуня. По приглашению ОРКД в этих мероприятиях участвовали сын Чэнь Юня — Чэнь Юань (Президент Банка развития Китая); сын Ху Яобана — Ху Дэпин (член ПК ВСНП, заместитель заведующего Отделом Единого Фронта ЦК КПК); сын Ян Шанкуня — Ян Шаомин (вице-президент Фонда Сун Цинлин)⁹.

В докладе М.Л. Титаренко говорилось также о том, что расширению информационно-культурной деятельности содействовали активно работающий на базе культурно-информационного центра ИДВ РАН семинар почетного председателя ОРКД академика С.Л. Тихвинского и лекторий на тему: "Китай — российско-ки-

тайские отношения сегодня". На конференции была отмечена многосторонняя деятельность Санкт-Петербургского, Приморского, Хабаровского, Екатеринбургского, Калужского отделений общества, а также отделений ОРКД в Читинской и Еврейской автономной областях, их успешно развивающиеся контакты с китайскими партнерами. Конференция ОРКД приняла постановление, определившее в качестве главных задач общества содействие расширению общественной базы российско-китайских отношений, укрепление взаимопонимания и доверия между широкими слоями населения двух стран.

Конференция избрала Центральное правление ОРКД в составе 150 человек, председателем которого вновь стал М.Л. Титаренко, почетным председателем — С.Л. Тихвинский. На конференции была выражена большая благодарность Чрезвычайному и Полномочному послу РФ в КНР И.А. Рогачеву за помощь и содействие деятельности ОРКД, Посольству КНР в РФ, Центру китайско-русских культурных связей и землячествам китайских граждан, живущих и работающих в Москве. Слова благодарности и признательности с трибуны Конференции за поддержку и сотрудничество прозвучали также в адрес Председателя КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу — большого друга нашей страны¹⁰.

Ставший в 2003 г. Председателем КНР Ху Цзиньтао свою первую зарубежную поездку в качестве главы государства совершил в Россию. В подписанной в Москве Совместной декларации главы РФ и КНР подтвердили, что углубление отношений добрососедства, дружбы, взаимовыгодного сотрудничества, партнерства и стратегического взаимодействия между РФ и КНР будет оставаться приоритетным стратегическим направлением внешней политики двух стран.

27 мая 2003 г. Ху Цзиньтао встретился в актовом зале МГИМО(У) МИД РФ с представителями общественности, среди которых были и руководители и активисты ОРКД. В своем выступлении он отметил важность общественных связей, тепло приветствовал ветеранов ОРКД и высоко отозвался о вкладе Общества в развитие российско-китайских отношений.

В целях реализации поставленных VII конференцией задач ОРКД активно включилось в работу, продолжая оставаться в центре и на местах единственной в нашей стране организацией, проводящей массовые мероприятия, посвященные КНР и российско-китайским отношениям. Так, ОРКД приняло активное участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных 55-летию КНР, 55-летию российско-китайских дипломатических отношений и юбилейным датам наших китайских партнеров — 50-летию со дня создания КНОДЗ и 55-й годовщине Общества китайско-российской дружбы. В Москве по случаю этих дат также было проведено торжественное собрание, в котором приняла участие делегация КНОДЗ во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Исмаилом Айматом. Российские участники собрания с удовлетворением отмечали, что благоприятствующим фактором развития Китая руководство страны во главе с Председателем Ху Цзиньтао называет "восстановление сил России, развитие добрососедства, дружбы, сотрудничества и стратегического взаимодействия между нашими странами и народами".

В целях привлечения молодежи к движению за дружбу с Китаем ОРКД успешно провело викторину "Знаете ли Вы Китай?". Председатель ОРКД академик М.Л. Титаренко, другие ведущие ученые института выступали в вузах Москвы и других городов России с лекциями о Китае и российско-китайских отношениях. На портале ИДВ РАН был открыт сайт ОРКД, размещающий информацию об Обществе, о проводимых им мероприятиях.

В 2005 г. в России и Китае широко и торжественно отмечалось 60-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне и 60-летие победы китайского народа в войне против японской агрессии. Председатель КНР Ху Цзиньтао по прибытии в Москву встретился в Посольстве КНР с большой группой российских ветеранов, участвовавших в освобождении Северо-Восточного Китая. ОРКД, в свою очередь, пригласило в Москву для участия в торжествах Председателя КНОДЗ—ОКРД Чэнь Хаосу и делегацию представителей китайских городов, в которых находятся мемориальные комплексы павшим советским воинам. Осенью 2005 г. гостями КНОДЗ в Пекине, Шэньяне, Ухани была большая группа российских ветеранов-участников освобождения Северо-Восточного Китая.

14 октября 2004 г. в Пекине Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао утвердили план действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Центральными мероприятиями этого плана стали Год России в Китае в 2006 г. и Год Китая в России в 2007 г.

Центральное правление ОРКД и региональные отделения общества, откликнувшись на инициативу руководителей, активно включились в проведение национальных годов, взаимодействуя со своими китайскими партнерами — КНОДЗ и ОКРД. Общество российско-китайской дружбы и его отделения в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Хабаровске и других 15 регионах России внесли большой вклад в проведение мероприятий Года России в Китае. ОКРД участвовало в проведении встреч российских и китайских ученых, женщин и предпринимателей, в презентациях регионов России в Китае и книг российских ученых о Китае и российско-китайских отношениях на Международной книжной ярмарке в Пекине, в организации пребывания в российских городах китайских журналистов — участников автопробега “Дружба”. В рамках Года России в Китае по инициативе ОРКД в Москве и в регионах были торжественно отмечены 5-я годовщина Российско-Китайского Договора и 10-летие установления между Россией и Китаем отношений доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Были проведены и мероприятия, посвященные 57-й годовщине КНР.

В рамках Года Китая в России руководители и активисты ОРКД участвовали в проведении Недели Пекина в Москве, Фестиваля китайской культуры, Недели культуры Тибета, в презентациях провинций Юньнань, Гуйчжоу, Гуандун, Чжэцзян, Цзянси, Шаньси, Хэбэй, Сычуань. Продолжая работу по привлечению молодежи к российско-китайским обменам, Общество впервые пригласило в Москву китайский детский коллектив для участия в Московском Международном фестивале-конкурсе детского и юношеского творчества “Открытая Европа”. Детский коллектив из г. Вэньчжоу провинции Чжэцзян занял 1-е место на Московском фестивале-конкурсе, в котором участвовало более 2 тыс. детей из 18 зарубежных стран и 120 регионов и городов России. Одной из впечатляющих акций стало приглашение Сюэ Фаня — известного пропагандиста и популяризатора русской и советской песни в Китае, кавалера ордена “Дружбы”. Ученые ИДВ РАН во главе с его директором академиком М.Л. Титаренко приняли участие в Международной книжной ярмарке в Москве. На ней был представлен первый том “Философия” уникального труда российских ученых — пятитомной энциклопедии “Духовная культура Китая”.

5 ноября 2007 г. в канун торжественной церемонии закрытия Года Китая в России вице-премьер Госсовета КНР У И на встрече с тогдашним первым вице-премьером правительства РФ Д.А. Медведевым поблагодарила от

имени руководителей КНР всех, кто участвовал в проведении Года Китая в России и сообщила, что правительство Китая учредило специальные награды — грамоты “Национальные годы” Китая и России. Этой высокой награды был удостоен председатель Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко, что явилось признанием активного участия общества и его многочисленного актива в проведении как Года России в Китае, так и Года Китая в России¹¹.

29 октября 2007 г. ОРКД торжественно отметило свой 50-летний юбилей. В апреле 2007 г. по инициативе наших китайских друзей и партнеров в Пекине состоялась встреча на тему: “Роль народной дипломатии в установлении и развитии китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия”. В ней приняла участие делегация ОРКД. Председатель ОРКД М.Л. Титаренко рассказал китайским участникам об истории создания, о не прекращавшейся в течение всех 50 лет активной деятельности Общества, его участии в проведении национальных годов. От имени Общества была выражена большая благодарность КНОДЗ и ОКРД за сотрудничество и поддержку.

50-летие ОРКД торжественно отмечалось и в Москве. В докладе на торжественном собрании, посвященном юбилею, академик М.Л. Титаренко сказал: “За 50 лет, прошедших после создания Общества российско-китайской дружбы, произошли коренные изменения и в мире, и в наших странах, но неизменным, несмотря на трудный период, который был в наших отношениях и который, мы верим, навсегда канул в лету, было и остается стремление наших народов жить в мире и дружбе, больше знать, понимать и уважать друг друга, остается убежденность в том, что только тесное взаимодействие и равноправное сотрудничество являются гарантией благополучия сегодняшних и будущих поколений наших стран и народов”.

На торжественном собрании было оглашено встреченное горячими аплодисментами приветствие Президента РФ В.В. Путина. “Все эти годы активисты Общества ведут плодотворную деятельность по укреплению взаимопонимания и всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом — Китайской Народной Республикой, — говорилось в приветствии. — Народная дипломатия во многом помогла сберечь традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударственных связей, а затем и подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодействия”.

“С момента основания приоритетным направлением деятельности Общества было и остается расширение связей между народами России и Китая, укрепление общественной базы двусторонних отношений... Деятельность Общества несомненно является неотъемлемым компонентом всего огромного комплекса российско-китайских отношений”, — гласило приветствие министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в адрес ОРКД.

“Общество всегда было тем “мостиком”, благодаря которому никогда не прерывалась человеческая связь простых китайцев и россиян... Роль Общества российско-китайской дружбы как важного субъекта народной дипломатии незаменима”, — написал в приветствии Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в КНР С.С. Разов.

“Опорной силой дела китайско-российской дружбы и ведущим отрядом народной дипломатии, локомотивом движения за дружбу и сотрудничество между Китаем и Россией” назвал ОРКД посол КНР в РФ Лю Гучан.

Председатель КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу в своей приветственной речи на торжественном собрании сказал: “На протяжении минувшего полувека, “при любой температуре” в отношениях между нашими странами, ОКРД, невзирая на свое, подчас непростое положение, всегда было и продолжает оставаться приверженцем идеалов дружбы, борцом за укрепление взаимопонимания и взаимного уважения наших народов друг к другу. Общество российско-китайской дружбы является боевым товарищем и партнером КНОДЗ и ОКРД. Наше плодотворное сотрудничество, в котором заложена большая жизненная сила — один из значимых факторов развития российско-китайских межгосударственных отношений”¹².

В мае 2008 г. Китай стал первой страной дальнего зарубежья, куда Президент РФ Д.А. Медведев нанес официальный визит вскоре после своего избрания на президентский пост.

В Совместном российско-китайском коммюнике об итогах встречи на высшем уровне подчеркивалось, что “всемерное расширение и углубление сотрудничества в гуманитарной области имеет фундаментальное значение для укрепления широкой и прочной социальной базы китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия”¹³.

В 2008 г. ОКРД и его активисты под руководством Председателя общества академика М.Л. Титаренко продолжали наращивать и развивать свой общественный потенциал. По инициативе и при активном участии ОКРД в Пекине была проведена научно-практическая конференция на тему: “Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: состояние, потенциал, препятствия и пути их преодоления”. В Москве ОКРД совместно с ИДВ РАН торжественными собраниями отметили 7-ю годовщину российско-китайского Договора и 59-ю годовщину со дня провозглашения КНР, а также 110-летние юбилеи со дня рождения выдающихся деятелей КНР Чжоу Эньлая и Лю Шаоци. По инициативе ОКРД и ИДВ РАН состоялось торжественное чествование академика С.Л. Тихвинского — почетного председателя ОКРД в связи с 90-летием со дня его рождения. Была успешно проведена XVII научная конференция “Китай, китайская цивилизация и мир”, посвященная 30-летию политики открытости и реформ в Китае.

6 февраля 2009 г. в Москве на заседании ЦП ОКРД был утвержден план работы Общества на юбилейный год. Только в Москве предусмотрено проведение 35 мероприятий, посвященных 60-летию КНР, 60-летию российско-китайских дипломатических отношений и 60-летию ОКРД. Мероприятия, посвященные этим юбилейным датам были намечены и в региональных отделениях общества.

В апреле 2009 г. по приглашению общества в Москву приезжала Лю Айцин — дочь Лю Шаоци, принявшая участие в презентации своей книги “Лю Шаоци — мой отец”. Лю Айцин посетила школу № 1948 с углубленным изучением китайского языка, где встретила педагогический коллектив школы и учащимися. Перед отъездом на Родину состоялась ее встреча с заместителем Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Д.Ф. Мезенцевым и Председателем ОКРД академиком М.Л. Титаренко.

27 апреля 2009 г. по инициативе ЦП ОКРД и коллектива ИДВ РАН был отмечен 75-летний юбилей Председателя ОКРД академика М.Л. Титаренко. В связи с юбилеем он был награжден орденом “За заслуги перед Отечеством” IV степени и Почетной грамотой Правительства Российской Федерации “За большой вклад

в подготовку и проведение Года Российской Федерации в Китайской Народной Республике и Года Китайской Народной Республики в Российской Федерации”.

В мае ОРКД организовало с участием ИДВ РАН торжественное заседание, посвященное 90-летию “Движения 4 мая 1919 г.” и его активным участникам — известным китайским коммунистам Цюй Цюбо, Ли Дачжао и Чжан Тайлэю.

17 июня 2009 г. в Государственном Большом театре России состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, приуроченный к государственному визиту в нашу страну Председателя КНР Ху Цзиньтао.

Выступая на нем, Президент РФ Д.А.Медведев подчеркнул, что российско-китайские межгосударственные отношения превратились в подлинно народные отношения. Существенному расширению их социальной базы в значительной степени содействовало взаимное проведение национальных годов России и Китая и их продолжение — обмен Годами русского и китайского языков, а также расширяющиеся молодежных обмены.

Председатель КНР Ху Цзиньтао в своем выступлении отметил зрелость, устойчивость и здоровое развитие китайско-российских отношений, партнерства и стратегического взаимодействия, указав, что прошедшие 60 лет были годами непрерывного укрепления дружбы между китайским и российским народами, чему во многом содействовали подъем и развитие гуманитарных контактов и молодежных обменов. Ху Цзиньтао призвал активизировать контакты между Россией и Китаем в целях углубления взаимопонимания и дружбы между народами, пригласил на будущий год тысячу российских детей провести отдых в летних лагерях Китая.

В юбилейном 2009 г. в развитии российско-китайских молодежных обменов активно участвовало и ОРКД. Также в июле ОРКД совместно с МИД РФ провели круглый стол, посвященный 8-й годовщине Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, обсудив актуальные вопросы всестороннего российско-китайского сотрудничества.

На третью декаду сентября намечено посещение Китая по приглашению КНОДЗ и ОКРД представительной делегации ОРКД во главе с академиком М.Л. Титаренко для участия в торжествах, посвященных юбилейным датам в жизни КНР и российско-китайских отношений.

В октябре 2009 г. по инициативе ОРКД в Москве пройдет торжественное собрание, посвященное 60-летию КНР и 60-летию российско-китайских дипломатических отношений. Этим датам будет также посвящена и XVIII международная конференция ИДВ РАН.

Институт Дальнего Востока РАН к 60-летию КНР издаст юбилейный сборник “КНР — 60 лет” и книгу “Россия, Китай—народная дипломатия” о деятельности ОРКД и российско-китайских общественных связях. В специальном номере журнала “Проблемы Дальнего Востока” также отмечается эта дата. В марте детский танцевальный и музыкальный художественные коллективы из г. Даляня по приглашению Общества приняли участие в VI Московском международном детском и юношеском фестивале-конкурсе “Открытая Европа” и были удостоены первых премий. Во второй декаде июля Российский государственный социальный университет (РГСУ) — коллективный член ОРКД — принимал студенческую делегацию из г. Даляня, а детский танцевальный коллектив РГСУ “Русский сувенир” участвовал в Тяньцзиньском международном фестивале детского и юношеского творчества...

В настоящее время Общество российско-китайской дружбы является массовой и представительной общественной организацией, осуществляющей деятельность исключительно на энтузиазме своих членов — представителей различных социальных слоев российского общества, от школьников и студентов, представителей деловых кругов, научной и творческой интеллигенции до убежденных сединой ветеранов — участников освобождения Китая от японских захватчиков и участников строительства нового Китая, ученых-китаеведов, любителей китайской культуры. Их всех объединяет искренняя заинтересованность в том, чтобы российско-китайские отношения развивались и крепились в духе взаимопонимания и взаимного доверия на принципах равенства, дружбы, сотрудничества и стратегического взаимодействия. Дальнейшее углубление дружественных связей между российским и китайским народами, понимание того, что только в соразвитии мы можем успешно решать проблемы, встающие перед нашими странами и народами, позволит России и Китаю оставаться “добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами” и проводить в жизнь концепцию “навсегда дружба и никогда враги”.

1. Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине // ПДВ. 2008. № 4. С. 7.
2. Совместное российско-китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве (текст передан директором Первого департамента Азии МИИД РФ К.В. Внучковым).
3. Куликова Г.В. Знаменательный юбилей (25 лет Общества советско-китайской дружбы) // ПДВ. 1982. № 3. С. 103.
4. Там же. С. 104.
5. Архив ССОД-ОСКД. 1969.
6. Куликова Г.В. Мост взаимопонимания, дружбы и сотрудничества // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 678.
7. Куликова Г.В. 50 лет во имя добрососедства, дружбы и сотрудничества // Россия—Китай XXI век. 2007. Авг. С. 67.
8. Там же. С. 67.
9. Куликова Г.В. XXI век призвал Россию и Китай быть добрыми соседями, лучшими друзьями и надежными партнерами // Россия—Китай XXI век. 2007. Окт. С. 61.
10. Там же. С. 61—62.
11. Россия—Китай XXI век. 2007. Ноябрь. С. 14.
12. Там же. С. 14—19.
13. ПДВ. 2008. № 3. С. 9.

Научная жизнь

300 лет российского китаеведения глазами китайского ученого

© 2009

А. Александян, С. Горбунова

Авторами предпринята попытка проанализировать содержание книги профессора Пекинского университета Ли Минбиня "История российской синологии" в контексте развития отечественной историографии в области китаеведения. Целесообразность подобного рода компаративистского подхода обусловлена тем, что в указанной монографии содержится детальное и комплексное описание изысканий российского китаеведения в области литературы, истории, философии и других дисциплин в разные периоды нашей истории.

Ключевые слова: синология, историография российская и китайская.

В 2008 г. с предисловием академика С.Л. Тихвинского в г. Чжэнчжоу (КНР) вышел комплексный историографическо-библиографический труд "История российского китаеведения" ("Элосы ханьсюэ ши". Дасян чубаньшэ). Его автор — известный специалист, профессор Пекинского университета Ли Минбинь. Хронологические рамки исследования охватывают главным образом XVIII—XX вв. Вместе с тем, очерчивая предысторию и культурные основания российской синологии, а также ее перспективы, автор монографии выходит за эти пределы: он фактически начинает свой труд с "времен древней письменности и сказаний"¹ — IX в., одновременно не оставляя без внимания основные тенденции развития указанной области знаний в России в первые годы нынешнего столетия.

Поскольку источниковедческая база и реализация замысла данной работы во многом зависели от степени изученности российского (в том числе дореволюционного и советского) китаеведения учеными нашей страны, целесообразно хотя бы кратко остановиться на достижениях отечественной историографии в этой сфере.

Начало такого рода изысканиям в области отечественной ориенталистики, в том числе китаеведения, положило изданное в 1911 г. монографическое компаративистское исследование В.В. Бартольда², о котором в востоковедении сложилось мнение

Александян Армен Гургенович, кандидат философских наук, научный сотрудник ИДВ РАН. Тел. 8(916) 647-61-21.

Горбунова Светлана Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: SAgorbunova@mail.ru. Тел. 8(903) 967-40-83.

как о родоначальнике историографической науки³. В 1930-е гг. в СССР под влиянием этой работы подобной тематике был посвящен целый ряд статей.

Подлинный подъем историографии отечественного Китаеведения относится к 1960—1980-м гг. Знаковым явлением периода “оттепели”, способствовавшей оживлению синологических исследований, стала изданная в 1960 г. “Библиография Китая” П.Е. Скачкова. Памяти этого выдающегося синолога был посвящен историографический труд В.Н. Никифорова “Советские историки о проблемах Китая”, вышедший десять лет спустя⁴. И по сей день книга В.Н. Никифорова остается единственным в России комплексным монографическим исследованием в области историографии отечественного Китаеведения. К сожалению, профессор Ли Минбинь не уделил достаточного внимания методологическим подходам этого ученого.

Состоявшаяся в 1966 г. Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии дала существенный импульс соответствующим синологическим исследованиям. Активное участие в ней принимали известные Китаеведы, например Л.С. Переломов, Л.В. Симоновская⁵ и др. Сведения о российских синологах были включены в “Библиографический словарь советских востоковедов”, подготовленный С.Д. Милибанд в 1975 г. и неоднократно обновлявшийся и дополнявшийся с тех пор, а также в библиографический указатель по китайской литературе, составленный И.К. Глаголевой. В число наиболее заметных работ этого периода входят фундаментальный труд Д.Н. Воскресенского об изданиях и изучении китайской литературы в СССР, историографический сборник, изданный в 1983 г. в Институте Дальнего Востока по итогам всесоюзной Китаеведческой конференции, статья академика С.Л. Тихвинского об отечественной историографии средневекового Китая (1987)⁶.

В 90-е гг. XX в. в области изучения достижений отечественных Китаеведов наступил застой. Отсутствие исследовательских работ отчасти компенсировали лишь библиографические справочники, подготовленные в академических учреждениях — Институте Дальнего Востока, Институте востоковедения и Институте информации по общественным наукам РАН⁷.

В начале XXI столетия в этой области наметились позитивные изменения. Появился ряд обобщающих историографических работ. Так, основные достижения специалистов такого крупного синологического центра, как ИДВ РАН, были отражены в статье академика М.Л. Титаренко “Во имя науки и обеспечения интересов страны”, а также в библиографическом словаре сотрудников Института (1996—2006 гг.), вошедших в справочник, посвященный 50-летию ИДВ⁸. В цикле статей, опубликованных в связи с этой датой в 2005—2006 гг. в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, был сделан историографический обзор трудов сотрудников ИДВ РАН по аграрной, политико-юридической, экономической, исторической проблематикам, а также по вопросам традиционной китайской культуры⁹.

Современные подходы к изучению отечественной синологии прослеживаются в сборнике “Образ Китая в современной России” (под редакцией Н.Л. Мамаевой), в который вошли статьи М.Л. Титаренко (“О роли российского Китаеведения в развитии диалога российской и китайской цивилизаций”), Л.М. Гудошниковой и А.Г. Степановой (“Российские центры Китаеведения: основные направления исследований в конце 1990-х гг.”) и других¹⁰. Емкие характеристики основных тенденций в синологическом литературоведении последнего десятилетия предложила К.И. Голыгина для третьего тома издана “Духовная культура Китая”¹¹. Научные позиции Китаеведов-историков в разные периоды рассматриваются в статье В.М. Хачатуряна “Образ древнекитайской цивилизации в российской историографии 1990-х гг. (концепции государственности)”¹². Немало материалов по историографии отечественной синологии можно найти в Интернете. В частности,

там размещена работа А.А. Маслова “Развитие китаеведения в России”¹³. Однако большая часть трудов по этой тематике из-за ограниченности тиражей и разрушения после распада СССР системы книгообмена с зарубежными странами осталась вне поля зрения зарубежных, в том числе, китайских коллег.

Отсутствием фундаментальных трудов о современном отечественном китаеведении на русском языке обусловлена основная трудность, с которой сталкиваются зарубежные историографы. В их числе — китайские ученые, проявляющие в последние годы значительный интерес к российскому китаеведению. Этот новый период изучения зарубежных китаеведческих исследований они характеризуют как “этап более глубокого предметного исследования”, освобождения “от идейно-политических препон”, мешавших объективным оценкам достижений синологов других стран¹⁴. Среди работ по данной тематике стоит особо отметить такие комплексные историографические работы, как подготовленное в Институте истории партии при ЦК КПК “Обозрение зарубежных исследований по истории КПК” (первая глава посвящена изучению истории Компартии Китая в СССР и России), составленный в Академии общественных наук КНР труд “Изучение современного зарубежного китаеведения” (в девятой главе рассматривается российская синология), а также фундаментальную монографию Янь Годуна “История российского китаеведения”¹⁵ (1-й том, освещающий ситуацию до 1917 г., вышел в 2006 г., второй готовится к печати). Кроме того, в КНР с 2007 г. по инициативе профессора Янь Чжуньдэ (Пекинский университет языка и культуры) и Чэнь Кайкэ (Институт новой истории АОН КНР) выходит серия трудов по изучению зарубежного китаеведения. В нее уже вошли “Три века российского китаеведения” Янь Годуна, “Изучение достижений Палладия в китаеведении” Чэнь Кайкэ, “В.П. Васильев и Китай” Чжай Чжуньмэя, “Н.Я. Бичурин и исследование его китаеведческих трудов” Ли Вэйли¹⁶.

Заметное место среди этих работ занимает труд Ли Минбиня, состоящий из шести глав и, помимо введения, послесловия и библиографии, включающий приложение с биографическими сведениями о российских синологах.

Первая глава книги — “Истоки российской китаистики (IX—XVIII вв.)” — посвящена предыстории и самому началу изучения Китая в России. Говоря о периоде проникновения первых сведений о Китае в русскую культурную среду, автор отмечает соединение в ней элементов традиций Востока и Запада, особое значение Православия для формирования ее основ¹⁷. В качестве источников информации о Китае, поначалу носившие преимущественно характер легенд, он упоминает “Хождение за три моря” Афанасия Никитина (1472), предания о Среднем государстве, распространявшиеся благодаря купцам, контактировавшим с Китаем через страны Средней Азии, повествования западных путешественников, а также непосредственные контакты русских людей с жителями Китайской империи.

Периоду “chinoiserie” — своего рода “помешательству на Китае”¹⁸, повальному увлечению всем китайским (преимущественно предметами искусства), охватившему с XVII в. страны Западной Европы, посвящен раздел “Начало моды на Китай”. В XVIII в. это мода достигла России. Туда приезжают западноевропейские синологи, в стране появляются переводы китайских сочинений с западноевропейских языков, ряд русских писателей и поэтов пишет в “подражание китайскому”, прославляя вслед за французскими просветителями Китай как страну мудрецов и справедливого правления¹⁹.

Раздел, озаглавленный “Первые книги на русском языке, знакомящие с Китаем”, посвящен трудам дипломата и ученого Н.Г. Спафария (1636—1708), оставившего подробные описания своего посольства в Китае, в которых сообщают-

ся сведения о географии и культуре этой страны. Сочинения Спафария, считает китайский автор, стали одним из элементов фундамента российской синологии²⁰.

Ли Минбинь особо отмечает вклад, который своими переводами и трудами внесли в становление российской китаеведческой традиции члены основанной в 1715 г. Русской Духовной Миссии в Пекине²¹. Точкой отсчета истории научного изучения Китая в России он обоснованно предлагает считать переводческую и преподавательскую деятельность прошедших через Русскую духовную Миссию И.К. Россохина (первая пол. XVIII в.) и А.Л. Леонтьева, а также Г. Миллера. Наиболее высоко Ли Минбинь оценивает достижения известного знатока китайского и маньчжурского языков А.Л. Леонтьева. Среди его основных трудов автор упоминает переводы не только исторических сочинений, но и таких важных памятников духовной культуры Китая, как “Да сюэ” (выполнен в 1780 г.), “Чжун юн” (1784 г.) и ряд других²².

Во второй главе — “Эпоха Бичурина (первая половина XIX в.)” — рассматривается зарождение в России собственно научного китаеведения. Его основателем Ли Минбинь справедливо называет архимандрита Иакинфа (Н.Я. Бичурина, 1777—1853)²³. Разделяя сложившееся мнение о Бичурине как основоположнике русской китаистики, автор останавливается на биографии и трудах Иакинфа и даже касается его непростых отношений с церковными властями. Говоря о вкладе Н.Я. Бичурина в отечественную синологию, Ли Минбинь разделяет его труды на три категории: 1) учебная литература (“Тонический китайско-русский словарь в девяти томах”, “Описание Пекина”); 2) географические и этнографические описания Китая и сопредельных земель (“Описание Тибета...”, “Религия ученых и ее обряды”), переводы письменных памятников (“Сань цзы цзин”, неизданное “Четверокнижие”); 3) языковедческие работы (в частности, первая китайская грамматика на русском языке)²⁴.

Обращаясь к личности и научным достижениям “монаха, надолго оставшегося в Китае”, выдающегося сиолога архимандрита Палладия (П.И. Кафарова, 1817—1878), автор отмечает значение для российской синологии одного из важнейших трудов этого ученого — доработанного и изданного уже после его кончины “Китайско-русского словаря” (1888), известного китаистам как “Палладий”. Помимо перевода и исследования исторических произведений (“Тайная история монголов” и т.д.), путевых заметок и этнографических очерков Ли Минбинь указывает религиозно-учебные труды Палладия “Жизнеописание Будды”, “Исторический очерк буддизма”, “Старинные следы христианства в Китае”, “Китайская литература магометан”²⁵.

В составе пекинской миссии работали и три ключевые, по мнению Ли Минбиня, фигуры русской китаистики начала и середины XIX в. Это П.И. Каменский (1765—1845), автор и составитель ряда китайско-русских и маньчжурско-русских словарей, переводчик “Журнала Тулишена-посла через Россию”; И.И. Захаров (1814—1864), создатель “Полного маньчжурско-русского словаря”, не утратившего своей ценности до настоящего времени; К.А. Скачков (1821—1883), автор целого ряда этнографических и культуроведческих очерков (“Деревенский быт. Списан с натуры с Вэнь цюань сянь, местность называется Шиво”, “Беседы о сельском хозяйстве в Китае”, “О географических познаниях китайцев”) и один из первых переводчиков китайской художественной литературы на русский язык (Перевод романа “Чжоу чао леги чжи”)²⁶.

Называя Казанский университет “колыбелью китаеведения” в России, Ли Минбинь рассказывает об открытии там в 1837 г. кафедры китаистики, давшей отечественной синологии таких ученых, как Д.П. Сивиллов, А. Ристницкий, О. Войцеховский, И. Каримов. Их китаеведческие достижения воплотились в хрестоматии по китайскому языку, переводах (к сожалению, неопубликованных) классических китайских произведений (“Четверокнижие”, “Шу цзин”, “Мэн-цзы”), учебных пособиях²⁷.

Значительный раздел работы посвящен русской буддологической школе, родоначальником которой был востоковед с мировым именем, ученик известного русского индолога И.П. Минаева Ф.И. Щербатской (1886—1942). Он привлек внимание автора тем, что в сферу научных интересов русского исследователя входили буддийская философия и культура как Индии, так и Дальнего Востока (значительная часть его работ написана на английском языке, чтобы сделать их доступными ученым всего мира). Вторая часть трилогии Ф.И. Щербатского “The Buddhist Nirvana”²⁸, изданная в Ленинграде в 1927 г. полностью посвящена анализу доктрины Махаяны — “Великой Колесницы”, направления буддизма, получившего особенно широкое распространение в странах дальневосточного региона. Ли Минбинь отмечает, что Щербатской и его ученики “привлекли новые источники на санскрите, китайском, тибетском и японском языках, сделав возможным создание русской школы в буддологии, вклад которой стал общепризнанным в мире”²⁹.

Данный шаг в развитии российской синологии явился закономерным продолжением работы по переводу китайских буддийских текстов, начатой известным китаеведом профессором В.П. Васильевым (1818—1900). Ли Минбинь высоко оценивает вклад этого ученого в становление традиций художественного перевода китайских литературных произведений в России.

Важное место в дореволюционном китаеведении отводит Ли Минбинь и ученику В.П. Васильева С.М. Георгиевскому, которого В.Н. Никифоров охарактеризовал как “первого русского историка Китая “в полном смысле слова””³⁰. Ли Минбинь акцентирует внимание на другом направлении научной деятельности Георгиевского, который стал пионером изучения мифологии в русском китаеведении, “выражая собственную точку зрения”³¹. Отметим, что вышедшая в 1892 г. книга С.М. Георгиевского стала первым трудом не только в России, но и в мире, специально посвященным древнекитайской мифологии³².

Обращаясь к советскому периоду — новой эпохе развития китаеведения в нашей стране, — Ли Минбинь особо выделяет в первой половине XX в. этап, связанный с деятельностью выдающегося сиолога академика В. М. Алексеева, который, по определению К.И. Голыгиной, вывел синологию “за пределы университетских стен, придав ей академический характер”³³. Китайский ученый прежде всего отмечает заслуги В.М. Алексеева как исследователя, который в процессе изучения традиционной литературы Китая комплексно подходил к синологии³⁴.

В соответствии со своим профессиональным интересом автор проявляет особый пиетет к достижениям российских китаистов в области переводов и исследований классических и современных китайских литературных произведений. Этой тематике посвящено более трети его книги. Переводческая и литературоведческая традиция российской синологии прослеживается им на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1950-х гг., которые ознаменовались переводом на русский язык древнекитайского поэтического свода “Ши цзин” (“Книга песен”), выполненным А.А. Штукиным; изданием четырехтомной “Антологии китайской поэзии” (под ред. Л.З. Эйдлина) и ознакомлением русскоязычных читателей с творчеством китайских поэтов (Бо Цзюйи, Ду Фу, Цюй Юаня); титаническим трудом А.П. Рогачева, В.А. Панасюка, Д.Н. Воскресенского и других сиологов, осуществивших переводы классических китайских средневековых романов “Троецарствие”, “Речные заводи”, “Сон в красном тереме”, “Неофициальная история конфуцианцев”, а также ряда произведений современных авторов (сборники “Цветы в зеркале”, “Цветы в море зла”). В тот же период появляются весьма удачные, по мнению Ли Минбиня, общие очерки по китайской литературе, написанные Л.Д. Позднеевой и В.Ф. Сорокиным³⁵.

Ли Минбинь особо подчеркивает, что, несмотря на “охлаждение” отношений между СССР и КНР, 1960—1970-е гг. в области литературы оказались не менее плодотворными, чем предшествующие. Продолжали выходить переводы поэзии (Тао Юаньмин, Цао Чжи, Су Дунпо), средневековых повестей и рассказов (сборники “Записки о поисках духов”, “Удивительные истории нашего времени и древности”), романов (“Цветы сливы в золотой вазе”), исторических и географических сочинений (первые тома “Исторических записок” Сыма Цяня, “Каталог гор и морей”), произведений драматургии династии Юань, современных китайских авторов (сборники “Дождливая аллея”, “Пятая стража”). Не менее интенсивно, чем прежде, отечественные китаисты, такие как Н.И. Конрад, И.С. Лисевич, Л.Е. Померанцева, занимались исследованием китайской теории литературы и средневековой словесности. Отдельно автор останавливается на трудах В.Ф. Сорокина по истории и теории китайской классической драмы³⁶. Что касается 1980-х гг., то Ли Минбинь отмечает созданные в тот период переводы и исследования современной китайской литературы (прежде всего касающиеся творчества таких авторов, как Ван Мэн и Фэн Цзицай)³⁷.

Особое значение в книге придается работам академика Б.Л. Рифтина. Помимо исследований генезиса эпического китайского романа, этот российский ученый известен переводами произведений китайской изящной словесности и крупным вкладом в изучение китайского фольклора. В частности, как пишет Ли Минбинь, он инициировал процесс становления в российской синологии “мифологического и фольклористического литературоведения”³⁸.

Вторую половину XX в. применительно к советскому/российскому китаеведению автор образно называет временем “блистающих звезд”, первыми в ряду которых он называет академиков РАН С.Л. Тихвинского, М.Л. Титаренко, В.С. Мясникова³⁹. Выделяя в качестве особенности этого этапа интерес сиологов к политике и философии, Ли Минбинь специально останавливается на ряде трудов по китайской философии: вышедшей в 1972—1973 гг. двухтомной антологии “Древнекитайская философия”; изданной 12 лет спустя книге М.Л. Титаренко “Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение”; выпущенном в 1994 г. под его же редакцией первом подготовленном за пределами Китая энциклопедическом словаре “Китайская философия”⁴⁰. Ли Минбинь упомянул также уникальный проект по изданию энциклопедии “Духовная культура Китая”, который в настоящее время близится к завершению. Как фундаментальные философские труды оценены работы китаеведов М.Л. Титаренко, Ю.Л. Кроля, В.Г. Бутова, А.И. Кобзева и других.

Специальный раздел Ли Минбинь посвящает феномену изучения конфуцианства в России. Особое внимание уделяется научному творчеству “московского Конфуция” — Л.С. Переломова. Отражены основные векторы его исследовательской деятельности, среди научных заслуг особо отмечена работа по переводу и исследованию “Лунь юя” — текста, в котором излагаются высказывания Учителя китайской нации. Ли Минбинь указывает на присущее российскому сиологу глубокое проникновение в суть изучаемых духовных феноменов, важность разрабатываемой им проблемы передачи на русский язык специфической конфуцианской терминологии⁴¹. В области изучения конфуцианства Ли Минбинь упоминает также труды В.В. Малявина.

Ни в коей мере не противопоставляя московскую и ленинградскую синологические школы, автор тем не менее суммировал достижения ленинградских/петербургских ученых по семи научным направлениям: история, этнография, философия, искусство, дуньхуановедение, тангутоведение, языкознание Китая. Особо отмечены вклад Ю.Л. Кроля в развитие исторической науки и И.С. Гуревич — в языковедческие исследования. Отдельно рассматриваются заслуги

Л.Н. Меньшикова в области изучения и издания китайских документов из Дуньхуана, хранящихся в российских фондах⁴².

Автор не оставил без внимания и развитие тангутоведения в России, указав на достижения К.Б. Кепинг и Е.И. Кычанова, которые осуществили исследования и переводы важных исторических текстов (“Лес категорий”, “Море писем”), описали грамматику тангутского языка и составили очерк истории тангутского государства⁴³.

Выделив в истории развития советского/российского китаеведения, которое, как подчеркивает Ли Минбинь, “издавна состояло на службе государства”⁴⁴, с середины XX в. три периода: 1950-е, 1960—1970-е и 1980—1990-е гг., автор предпринимает попытку обобщить его достижения применительно к изучению политики, экономики, истории, философии, культуры и искусства Китая.

1. По мнению Ли Минбиня, с 1950-х гг. советские китаеведы быстро усваивали ситуацию в новом Китае и оперативно подвергали анализу его социальные и экономические реалии. В 1960—1970-х гг. основное внимание синологи уделяли изменениям, происходившим в китайском обществе. С наступлением 1980-х гг. главным направлением исследований стало последовательное изучение политики “реформ и открытости” в КНР, прогнозирование как достижений, так и проблем экономических преобразований. Причем китаеведы, полагает Ли Минбинь, надеялись, что изучение реформ в Китае, его позитивного опыта поможет продвинуть реформы в России⁴⁵.

2. На современном этапе, считает Ли Минбинь, российские синологи стали придавать большее значение изучению китайской философии. В контексте ее связи с традиционной китайской культурой уделяется значительное внимание не только конфуцианству и даосизму, но и исследованию китайских религий, включая буддизм. По мнению Ли Минбиня, интерес к китайской традиционной культуре, в качестве тенденции наметившийся с начала 90-х гг. XX в., привел концу столетия к реальным плодам⁴⁶.

В целом с утверждениями Ли Минбиня согласиться можно, однако в его книге не полностью отражены как последние работы по данной проблематике, так и исследования, выполненные в 1980-е гг.

3. В области исторической науки, подытоживает автор, несмотря на сложности анализа древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая, российские китаеведы сумели выйти на новый уровень исследований⁴⁷.

4. Очевидны большие достижения российских ученых в исследованиях литературы, искусства, а также китайской письменности. Их труды, по мнению автора, выделяются в мировом китаеведении системным подходом к анализу культурных реалий⁴⁸.

Хотя вне авторского интереса осталось немало трудов российских китаеведов, обширный фактический материал следует признать сильной стороной книги Ли Минбиня. В ней создана достаточно полная и достоверная картина развития китаеведения в нашей стране до 1990-х гг., подтверждающая мнение автора о серьезном вкладе ученых России в мировую синологию.

90-е годы XX в. представлены в книге слабее, что объясняется, как указывалось выше, отсутствием обобщающих историографических работ на русском языке. С точки зрения концептуального единства книга несколько проигрывает вследствие неоднородности текста: с одной стороны, он лаконичен, информационно насыщен, носит почти библиографический характер, иногда сводится к простому перечислению имен и научных работ; с другой — авторские оценки и обобщения весьма обстоятельны. Несомненным достоинством книги является то, что названия публикаций и имена даются параллельно на русском и китайском язы-

ках. Отдельные опечатки, а также отсутствие дат ухода из жизни некоторых китаеведов не умаляют научного значения работы.

Историография — та теоретическая дисциплина, которая вносит “особенно резко современную точку зрения в осмысление прошлого”⁴⁹. Подход Ли Минбиня к рассматриваемой проблематике отчетливо современен своим стремлением к объективности, дистанцированием от идеологических шаблонов. Автор не только проявляет глубокое знание русского языка и литературы по изучаемому предмету, но и чрезвычайно доброжелательно относится к России и ее культуре. Не случайно профессор Ли Минбинь избран почетным доктором ИДВ РАН.

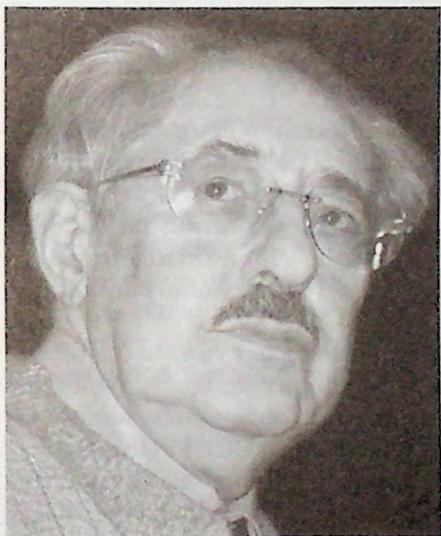
Труд профессора Ли Минбиня заслуживает высокой оценки также с точки зрения популяризации работ российских синологов в Китае. Выход этой книги накануне проведения в 2009 г. Года русского языка в КНР является заметным вкладом в дело ознакомления китайской общественности с русскоязычной научной литературой.

1. Ли Минбинь. Элосы ханьсюэши [История российского китаеведения]. Чжэнчжоу, 2008.
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. СПб, 1911. Этот труд был переиздан в СССР (изд. 2-е. Л., 1925) и вошел в собрание сочинений ученого: Бартольд В.В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
3. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 45, 333—336.
4. Скачков П.Е. Библиография Китая. М., 1960; Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 45, 333—336.
5. Переломов Л.С. Реформы Шан Яна в советской историографии // Межвузовская научная конференция (1966 г.) по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии: Тез. докл. М., 1966. С. 34—36; Симоновская Л.В. Проблемы китайского средневековья в советской историографии // Там же. С. 36—38.
6. См.: Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975; Глаголева И.К. Китайская классическая литература: библиогр. указ. М., 1986; Воскресенский Д.Н. Перевод и исследование китайской литературы в Советском Союзе. М., 1981; Основные итоги и задачи советского китаеведения: докл. и сообщения Второй Всесоюз. Конф. китаеведов. 25—27 янв. 1982 г. Ч. 2. Историография. М., 1983; Тихвинский С. Л. История средневекового Китая в трудах советских синологов // Народы Азии и Африки. М., 1987, № 5. С. 177—184.
7. См.: Институт Дальнего Востока РАН: справочник/ сост. Р.М. Асланов, В.П. Журавлева, А.С. Ипатова; отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Л., 1996; Russian Sinology // European Association of Chinese Studies, Survey. 1996, № 4; Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995; Китайская философия: энциклопедический словарь/ гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
8. Институт Дальнего Востока РАН: годы, люди, труды: информ-библиогр. справ./ сост. В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006.
9. Волкова Л.А. Изучение аграрных проблем КНР в ИДВ РАН // ПДВ. 2005. № 4. С. 88—94; Гудошников Л.М. Исследование политико-юридических проблем Китая в ИДВ РАН // ПДВ. 2005. № 6. С. 31—45; Муромцева З.А. Экономические проблемы Китая в исследованиях ИДВ РАН (1997—2006 гг.) // ПДВ. 2006. № 4. С. 62—70; Переломов Л.С., Кожин П.М. Изучение роли и места традиций в жизни китайского общества в ИДВ РАН // ПДВ. 2006. № 4. С. 57—61; Сорокин В.Ф., Торонцев С. А., Боревская Н.Е. Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // ПДВ. 2006. № 1. С. 63—73.
10. Образ Китая в современной России: Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых. М., 2007.
11. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т.: Литература. Язык и письменность/ гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2008. С. 176—193.

12. См.: Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 131—146.
13. <http://www.russia/org/cn.13.09.2003>.
14. Чэнь Кайкэ. Общий обзор результатов изучения российского китаеведения в Китае после введения политики реформ и открытости // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тез. докл. XVII Международ. науч. конф. "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". М., 22—24 окт. 2008 г. М., 2008. С. 83—84. Чэнь Кайкэ выделил три этапа изучения российского китаеведения в КНР: конец 1970 — конец 1980-х гг.; 1990-е гг.; начало XXI в. — наст. время. (Там же. С. 82—83).
15. Говай чжунгундан ши яньцзю шупин/ под ред. Лян И, Ли Сянцяня. Пекин, 2005; Дандай говай чжунгосюэ яньцзю/ под ред. Хэ Пэйчжуна. Пекин, 2006; Янь Годун. Эго ханьсюэ ши. Т. 1. Пекин, 2006.
16. Чэнь Кайкэ. Указ. соч. С. 84.
17. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 2.
18. Там же. С. 4.
19. См.: там же. С. 6—7.
20. Там же. С. 21.
21. Там же. С. 8—13.
22. Там же. С. 17.
23. Там же. С. 22—23.
24. Там же.
25. Там же. С. 30.
26. Там же. С. 34.
27. Там же. С. 35—37.
28. Большая часть его работ была написана на английском языке, что, по его мнению, делало их доступными для ученых всего мира.
29. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 59—62.
30. Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 15.
31. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 63.
32. На это указывает Б.Л. Рифтин, отмечая также, что книга С. М. Георгиевского переводится в Китае и ей посвящена диссертация Ли Лихуа, аспирантки Нанкинского университета. См.: Духовная культура Китая: Мифология. Религия. М., 2007. С. 25—26.
33. Духовная культура Китая: Литература. Язык и письменность. М., 2008. С. 179.
34. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 63.
35. Там же. С. 39—41.
36. Там же. С. 43—49.
37. Там же. С. 149—153.
38. Там же. С. 212—217.
39. Там же. С. 4.
40. Древнекитайская философия: собрание текстов в двух томах/ сост. Ян Хиншун; редкол.: В.Г. Буров, Р.В. Вяткин, М.Л. Титаренко. М., 1972—1973; Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985; Китайская философия: энциклопедический словарь/ гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
41. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 172.
42. Там же. С. 159—161.
43. Там же. С. 162—165.
44. Там же. С. 229.
45. Там же. С. 110—111.
46. Там же. С. 112.
47. Там же.
48. Там же.
49. Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 330.

Юбилей ученого

Якову Михайловичу Бергеру — 80 лет

Я.М. Бергер родился 12 сентября 1929 г. в г. Уфа. В 1952 г. с отличием окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Научную деятельность Я.М. Бергер начинал как исследователь проблем экономической географии Китая. С 1953 по 1965 гг. работал в Институте географии АН СССР. В 1957 г. принимал участие в Синьцзянской комплексной экспедиции АН КНР. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. он опубликовал ряд работ по вопросам размещения производства в Китае: в коллективных трудах "География КНР" (М., 1956) и "Вопросы географии сельского хозяйства КНР" (М., 1959), в географических ежегодниках (М., 1958—1962), в "Краткой географической энцикло-

педии" и других источниках. В 1959 г. вышла в свет книга "Китай: очерки экономической географии" (М., 1959), которая была переведена в США (China, An economic Scetch. N.-Y., 1959). В 1962 г. Я.М. Бергер защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему "Экономико-географическая характеристика Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР".

С середины 1960-х г. основным направлением его исследований становятся социально-политические и социально-экономические проблемы современного Китая. В 1965 г. он переходит на работу в Отдел истории ИЭМСС АН СССР. После создания Института Дальнего Востока АН СССР в 1967 г. Я.М. Бергер становится одним из его ведущих сотрудников, сначала как заведующий сектором информации, а затем как руководитель сектора общих проблем. Под его руководством была основана система информационных изданий ИДВ. Одновременно он принимал участие в подготовке ряда аналитических докладов и записок для директивных органов. В его публикациях в эти годы исследовались истоки так называемой "культурной революции" в Китае и ее различные аспекты. Этим вопросам посвящена написанная им (под псевдонимом Я. Михайлов) совместно с А.М. Григорьевым и Б.Н. Занегиным брошюра "К событиям в Ки-

тае" (М., 1967), которая затем в расширенном варианте вышла на английском (Development in China. М., 1968) и других языках. Эта проблематика была отражена также в подготовленных при участии Я.М. Бергера коллективных монографиях "Китай сегодня" (М., 1969) и "Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура" (М., 1970), в его работах, опубликованных в информационных сборниках ИДВ (например, "Этапы "культурной революции" в Китае" и "Хроника "культурной революции" в КНР") и других периодических и непериодических изданиях.

В 1970 г. Я.М. Бергер переходит на работу во вновь созданный Институт научной информации по общественным наукам АН СССР на должность заведующего отделом (с 1990 г. — главного научного сотрудника). В 1970-х и 1980-х гг. исследовательская деятельность Я.М. Бергера в области китаеведения сочетается с научно-информационной в области социальных и политических наук. С началом реформ в Китае главным объектом исследований Я.М. Бергера становятся социальные процессы в китайской деревне. Этой проблематике посвящен ряд научно-аналитических обзоров, опубликованных ИНИОН АН СССР в 1982—1986 гг. отдельными изданиями: "Социально-экономические проблемы современной китайской деревни", "Население и продовольственные ресурсы в Китае", "Коллектив и крестьянин в современной китайской деревне", "Проблемы управления в китайском сельском хозяйстве", "Семейное крестьянское хозяйство и проблемы кооперирования в китайской деревне". Эта работа завершилась защитой в 1987 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме "Социальные процессы в современной китайской деревне" и изданием в 1989 г. монографии под тем же названием.

Одновременно в 1970-е и 1980-е гг. Я.М. Бергер выступал в качестве ответственного редактора нескольких десятков реферативных и обзорно-аналитических сборников по глобальным проблемам, по ключевым вопросам развития гуманитарных и социальных наук за рубежом и в СССР. Под его редакцией на русском языке впервые были опубликованы переводы ряда важнейших работ таких мыслителей Запада, как Макс Вебер, Карл Ясперс, Карл Мангейм, Р. Арон, Д. Белл и др. В 1984 г. под редакцией Я.М. Бергера вышла в свет коллективная монография "Современные буржуазные теории общественного развития" (М., 1984).

В 1990-е гг. основные научные интересы Я.М. Бергера связаны с проблемами модернизации Китая. По этой тематике им опубликован ряд работ в выходящей под его редакцией серии научно-аналитических сборников ИНИОН "Переход к рынку в КНР: Общество, политика, экономика", "Переход к рынку в КНР: наследие прошлого и прорыв в будущее" (1994) "Китай: от закрытого общества к открытому миру" (1995). Этим же темам посвящены его статьи в журналах "Проблемы Дальнего Востока", "Полис" и др.

С сентября 1995 г. по 2000 г. Я.М. Бергер по совместительству работал в Институте "Открытое общество": до 1999 г. — в качестве директора программы "Высшее образование", а с 1999 г. — в качестве главного научного консультанта. В рамках этой программы при его активном содействии опубликовано более 100 учебников, учебных пособий и трудов по гуманитарным и социальным наукам для высшей школы, оригинальных и переводных.

В 2000 г. Я.М. Бергер возвращается на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность главного научного сотрудника. Он исследует про-

цессы современного социально-экономического развития Китая и стран Северо-Восточной Азии, прежде всего те, что происходят на стыке экономического роста и социальной сферы. Под этим углом зрения рассматриваются и важнейшие политические события, происходящие в Китае, включая XVI и XVII съезды КПК, сессии ВСНП, пленумы ЦК КПК XVI созыва. Результаты его исследований опубликованы в авторской монографии, коллективных монографиях и сборниках “Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира” (М., 2002), “Глобализация экономики Китая” (М., 2003), “Китай в диалоге цивилизаций” (М., 2004), “Китай: угроза, риски, вызовы развитию” (М., 2005), “Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России” (М., 2008), а также в журналах “Проблемы Дальнего Востока”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Азия и Африка сегодня”, “Новая и новейшая история”, “Общество и экономика”, “Международная жизнь”, “Отечественные записки” и других изданиях. Я.М. Бергер принимал участие в научных конференциях отечественных и зарубежных ученых в России, Китае, Индии, Пакистане.

Всего Я.М. Бергер подготовил более 200 научных трудов общим объемом около 200 а.л. За последние пять лет он опубликовал монографию “Экономическая стратегия Китая” (М., 2009), шесть глав в коллективных монографиях и более 50 научных статей.

Я.М. Бергер пользуется заслуженным авторитетом среди отечественных востоковедов и представителей других общественных наук, о чем свидетельствует приглашение его в качестве эксперта на многие научные и научно-практические мероприятия. В течение 15 лет он является заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока”. Научную работу совмещает с педагогической деятельностью и активным участием в популяризации научных знаний в средствах массовой информации.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

Юбилей Зои Андреевны Муромцевой

22 августа 2009 г. был отмечен юбилей Зои Андреевны Муромцевой, российского китаевода с многолетним опытом, автора серьезных научных исследований.

З.А. Муромцева родилась в Москве на Арбате в "Московском дворике", запечатленном на картине В.Д. Поленова. В 1952 г. с золотой медалью окончила среднюю школу, получившую впоследствии имя В.Д. Поленова. В том же 1952 г. поступила на восточное отделение экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Выбор профессии родители не одобряли, они хотели видеть дочь врачом или инженером в новейшей технике.

Восточное отделение на экономическом факультете просуществовало недолго. Специализация по Китаю сосредоточилась на кафедре экономики зарубежных стран. Темой диплома З.А. Муромцева выбрала развитие процесса индустриализации в КНР.

После окончания МГУ в 1957 г. с "красным" дипломом первым местом работы стал журнал "Советское китаеведение", где З.А. Муромцева проработала младшим редактором до его закрытия в 1959 г. Дальнейшая трудовая деятельность проходила в системе Академии наук — Институт китаеведения, Институт экономики мировой социалистической системы (который был переименован в Институт международных экономических и политических исследований, а в настоящее время является частью Института экономики РАН).

Заключив очную аспирантуру ИЭМСС, З.А. Муромцева в 1969 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. В 1975 г. ей было присвоено звание старшего научного сотрудника. С 1971 г. по настоящее время работает в Институте Дальнего Востока старшим научным сотрудником, а затем ведущим научным сотрудником.

На формирование научных качеств З.А. Муромцевой с самого начала оказали влияние такие профессионалы китаеведения, как Г.В. Астафьев, Г.А. Ганшин, Н.Б. Зубков, Е.Ф. Ковалев, Е.А. Коновалов, М.М. Никольский, М.И. Сладковский, Г.Д. Сухарчук, А.Г. Яковлев, с которыми она работала в журнале "Советское китаеведение" и в академических институтах.

В 1971 г. была опубликована монография З.А. Муромцевой “Проблемы индустриализации Китайской Народной Республики”, которая хорошо известна и имеет высокий уровень цитирования.

В 1971—1985 гг. основной темой ее исследований были проблемы материально-технического оснащения сельского хозяйства КНР. Статья “Модернизация сельского хозяйства КНР: вопросы капитальных вложений” (Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 1) получила отклик в англоязычной прессе. Работы З.А. Муромцевой известны в КНР. Так, в “Цанькао сяоси” 14 июля 2004 г. был опубликован перевод части ее выступления по главным направлениям реформы государственного сектора КНР.

Исследования З.А. Муромцевой основаны на изучении первоисточников, анализе, сопоставлении и критическом отборе данных, характеризующих тот или иной процесс, происходящий в экономике Китая.

В 1987 г. З.А. Муромцева находилась на стажировке в Народном университете г. Пекина. Руководителями практики были профессор Шэнь Цзэмэй и доцент Чэнь Цзужэнь.

Результаты исследований З.А. Муромцевой опубликованы в более чем 100 изданиях, включая четыре монографии, главы в коллективных работах, статьи в журналах и сборниках, тезисы выступлений на международных и институтских конференциях.

В 2009 г. вышла в свет ее авторская монография “Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа”.

Основанные на конкретном историческом подходе к исследуемым проблемам и использовании достоверных данных работы З.А. Муромцевой представляют надежный фундамент изучения процессов индустриального развития КНР, его трудностей и перспектив.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” поздравляют Зою Андреевну с юбилеем и желают ей здоровья и творческих успехов.

Contents

From the Editor-In-Chief

S. Tikhvinsky. The Way It Was. From Reminiscences about the Proclamation of the PRC on October 1, 1949.

RF-PRC: 60 Years of Diplomatic Relations

Interview by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. Lavrov to the Journal *Far Eastern Affairs*

A. Borodavkin. Russia and China: Along the Road of Good-Neighbourliness and Cooperation

S. Razov. Sixty Years of Russian-Chinese Relations: Certain Lessons

The 60th Anniversary of the Foundation of the PRC

M. Titarenko. China on the March: Achievements and Development Prospects in the 21st Century

N. Mamayeva. The People's Republic of China: 60 Years of Party-Political Transformations. The CPC and the CPSU — Certain Trends of Comparative Analysis

V. Trifonov. Foreign Policy of the PRC (1949-2009)

A. Verchenko. The Role of the Soviet Specialists in Economic, Technological and Humanitarian Spheres of the PRC (1949-1960)

FEA Round Table

The 60th Anniversary of the PRC: Results and Prospects

Society

E. Bazhenova. Population of China in the Period of Modernization and Economic Reforms

History

V. Ussov. Study of History of the PRC in Russia in the Past Ten Years (1999-2009)

Chen Zhihua. Three Decades of Studying History of the USSR in the PRC (1978-2008)

Culture

Mao Zedong. "Winter Clouds". Selected Verses (Foreword and Translation by A. Pantsov)

At Russian-Chinese Friendship Society

G. Kulikova. In the Name of Good-Neighbourliness, Friendship and Cooperation

Information

A. Aleksanyan, S. Gorbunova. 300 Years of Russian Sinology as Seen by a Chinese Scholar

Scholar Jubilee

Yakov M. Berger is 80

Jubilee of Zoya A. Muromtseva

Contents

Summary

Summary

N. Mamaeva. The People's Republic of China: 60 Years of Party-Political Transformations. The CPC and the CPSU – Certain Trends of Comparative Analysis

The article is devoted to the role of the communist party in the process of Chinese modernization. The author stresses a continuity of the political process, its historical roots and specific features in the development of China during 60 years. Political reforms in China are divided into several stages: 1950-1970's; the end of 1970's – 1980's; 1990's - 2002; from the XVI Party Congress up to nowadays.

V. Trifonov. Foreign Policy of the PRC (1949-2009)

The author analyses the elaboration of the foreign policy of the People's Republic of China since its proclamation on October 1, 1949, its modern conceptions, position of the PRC on the issues of safeguarding the international peace and security, foreign policy priorities of China, its relations with leading world powers and activities in the most important regions of the world.

A. Verchenko. The Role of the Soviet Specialists in Economic, Technological and Humanitarian Spheres of the PRC (1949-1960)

The timely aid provided by the USSR and its specialists who worked in most of the sectors of the Chinese national economy in the 1950s, helped China to achieve an unprecedented transformation and to make a spurt towards modernization. In the post-war environment of economic depression and isolation the country has received the necessary support, which helped to reorganize the entire system of controls over the national economy, to lay the cornerstone for the modern industry, science and technology as well as to educate skilled personnel nation-wide.

E. Bazhenova. Population of China in the Period of Modernization and Economic Reforms

The article analyses main trends in the demographic development of PRC since 1949, as well as the changes that took place under the influence of socio-economic factors and population policy during 60 years. Since the PRC Government and the CCP connect demographic problem with the fate of Chinese nation, they believe, that success of modernization policy, progress in social and economic spheres and promotion to the status of global power depend on solving the population problem in China.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.paukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.08.2009 г. Подписано к печати 21.09.2009 г. Формат бумаги 70x100 ¹/₈
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 11,8 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 757 экз. Зак. 609

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2009 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.